




В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

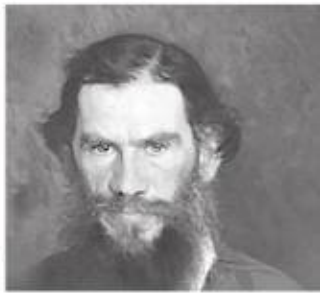
Литература



Часть 1

7



В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

Литература

7 класс

Учебник

В двух частях

Часть 1

Допущено
Министерством просвещения
Российской Федерации

13-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721
К68

Учебник допущен к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

На обложке — фрагмент репродукции картины *Б. М. Кустодиева* «Ярмарка», 1906

Условные обозначения:


Публичное выступление


Дискуссия


Вместе со старшими


Работа в паре


Работа в группе

Коровина, Вера Яновна.
К68 Литература : 7-й класс : учебник : в 2 частях / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 13-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.
ISBN 978-5-09-102511-8.
Ч. 1. — 271, [1] с. : ил.
ISBN 978-5-09-102512-5.
Учебник переработан в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утверждёнными приказом Министерства просвещения № 287 от 31.05.2021 г.
Учебник входит в учебно-методический комплект для 5—9 классов завершённой предметной линии под редакцией В. Я. Коровиной, призванной обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов, определённых во ФГОС ООО по предмету «Литература», овладение системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102512-5 (ч. 1)
ISBN 978-5-09-102511-8

© АО «Издательство «Просвещение», 2013, 2023
© Художественное оформление.
АО «Издательство «Просвещение», 2013, 2023
Все права защищены

ЧИТАЙТЕ НЕ ТОРОПЯСЬ...

В этом году вам предстоит познакомиться с произведениями древнерусской литературы, сочинениями русских писателей XIX и XX веков, с переведённой на русский язык литературой зарубежных стран.

С. Я. Маршак писал, что «литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова». Что это значит? На что надеется каждый автор? Писатели и учёные советуют читать внимательно, вдумчиво. Прислушаемся к их советам и рассуждениям...

* * *

...Книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внимание к человеку — ко всякому, кто бы он ни был, скоплялось уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить становилось легче, радостнее — жизнь наполнялась великим смыслом...

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

М. Горький

Читайте, читайте и читайте! Читайте не торопясь, чтобы не терять ни одной капли драгоценного содержания книг. Человек, «глотающий» книги, похож на путешественника, знакомящегося со страной из окна вагона. Заставляйте себя читать медленно, запоминая, обдумывая, представляя самого себя в гуще тех событий и той обстановки, какими наполнена книга, делая себя как бы их непосредственным свидетелем и даже участником. Только тогда перед вами до конца откроется созданный писателем большой и прекрасный мир...

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей своей широте только перед человеком просвещённым и знающим.

К. Г. Паустовский

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку... то посмешить, то просто выразить своё отношение к происходящему с вами или с кем-либо другим...

Д. С. Лихачёв

Если взять отзывы Пушкина о его современниках, то у вас создаётся впечатление, что он их переоценивает. Он хвалит не только Вяземского и Гоголя, которого сразу заметил. Но наряду с ними хвалит Туманского и Бегичева. Восхищается Дельвигом и Кюхельбекером. Почему? Они ему больше давали, чем нам. Способность усваивать, его внимательность к книге больше, чем у нас. И он умел от всякого взять полезное.

Мне часто приходилось видеть книги Льва Николаевича Толстого. Он не закончил среднего учебного заведения. Но знал немецкий язык, как немец. Хорошо знал французский язык. Немножко говорил даже по-цыгански. Он относился к книгам своим как к людям, которые будут ему нужны всю жизнь.

Я помню библиотеки Маяковского, Хлебникова, Блока.

Все они читали по-разному. Блок знал много. И всё время совершенствовал своё знание. Он знал античность. Он умел готовиться к поездке. Перед тем, как куда-нибудь поехать, скажем в Италию, в Равенну, он читал, что же он там увидит.

Маяковский читал неожиданных для себя писателей, например, он знал Сумарокова. И читал из него строки. Я даже запомнил: «Стихотворенья дух, высокий дух...» Здесь стихотворение — не в смысле написанное в стихах, а сотворение стиха. И Маяковский, открывший книгу у меня в библиотеке, узнал строку Сумарокова и начал читать. Для него это было интересно. Конечно, он знал многих писателей и поэтов, он знал почти всех.

Иногда думают, что Сергей Есенин мало знал. Это неверно. Он знал много. Когда я с ним познакомился, ему было что-то около девятнадцати лет. Такой красавец из деревни. Он знал не только русских писателей, он знал французскую поэзию.

В. Шкловский

Поэзия всегда стремилась открыть в мире прекрасное, муками доказали поэты, как долог и тяжек путь к красоте, постижению смысла жизни.

Поклонимся же низко за эту благородную работу стихотворцу и пожелаем ему того, что желали странники Востока друг другу: «Торопись

обрадовать добрым словом встречного, может быть, в жизни не придётся больше повстречаться».

В. Астафьев

Проверьте себя

1. Какие советы М. Горького, К. Паустовского, Д. Лихачёва кажутся вам важными и каким из них вы следовали при чтении?

2. Прочитайте пословицы, объясните их смысл. Подумайте, как отражается в них отношение народа к чтению и книге: русская — «Не на пользу читать, коли только вершки хватать», немецкая — «В хороших книгах охотно роются», английская — «Выбирай писателей так, как выбираешь друга».

Известны ли вам другие пословицы на эту тему? Какие? Назовите и объясните их.

ЗНАКОМИМСЯ С НОВЫМ УЧЕБНИКОМ

Рассмотрите внимательно учебник. Расскажите, с какими писателями и произведениями предстоит познакомиться впервые, какие справочные и изобразительные материалы помогут в этом.

Обратите внимание, что литературоведческие термины объясняются в кратком словаре терминов и в справочном разделе теории литературы. Сведения о писателях, художниках, литературоведах можно найти в Интернете.

В конце второй части учебника — материалы о том, как читали свои произведения и на что обращали внимание при чтении авторы художественных произведений, включённых в учебник. Там же — рекомендации по внеклассному, самостоятельному чтению, статьи о литературных местах России, связанных с жизнью и творчеством писателей.

Мы желаем радостных встреч с новыми писателями и новыми произведениями знакомых авторов. Пусть помогут они вам стать умными и любознательными читателями, добрыми и интересными собеседниками, справедливыми и отзывчивыми людьми. Пусть растёт в ваших сердцах «внимание к человеку», «уважение к его труду», «любовь к его беспокойному духу»!

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА



Долгие годы, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, звучали в народе сказки и былины, пословицы и поговорки, песни и потешки, загадки и частушки, утешая, веселя.

Но вот в тихих кельях[1] монастырей начинают переписывать летописи, поучения. В X веке появляется *древнерусская* литература. «В ней сформировалось то удивительное чувство общественной ответственности писателя, которое стало характерной чертой русской литературы нового времени, — утверждает исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачёв. — Именно в древней русской литературе создался тот широкий и глубокий взгляд на весь „обитаемый мир“, который стал характерен для неё в XIX веке».

В древнерусской литературе сохранилось много похвал книгам. Ценили они высоко. Летописец, желая похвалить Ярослава Мудрого, отмечал, что он прилежно читал днём и ночью. Книжные центры умножались на Русской земле, и свои летописания вместе с Киевом и Великим Новгородом завели Чернигов, Галич, Ростов, Владимир-Залесский. По свидетельствам литературоведов[2], над рукописной книгой трудились многие. Доброписец чернописный воспроизводил основной текст, статейный писец — вязь[3] киноварью, заставочный писец — заставки и буквицы, живописец иконный — миниатюры; златописец покрывал золотом заставки и отдельные части миниатюр. Златокузнец, среброкузнец и сканный мастер[4] оформляли оклад[5].

---

[1] *Ке́лья* — комната монаха в монастыре.

[2] *Литературове́д* — специалист, изучающий науку о художественной литературе.

[3] *Вязь* — соединение, сплетение смежных букв в один сложный знак (например, в заглавиях старинных рукописей).

[4] *Златокузне́ц, среброкузне́ц и ска́нный ма́стер* — ювелиры, украшавшие оклад книги.

[5] *Окла́д* — декоративное покрытие на иконе или книжном переплёте из тонких листов золота, серебра, золочёной или серебрёной меди.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОВЕСТИ

Из «Похвалы князю Ярославу и книгам»

(Отрывок из «Повести временных лет»)

Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напояющи вселеную, се суть исходящи мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей...

[Велика ведь бывает польза от учения книжного: книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержанье. Это ведь реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержанья. Велика есть мудрость. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдёшь великую пользу душе своей...]

?! Проверьте себя

1. Расскажите кратко о том, как в древности трудились над рукописной книгой, какие жанры литературы включены в «Повесть временных лет». Используйте для своего ответа высказывания исследователей древнерусской литературы.
2. Почему в отрывке о пользе учения книжного говорится, что «книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья»?
3. Какова основная мысль прочитанного текста и сумели ли вы понять его на древнерусском языке? Прочитайте выразительно текст на древнерусском языке и тот же текст в пересказе.

Из «Поучения» Владимира Мономаха

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь над нею, но примите её в сердце своё и не ленитесь, но усердно трудитесь...

В дому своём не ленитесь, но за всем наблюдайте, не полагайтесь ни на тиуна[1], ни на отрока[2], чтобы приходящие к вам не посмеялись

[1] *Тиу́н* — управляющий хозяйством.

[2] *О́трок* — слуга.

ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. Сторожей сами снаряжайте и ночью, со всех сторон расставив охрану, ложитесь около воинов, а вставайте рано. Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись; по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь и пьянства, от того душа погибает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас.

Везде, куда вы пойдёте и где остановитесь, напойте и накормите просящего... Всего же более убогих не забывайте и подавайте сироте, и вдовицу рассудите сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Мы, люди, грешны, и если кто нам зло сотворит, то хотим его поглотить, кровь его пролить скорей.

Если же вам придётся крест целовать, то, проверив сердце своё, целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав, соблюдайте своё слово, ибо, нарушив клятву, погубите душу свою.

Гордости не имейте в сердце и в уме: смертны все, сегодня живы, а завтра в гробу; всё, что мы имеем, дано нам на малое время. Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью, ни во что ставьте всеобщий почёт.

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. Более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то угостите его пищей и питьём; ибо он, проходя, прославит человека по всем землям или добрым, или злым.

Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Если забудете это, то чаще перечитывайте мою грамотку, тогда и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран. Леность ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее...

Размышляем о прочитанном

1. В чём смысл поучений Владимира Мономаха и какие из них кажутся вам необходимыми и сегодня? Как вы понимаете советы: «не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам», «напойте и накормите просящего», «убогих не забывайте»?
2. Как должно звучать это произведение? Прочитайте его выразительно, отметьте особенности стиля.

Творческое задание

1. Попробуйте сами составить небольшое поучение младшим брату, сестре или другу, использовав некоторые слова из «Поучения», например: «приветить», «молвить», «почёт» и др. (предварительно объясните их).
2. Прочитайте самостоятельно «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Напишите небольшое сочинение о характерах героев повести и их поступках.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Есть в земле Российской город, называемый Муром. В нём, как рассказывают, правил князь по имени Павел.

И вот случилось так, что дьявол, искони ненавидящий род человеческий, вселился в летающего змия и стал прилетать к жене князя. Жене князя Павла он являлся в виде змия, всем же остальным представлялось, что сам князь сидит с женою своею. Жена не утаила от мужа, что случается с нею, и рассказала ему всё.

Князь задумался:

— Не знаю, что и сделать со змием, как убить его. Выспроси у него, от чего ему суждена смерть.

Когда тот злой змий опять прилетел к жене, она стала льстить ему и с почтением спросила:

— Ты много знаешь, знаешь ли кончину свою, какова она будет и от чего?

Добрый обман верной жены обманул лукавого обманщика, и не нароком он открыл ей свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова[1] меча.

[1] *Агрик* — сказочный богатырь. Рассказывали, что он побеждал исполинов и чудовищ. Он собрал несметную сокровищницу оружия, среди которого был и меч-кладенец.

Жена поведала мужу, что сказал ей змий. Князь же недоумевал, что значит «от Петрова плеча, от Агрикова меча».

У князя Павла был брат по имени Пётр, и князь рассказал ему всё. Князь Пётр, услышав, что змий назвал его имя, начал думать, как бы убить его. Но его смущало, что он не знал, где раздобыть Агриков меч.

Была же вне города церковь Воздвижения. Пришёл в неё князь Пётр помолиться, и явился ему отрок, сказавший:

— Княже! Я покажу тебе Агриков меч. Иди за мной.

И показал ему скважню в алтарной стене между керамидами[1], а в ней лежал меч. Доблестный князь Пётр взял меч и с того дня искал подходящего времени, чтобы убить змия.

Каждый день Пётр ходил к брату своему и к снохе приветствовать их. Случилось ему прийти в покои брата своего, и от него — в покои снохи. У неё увидел брата своего, от которого он только что вышел. Поняв пронырство лукавого змия, он, желая твёрдо убедиться, пошёл к брату и спросил его, выходил ли он из покоев своих. Тот ответил, что не выходил и у жены своей не был. Тогда князь Пётр сказал:

— Никуда не выходи из покоев своих. Я иду сразиться с лукавым змием.

И, взяв Агриков меч, пошёл в покои к снохе. Там увидел он змия, видом подобного брату; но Пётр, твёрдо удостоверившись, что это не брат, но лукавый змий, ударил его мечом. Змий обратился в свой естественный вид и пал мёртвым в судорогах, забрызгав князя Петра своею кровью. От той вражьей крови тело Петра покрылось струпьями и открылись язвы, и напала на него тяжкая болезнь. Стал он искать врачей, но ни один не мог ему помочь.

Прослышав, что в Рязанской земле много врачей, князь Пётр повелел везти себя туда, сам же он не мог сидеть на коне от своей тяжёлой болезни. Когда его привезли в Рязанскую землю, он послал своих приближённых искать врачей.

Юноша, слуга его, заехал в село Ласково. Подъехал он к воротам одного дома, во дворе не видит никого. Он вошёл в дом, нет никого, кто бы его услышал; вошёл в горницу и увидел чудное зрелище: сидит девица одна, ткёт полотно, а перед нею скачет заяц.

И сказала девица:

— Плохо дому без ушей, а горнице без очей.

---

[1] *Керами́ды* — керамические плиты, обычно закрывающие погребения.

Юноша не понял её слов и спросил:

— Где хозяин этого дома?

Она же в ответ:

— Отец мой и мать ушли плакать взаймы, брат же мой пошёл через ноги смотреть смерти в глаза.

Юноша снова не понял её речей, только дивился, видя и слыша такие чудеса, и сказал:

— Вошёл я к тебе и вижу тебя за работой и зайца, скачущего перед тобою, и слышу странные слова и не пойму, что говоришь.

— Чего же ты не понимаешь? Ты пришёл в дом, и в горницу мою вошёл, и увидел меня сидящей в простом платье. Если бы был во дворе пёс, он почуял бы тебя и залаял: пёс — уши дома. А если бы в моей горнице было дитё, увидело бы оно тебя и сказало мне: дитё — очи дома. А отец мой и мать пошли на похороны и там плачут, а когда за ними смерть придёт, другие будут плакать над ними, ибо это плач взаймы. Я говорила тебе о брате. Отец мой и брат — древолазы, в лесу они собирают с деревьев дикий мёд. Брат же мой нынче пошёл на своё дело, полез высоко на дерево и через ноги смотрит на землю, как бы не сорваться с высоты и не разбиться насмерть. Потому я и сказала, что он через ноги на смерть глядит.

Сказал ей юноша:

— Вижу, что ты дева мудрая. Скажи мне своё имя.

— Меня зовут Феврония.

— А я слуга муромского князя Петра. Князь тяжело болен. Весь покрыт струпьями и язвами от крови свирепого летающего змия, которого убил своею рукою. У себя он не нашёл, кто бы излечил его. Потому велел привезти себя сюда, слышал, что здесь много врачей. Мы не знаем, где они живут, и ищем их здесь.

— Тот сможет его излечить, кто потребует князя твоего себе, — сказала девица.

Юноша спросил:

— Что такое ты говоришь — потребует себе. Если кто излечит князя, он того богато одарит. Скажи мне имя врача, кто он и где живёт.

— Приведи князя твоего сюда. Если будет добросердечен и не высокомерен, то будет здоров.

Юноша скоро возвратился к своему князю и поведал ему всё подробно, что видел и слышал от девицы. Пётр велел везти себя к ней. Привезли его во двор, он послал слуг своих спросить, кто же врач, который может излечить его, и обещал его богато одарить. Девица же без обиняков ответила:

— Я — врач, но даров мне не надо. Моё слово таково: если не буду его супругой, нечего мне и лечить его.

Князь же Пётр пренебрёг её словами, подумав: «Как князю взять в жёны дочь древолаза?» А сам послал к ней сказать:

— Пусть лечит, если излечит, то возьму её в жёны.

Когда ей сказали слова князя, она взяла маленький сосудец, почерпнула хлебной закваски, дунула на неё и сказала:

— Истопите своему князю баню и пусть помажет этой мазью свои струпья и язвы, но один струп пусть оставит, и будет здоров.

Князь велел затопить баню и, желая испытать, так ли мудра девица, как сказал юноша слуга, послал ей пучок льна, сказав:

— Сия девица хочет, чтобы я взял её в жены ради мудрости её. Если мудра, то пусть, пока я моюсь в бане, сделает из этого пучка льна мне сорочку, порты и полотенце.

Девица, услышав слова князя, велела слуге:

— Полезай на печь и сними поленце.

Он подал ей поленце. Она, отмерив пядь[1], сказала:

— Отсеки вот столько от поленца.

Когда же слуга сделал, как она повелела, Феврония сказала:

— Возьми чурочку, дай её князю и скажи: пока я лён очешу, пусть твой князь приготовит мне из этой чурочки станок и всё снаряжение, чтобы я могла соткать ему полотно.

Слуга принёс князю чурочку и передал ему слова Февронии. Князь же сказал:

— Иди, скажи девице, что невозможно сделать станок из такой чурочки и в столь короткий срок.

Слуга вернулся к Февронии и передал ей речи князя. Феврония же ответила:

— А разве возможно в такой короткий срок из такого малого пучка льна соткать взрослому мужчине сорочку, порты и полотенце?

Слуга снова пошёл к князю и сказал ему ответ Февронии. Он же удивился её мудрости.

Помылся Пётр в бане и помазал язвы и струпья мазью, что дала ему Феврония. Только один струп, как она ему велела, оставил непомазанным. Вышел он из бани, а наутро увидел, что всё тело здорово и гладко, только остался тот струп, что он не помазал. Дивился князь своему скорому исцелению, но не захотел взять Февро-

[1] *Пядь* — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых пальцев — большого и указательного.

Скачан с material100.tilda.ws

нию в жёны из-за её низкого рода и послал ей дары. Она же не приняла их.

Поехал князь Пётр в свою отчину, в город Муром, и был совсем здоров. Но от непомазанного струпа с первого же дня стали расходиться струпья на теле его, и вскоре он вновь покрылся струпьями и язвами.

Снова поехал князь к Февронии за исцелением. Приехав к её дому, со стыдом послал к ней посла, прося излечить его.

Феврония же, нимало не гневаясь, сказала:

— Если будет мне супругом, будет исцелён.

Тогда он дал ей твёрдое слово, что возьмёт её в жёны. Она же опять дала ему ту же мазь и сделала всё, как я раньше писал. Князь вскоре выздоровел и взял её в жены. Так Феврония стала княгинею. Прибыли они в отчину свою, в град Муром, и жили благочестиво и праведно.

Вскоре скончался князь Павел, о котором речь была прежде, и князь Пётр стал самодержцем в городе Муроме. Бояре муромские невзлюбили Февронию из-за наветов своих жён, ибо те не хотели, чтобы государыней над ними была неродовитая. И стали они наговаривать на неё князю:

— Она за столом не умеет сидеть. А перед тем как встать, собирает со стола крохи, как голодная.

Князь Пётр захотел испытать свою княгиню и повелел Февронии обедать за одним с ним столом. Когда кончился обед, она собрала в руку крохи, по своему обыкновению. Князь Пётр взял её за руку, разжал ей пальцы и увидел на её ладони зёрна благовонного ладана. С того дня он больше её не испытывал.

Через некоторое время пришли к нему бояре в ярости и говорили:

— Хотим служить тебе по правде как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы княгиня Феврония была государыней над нашими жёнами. Если хочешь быть самодержцем, найди себе другую княгиню, а Феврония пусть возьмёт себе богатства всякого и идёт куда хочет.

Блаженный[1] князь Пётр никогда не впадал во гнев и спокойно ответил:

— Скажите о том Февронии, послушаем, что она скажет.

Неистовые же бояре, потеряв всякий стыд, устроили пир и, когда охмелели, начали как псы лаять и говорить:

---

[1] *Блаже́нный* — благой, добрый.

Скачан с material100.tilda.ws

— Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: «Дай нам то, что мы у тебя просим».

Она ответила:

— Возьмите, что просите.

Они все в один голос закричали:

— Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть будет самодержцем над нами. Но наши жёны не хотят, чтобы ты была госпожою над ними. Возьми богатство всякое и уходи куда хочешь.

Феврония ответила:

— Обещала вам, что вы получите то, что просите. Дайте же и вы мне, что я попрошу у вас.

Они же, злодеи, обрадовались, не ведая будущего своего, и клятвенно обещали ей беспрекословно дать то, что она попросит. Она сказала:

— Ничего не прошу себе, только супруга моего, князя Петра.

— Если сам захочет, не будем спорить, — ответили бояре.

Дьявол подсказал им: если не будет князя Петра, то поставят себе другого князя. И каждый боярин в уме своём хотел стать самодержцем.

Блаженный князь Пётр не мог оставить жену свою ради княжения и решил покинуть Муром.

Злочестивые бояре приготовили им суда на реке, ибо под Муромом течёт река, называемая Ока. И поплыли они вниз по реке.

Когда пришёл вечер, пристали они к берегу. Князь же Пётр начал думать: «Что будет дальше? Сам я своей волей отказался от княжения».

Княгиня же Феврония, поняв его мысли, сказала:

— Не скорби, князь, милостивый Бог не оставит нас в нужде.

Когда готовили ужин, повар срубил ветки и повесил на них котлы. После ужина княгиня Феврония ходила по берегу и, увидев срубленные ветки, благословила их и сказала:

— Пусть вырастут из них наутро высокие деревья с ветвями и листьями.

Так и сбылось. Встав утром, нашли, что те ветки стали большими деревьями.

Когда слуги стали складывать пожитки в суда, чтобы плыть дальше, пришли вельможи из Мурома и сказали:

— Господине княже! Мы пришли к тебе от всех вельмож и от всего города. Не оставь нас сирыми, возвращайся в отечество своё. Многие вельможи в городе друг друга перебили, ибо каждый хотел стать

Скачан с material100.tilda.ws



«Повесть о Петре и Февронии Муромских».
Художник И. Пчелко

самодержцем, и все от меча погибли. Оставшиеся в живых все мы, хоть и прогневили тебя, молим тебя и твою княгиню: не оставляйте нас, рабов своих, хотим вас, и любим, и просим.

Вернулись в Муром князь Пётр и княгиня Феврония. И княжили во граде том как чадолюбивые отец и мать. Всех равно любили, только не любили гордости и грабежа. Принимали странников, насыщали голодных, одевали нищих, избавляли несчастных от напастей.

Когда же подошёл конец их жизни, они стали молить Бога, чтобы им преставиться в один час. И повелели вытесать из одного большого камня единый гроб с преградой посредине и завещали положить тела их в том гробу. Сами же в одно время облачились в иноческие одежды и приняли монашество. Князь Пётр был наречён Давыдом, а княгиня Феврония — Ефросинией.

Скачан с material100.tilda.ws

Феврония, наречённая Ефросинией, вышивала для соборного храма Богородицы воздух[1] с ликами святых. Блаженный же князь Пётр, наречённый Давыдом, прислал к ней сказать:

— Сестра Ефросиния! Душа моя уже хочет покинуть тело, но жду тебя, дабы вместе отойти.

Она же в ответ:

— Подожди, господине, дошью я покров в святую церковь.

Он вторично посылает к ней:

— Ещё недолго могу ждать тебя.

И третий раз послал к ней:

— Уже час мой настал, не могу больше ждать тебя.

Она же заканчивала воздух, только у одного святого не вышила ризы. Кончив вышивать лицо, воткнула в покров иглу и обмотала вокруг неё нитку, которой шила, и послала к блаженному Петру, наречённому Давыдом, о том, что она готова преставиться вместе с ним. Помолившись, предали оба вместе чистые свои души в руки Божии месяца июня в 25-й день.

После их преставления захотели люди похоронить Петра внутри города, в соборной церкви Пречистой Богородицы, а Февронию — вне города, в женском монастыре, в церкви Воздвижения. И сделали им отдельные гробы и положили их врозь. Общий же гроб, который они повелели истесать из единого камня, остался стоять пустым в соборной церкви внутри города.

Наутро люди увидели, что их гробы пусты и тела их обретаются внутри города, в соборной церкви, в едином гробе, который они повелели для себя истесать. Неразумные люди, которые и при жизни хотели их разлучить, не захотели оставить их вместе и после их преставления. Они снова переложили их в отдельные гробы и опять разнесли по разным местам. И снова наутро обрели их в едином гробе. Уже больше не осмеливались прикоснуться к святым их телам и положили их в едином гробе, как они сами повелели, в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри града. И лежат они там на просвещение и на спасение граду тому.

Размышляем о прочитанном

1. Какими чувствами пронизаны поступки главных героев?

[1] *Воздýх* — покров для чаши.

Скачан с material100.tilda.ws

2★[1]. Похожа ли Феврония на героинь русских народных волшебных сказок? Чем? Какие сказочные приёмы изображения героини использовал автор повести? Каковы особенности речи Февронии и как они её характеризуют?
3. На что надеялась Феврония в трудные минуты жизни?
4. Почему вельможи и народ города стали просить героев вернуться назад?
5. Что вы могли бы сказать о характерах главных героев повести, их поступках? Чем важна для нашего времени история жизни Петра и Февронии? Чему она учит?
6. Найдите в словарных ресурсах Интернета (http://gotourl.ru/12172) определение древнерусского литературного жанра «житие́» [2]. Какие черты этого жанра характерны для «Повести о Петре и Февронии Муромских»?

Творческое задание

Каким произведениям мировой литературы о любви и верности, преодолевших испытания, близка «Повесть о Петре и Февронии Муромских»? Подготовьте устное сообщение на эту тему.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Повесть о Петре и Февронии Муромских»

1. Какие интонации преобладают в чтении народной артисткой России Алиной Покровской древнерусской повести о житии святых? Чем они отличаются от былинных интонаций? Как вы думаете, в чём причина отличий?
2. Какие чувства передаёт актриса, читая заключительные строки повести, рассказывающие о последних днях жизни Петра и Февронии?
3. Какие свойства человеческой натуры, черты характера прославляет повесть, а какие осуждает? Какими средствами выразительного чтения актриса подчёркивает, усиливает авторскую оценку душевных качеств героев повести?

[1] Здесь и далее звёздочкой отмечены задания повышенной сложности.

[2] *Житие́* — жанр церковно-религиозной литературы Руси, в котором описываются праведная жизнь, благочестивые подвиги, деяния или страдания святых.

Скачан с material100.tilda.ws

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА



А. С. Пушкин.
Художник О. А. Кипренский. 1827. Фрагмент

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

12 августа 1811 года Александр Пушкин выдержал экзамен и был принят в Лицей в числе 30 воспитанников (окончили Лицей при первом выпуске 29 юношей). 19 октября состоялось открытие Лицея[1]. Этот день стал священным для Пушкина, который впоследствии придал ему значение огромного исторического события в жизни России и в своей судьбе, воспев его в стихах.

Обстановка открытия нового учебного заведения была торжественной: воспитанники, преподаватели и именитые гости, приглашённые в актовый зал, увидели большой, покрытый красным сукном с золотой бахромой стол, помещённый между колоннами, а на нём роскошно убранную грамоту об основании Лицея. Значительность совершаемого действия подчёркивалась присутствием государя императора и высших сановников государства. Это чувствовали и лицеисты, и их профессора и наставники.

Сначала слово было дано директору Лицея В. Ф. Малиновскому, сыну которого, как и Александру Пушкину, предстояло обучаться в Лицее. Профессор Н. Ф. Кошанский представил лицеистов Александру I. Горячую речь произнёс профессор А. П. Куницын.

По принятии в Лицей воспитанникам объявили правила поведения и распорядок пребывания.

[1] Пушкинист Ю. М. Лотман пишет в книге «Александр Сергеевич Пушкин» о том, что заменой мира детства для поэта стал Лицей.

Скачан с material100.tilda.ws

Воспитанников облачили в синие двубортные сюртуки с красными стоячими воротниками, с красным кантом на манжетах; каждый носил синий суконный жилет с блестящими гладкими пуговицами, длинные панталоны синего сукна; ноги обули в полусапожки.

Лицеистам объявили, что до окончания шестилетнего срока обучения никто не должен покидать Лицея или выезжать из него. Родственникам разрешалось посещать воспитанников только по праздничным дням.

День лицеистов начинался в шесть часов утра. После утренних процедур лицеисты шли на молитву. С семи до девяти — занятия («классы»). В девять часов утра — чай. С десяти до двенадцати — снова занятия. От двенадцати до часу — прогулка. В час — обед. От двух до трёх дня — чистописание или рисование. От трёх до пяти — другие уроки. В пять — чай и затем (до шести) прогулка. Далее до половины девятого вечера — «вспомогательный класс» (повторение уроков). В половине девятого — ужин. После ужина до десяти — отдых. В десять лицеисты шли на вечернюю молитву и потом отходили ко сну. Утреннюю и вечернюю молитву читали по очереди.

Пушкин занимал комнату с 14-м номером. По соседству с ним была комната Пущина.

Программа Лицея включала разнообразные предметы. Первые три года Пушкин изучал русский, латинский, немецкий и французский языки, математику, словесность, историю, географию, нравственные науки, статистику, изящные искусства, занимался рисованием, пением, танцами, плаванием, фехтованием, верховой ездой. Особенно строгими были занятия на первых трёх курсах, следующие три курса включали выборочное изучение наук. Занятия продолжались с 1 августа по 1 июля. Каникулы устраивались раз в году (с 1 июля по 1 августа).

В Лицее создалась благоприятная атмосфера для развития творческих, художественных и иных способностей лицеистов.

Профессора благосклонно относились к сочинению стихов, к занятиям искусством и всячески поощряли воспитанников. В Лицее почти все писали стихи, и у Пушкина было много соперников. Учителя были молоды, энергичны, проявляли исключительное внимание к воспитанникам и уважали их личное достоинство. Они утвердили в Лицее дух чести, товарищества, лицейского братства, воспитывали в лицеистах независимость суждений и поведения, прививали ненависть и презрение к холопству, лизоблюдству, ябедничеству, чинопочитанию и требовали от лицеистов ответственного отношения к словам и поступкам. В Лицее царил культ дружбы, и Пушкин пронёс его через всю свою жизнь. Его любимым другом стал Дельвиг; поэт сохранил дружеские связи с Кюхельбекером, Пущиным, Малиновским и другими лицеистами.

Скачан с material100.tilda.ws



«Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года».
Художник И. Е. Репин

Лицей был основан в ту пору, когда Россия переживала национально-патриотический подъём. В стране возникли идеи отмены крепостного права, ограничения власти царя, мысли о главенстве законов и строгом их соблюдении. Крупнейшим историческим событием стала Отечественная война 1812 года, всколыхнувшая всю нацию, вставшую на защиту Отечества и жаждавшую поражения захватчиков. Лицеисты вместе со всеми радостно, восторженно праздновали победу русского оружия, изгнание Наполеона с родной земли и взятие Парижа. Об этих событиях Пушкин написал в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе».

Пушкин навсегда остался верен свободолюбивому духу Лицея, лицейской дружбе. Он считал Лицей родным домом своей юности, а Царское Село — колыбелью своей музы. «Отечество нам Царское Село», — скажет он спустя годы.

Первый выпуск Лицея состоялся 9 июня 1817 года. После окончания семнадцать человек зачислили в гражданскую, двенадцать — в военную службу. Пушкин был направлен в Коллегию иностранных дел.

После выпуска все собрались у директора Лицея Энгельгардта, чтобы провести вместе последний лицейский день.

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ А. С. ПУШКИНА

Без особых причин никогда он не изменял порядка своих занятий. Везде утро посвящал он чтению, выпискам, составлению планов или дру-

Скачан с material.00.tilda.ws

гой умственной работе. Вставая рано, тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду... Писать стихи любил он преимущественно осенью...

П. А. Плетнёв

...Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно дозревало в нём, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово.

В. И. Даль

...Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы... Когда чуял он налёт вдохновения[1], когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался...

П. А. Вяземский

Изо всех времён года он любил более всего осень, и чем хуже она была, тем для него была лучше. Он говорил, что только осенью овладевает им бес стихотворства, и рассказывал по этому поводу, как была им написана последняя в то время поэма: «Полтава». Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и там, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвёртой части... Несмотря, однако же, на такую работу, он кончил «Полтаву», помнится, в три недели...

М. В. Юзефович

Как же сам Пушкин говорил о своём труде, о вдохновении? Прочитаем строки его поэтических воспоминаний:

...в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,

[1] *Вдохновéние* — творческий порыв, подъём, прилив творческих сил.

Скачан с material100.tilda.ws

Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...

?! Проверьте себя

Что нового о Пушкине сообщил вам каждый из отзывов и чьё высказывание близко вашему пониманию поэта? Чем интересны для вас жизнь и личность Пушкина?

Творческое задание

Вы прочитали строки стихотворения, в котором Пушкин рассказывает о том, как к нему приходит вдохновение. На что вы обратили особое внимание? Сформулируйте ответ на вопрос: в чём своеобразие творческой работы А. С. Пушкина?

Литература и другие виды искусства

Используя ресурсы школьной библиотеки и Интернета, найдите и рассмотрите репродукции портретов поэта, фотографии памятников ему. Подготовьте сообщение-рассуждение на одну из тем: «Портреты поэта», «Памятники Пушкину», «Каким я представляю себе Пушкина» (на выбор).

ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

День основания Лицея — 19 октября 1811 года — ежегодно отмечался лицеистами первого выпуска. Пушкин бывал на лицейских сходках в 1817—1819 годах, в 1820—1826 годах отмечал «Лицея день заветный» в одиночестве, вспоминая своих друзей и посылая им приветы в стихотворениях, посвящённых лицейским годовщинам. В 1827 году, возвратившись из ссылки, он празднует «серебряную» годовщину Лицея — 10 лет со дня его окончания. День Лицея поэт отмечал вместе с другими лицеистами в 1832, 1834 и 1836 годах. Лицейским годовщинам Пушкин посвятил несколько стихотворений: «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), «19 октября 1827 года» («Бог помочь вам, друзья мои...»), «Чем чаще празднует Лицей...», «Была пора: наш праздник молодой...».

Скачан с material100.tilda.ws

ЛИЦЕЙСКИЕ ПРОФЕССОРА

Воспитание лицеистов возлагалось на шестерых профессоров, священнослужителя, преподававшего Закон Божий, двух адъюнктов[1] и шестерых учителей изящных искусств и гимнастических упражнений.

Пушкину особенно запомнились А. П. Куницын, читавший нравственные и политические науки; Н. Ф. Кошанский, преподававший латинскую и русскую словесность; А. И. Галич (он заменил заболевшего Кошанского), знаток древнего и нового искусства; Д. И. де Будри, знакомивший лицеистов с французской словесностью; Ф. М. Гауеншильд, профессор немецкой словесности; И. К. Кайданов, профессор исторических наук, лекции которого были интереснее его учебников. В числе преподавателей был и профессор математических и физических наук Я. И. Карцов.

В рукописной редакции стихотворения «19 октября» (1825) Пушкин писал:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

?! Проверьте себя

1. Вы прочитали статьи о лицейских годах А. С. Пушкина (лицейских учителях, друзьях, лицейских годовщинах). Какие размышления вызвали у вас эти сведения о великом русском поэте?
2. Расскажите о Лицее (откуда он получил такое название; какие задачи ставил русский государь перед этим учебным заведением; чем интересно было его открытие; каковы были внутренние покои, одежда лицеистов, режим в Лицее; к чему приравнивался Лицей по уровню знаний; чего добивались профессора от воспитанников и др.). Воспользуйтесь ресурсами Интернета для ответа.
3. О ком из лицейских друзей Пушкина вы узнали?
4. Что вы можете рассказать о лицейских профессорах?
5. Как относились лицеисты к лицейским годовщинам?

ЛИЦЕЙСКАЯ ЛИРИКА

В лицейской лирике Пушкина преобладает поэзия, славящая наслаждение жизнью с её радостями и весельем. Поэт следует лирике Державина,

[1] *Адъю́нкт* — должность ассистента и заместителя профессора (совр. аналог — аспирант).

Скачан с material100.tilda.ws

Жуковского, Батюшкова. Подлинный поэт, по его мнению, творит по вдохновению. Пушкин-лицеист пробует перо в различных жанрах: от оды до романса, элегии и сказки. Любимым жанром раннего лицейского периода становится дружеское послание («К Наталье» — первое стихотворение поэта, «К другу стихотворцу» — первое напечатанное произведение).

В обращениях к друзьям («Товарищам», «В альбом Пущину», «Кюхельбекеру») возникает тема Лицея, которая будет жить и в поздних стихотворениях поэта.

Творческое задание

1. Чем интересен для вас лицейский период жизни А. С. Пушкина (особенности организации жизни в Лицее, обучения)?
2. Подготовьте рассказ о детстве поэта (на основе прочитанного в классе) или о лицейских годах (на материале прочитанных вами статей).
3. Рассмотрите фотографии Лицея и портреты лицеистов — друзей Пушкина. Прочитайте о них в школьном энциклопедическом словаре «А. С. Пушкин». Подготовьте рассказ об одном из них (http://gotourl.ru/12151).

Стихотворения



Портрет И. И. Пущина. *Художник Ф. Верне*

«И. И. Пущину» (1825). Друзьям из лицейского братства Пушкин посвятил много произведений. Стихотворение «И. И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») было передано Пущину, сосланному в Читу.

Стихотворение пронизано чувством благодарности другу за то, что тот его навестил в трудные годы ссылки в Михайловском. Поэт надеется, что и его послание принесёт Пущину «утешенье», осветит его дни «лучом лицейских ясных дней».

Прочитайте это стихотворение. Подумайте, какими средствами художественной выразительности поэт показывает смену грустного настроения радостью встречи двух лицейских друзей.

Скачан с material100.tilda.ws

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!



Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«И. И. Пущину»

1. Какими средствами художественного чтения актёру удаётся передать настроение светлой грусти и благодарности другу за приезд в Михайловское?
2. Какие чувства передал актёр во второй части стихотворения?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Выделите интонацией слова о дружбе, поддержке, слова утешения, обращённые к ссыльному другу.

«19 октября» (1825). В послании «19 октября», первом стихотворении, посвящённом лицейской годовщине, Пушкин, вспоминая друзей-лицеистов, славил дружеский союз («прекрасен наш союз!»), лицейское братство, которое помогает противостоять натиску «судьбины» и даже усмирить её «гнев». Он приветствовал пир жизни, наслаждение её радостями, творчеством и общением родственных душ. Поэт был уверен, что заточение скоро закончится и свобода стоит на пороге его дома:

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!

Стихотворение отразило и прилив могучих творческих сил поэта, полного новых, невиданных дотоле замыслов.

Скачан с material100.tilda.ws

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовёт;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждёт.



Портрет Н. А. Корсакова.
Художник И. Н. Эндер. 1826

Скачан с material100.tilda.ws



Портрет Ф. Ф. Матюшкина.
Неизвестный художник. 1810-е годы

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Ещё кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлёк холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришёл? Кого меж вами нет?

Он не пришёл, кудрявый наш певец[1],
С огнём в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами[2] Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашёл привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

[1] Никола́й Алекса́ндрович Ко́рсаков (1800—1820) — русский поэт, композитор и лицейский друг Пушкина. Умер в 1820 году во Флоренции.

[2] *Мирт* — род южных вечнозелёных древесных растений с белыми пушистыми цветками.

Скачан с material100.tilda.ws

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный[1]?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полуночных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечтался тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку[2]
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,

[1] Фёдор Фёдорович Матюшкин (1799—1872) — русский адмирал, лицейский друг Пушкина. На момент создания стихотворения находился в кругосветном плавании.

[2] *На долгую разлуку...* — перифраз заключительных стихов «Прощальной песни воспитанников Царскосельского Лицея» А. А. Дельвига:

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас.

Песня А. А. Дельвига (на музыку В. Теппера де Фергюсона) была популярна среди лицеистов и исполнялась при выпусках.

Скачан с material100.tilda.ws



Портрет А. М. Горчакова.
Неизвестный художник. 1810-е годы

Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет[1].

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны[2] блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.

[1] *Друзьям иным душой предался нежной; / Но горек был небратский их привет...* — Пушкин вспоминает здесь о предательстве А. Н. Раевского (см. эпиграмму «Коварность») и Ф. И. Толстого, которому Пушкин приписывал распространение сплетен. Толстой был известен как дуэлянт и картёжник, в 1804 году побывал на Алеутских островах, за что получил прозвище «американец».

[2] *Форту́на* — в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

Скачан с material100.tilda.ws



Портрет А. А. Дельвига.
Художник В. П. Лангер. 1830

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун[1] пермесских дев[2].
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел.
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

[1] *Вещу́н* (устар.) — то же, что предсказатель.
[2] *Перме́сские де́вы* — музы, жившие у реки Пермес, сбегающей с горы Геликон.

Скачан с material100.tilda.ws



Портрет В. К. Кюхельбекера.
Художник И. И. Матюшин. 1888

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм[1], не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам!

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнём волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере[2], о славе, о любви.

[1] *Скажи, Вильгельм...* — Вильге́льм Ка́рлович Кюхельбе́кер (1797—1846), поэт, прозаик, декабрист.

[2] Иога́нн Христо́ф Фри́дрих Ши́ллер (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк.

Скачан с material.100.tilda.ws

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока ещё мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придётся одному?

Несчастный друг[1]! средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,

[1] *Несчастный друг...* — всех товарищей по выпуску пережил А. М. Горчаков, умерший в 84 года.

Скачан с material100.tilda.ws

Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провёл без горя и забот.

Размышляем о прочитанном

1. С какими чувствами поэт вспоминает лицейское братство?
2. Кого из друзей-лицеистов поимённо называет поэт? Что вы о них знаете?
3. Как вы понимаете слова: *предсказанье, завет, заточение*?
4. Какие чувства вызывают у поэта воспоминания о друзьях?

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829). В стихотворении отсутствуют яркие и красочные эпитеты. Только две метафоры — «лежит... мгла» и «сердце... горит», но они привычны, широко употребительны в литературной разговорной речи. Все слова и выражения просты: «Мне грустно и легко...», «Унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит...», «...Что не любить оно не может». Но вместе они складываются в один музыкальный образ светлой и тихой печали. Любовь, пришедшая к поэту, от него не зависит — виновато сердце. И поэт искренне взволнован этой способностью сердца «гореть» и «любить».

Ночному пейзажу в стихотворении соответствует незримый мир души. Оба невидимы. Их соединяет спокойствие, умиротворение. Но состояние природы («ночная мгла») не сходно с переживанием героя («печаль моя светла»). Вызвано это тем, что природу созерцает наполненная любовью душа. «Сердце... горит и любит», несмотря на то что ему нет ответа. Неразделённая любовь вызывает печаль, грусть, уныние. Герой испытывает

Скачан с material100.tilda.ws

противоречивые, контрастные настроения — «грустно» и «легко», «печаль» и «светла».

Для поэта-романтика эти образы и мотивы служили бы выражением разобщённости героя с возлюбленной и с миром, одиночества, невозможности достижения идеала. У Пушкина иначе: отсутствие взаимности не вносит в душу героя разлад, не отдаляет его от мира. Герой мысленно соединяется с возлюбленной, хотя она и осталась к нему неблагосклонной («Печаль моя полна тобою, / Тобой, одной тобой...»).

Любовь героя, даже если она безответная, смягчает страдание, вызванное неразделённостью чувства. Не отменяя ни грусти, ни печали, она рождает новые переживания, обогащается новыми оттенками. Поэт с некоторым удивлением замечает, что «грусть» его «легка», печаль «светла», что «унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит...». Так появляются необычные поэтические сращения: «грустно и легко», «печаль моя светла». В них контрастные чувства сливаются и становятся нераздельными. Поэт примирил противоречия в душе, гармонизировал их и передал гармонические отношения героя с миром. После Пушкина эти, казалось бы, странные сочетания стали обозначать сложные переживания, связанные с большими чувствами, остающимися неосуществимыми.

Чувство, которое выражено Пушкиным, принадлежит именно ему. И вместе с тем в этом конкретном чувстве каждый узнаёт нечто ему близкое. Жизненное переживание послужило лишь прототипом переживания художественного, в котором обобщён духовный опыт Пушкина. В жизни каждое чувство сопряжено с массой несущественных потребностей. В лирике оно преображается, очищаясь от всего постороннего и потому ненужного. Вечная тема, так просто и глубоко раскрытая Пушкиным, нашла отражение в музыке. Многие композиторы обращались к этому пушкинскому шедевру.

«Во глубине сибирских руд...» (1826). В 1826 году ссылка Пушкина в Михайловском закончилась. Умер Александр I, и российский престол занял новый император — Николай I, при вступлении которого на царство произошло восстание дворян, желавших улучшения государственного порядка в России. Николай I подавил восстание: пятеро из бунтовщиков были казнены, а остальные сосланы и лишены дворянского достоинства. Николаю I в то время был очень нужен опальный Пушкин, чтобы смягчить тягостное впечатление общества от казней и наказания восставших декабристов. Он повелел привезти Пушкина из Михайловского в Москву, где была назначена коронация. Царь надеялся, что, освободив поэта из ссылки, он привлечёт его к себе и тем даст понять обществу, что будет править справедливо и милосердно.

Скачан с material100.tilda.ws

Пушкин довольно долго беседовал с царём и не скрыл от него, что если бы был в Петербурге, то встал бы в ряды восставших. Николай I оценил откровенность поэта, простил его и обязался быть его личным цензором. Пушкин согласился терпимо и с надеждой относиться к обещаниям императора править во благо России. Мир Пушкина с властью был восстановлен. В первые годы Пушкин не тревожил власть своей критикой и приводил царю в качестве примера для подражания Петра I. Однако он не был согласен с Николаем I, когда тот расправился с декабристами, считая, что они должны были быть прощены, потому что их подвигло на восстание «дум высокое стремленье». В этом Пушкин был убеждён до конца своих дней. И когда представился случай — в начале января 1827 года А. Г. Муравьёва отправилась на каторгу к мужу, — Пушкин передал с ней стихотворение «Во глубине сибирских руд...», в котором написал, что он по-прежнему считает их такими же «братьями», рыцарями-дворянами, как и он сам, что они по-прежнему принадлежат к привилегированному сословию и что у него есть надежда на скорое их освобождение.

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

В ответ поэт-декабрист А. И. Одоевский откликнулся стихотворением:

Скачан с material100.tilda.ws

* * *

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.
Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.
Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею грянем на царей.
И радостно вздохнут народы.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы думаете, правильно ли понял А. И. Одоевский мысль Пушкина?
2★. Что означает слово «меч» («И братья **меч** вам отдадут») в стихотворении Пушкина и то же слово («К **мечам** рванулись наши руки») в стихотворении Одоевского?
3. Почему Пушкин называет не подвергнутых наказанию дворян «братьями», которые после освобождения декабристов («Оковы тяжкие падут») вручат им меч? И что означает этот жест? Подумайте, как понимать выражения «отобрать меч» у рыцаря и «отдать, вернуть меч» рыцарю. Вспомните уроки по истории Средних веков.

«Туча» (1835). Стихотворение «Туча» можно рассматривать и как зарисовку природы, и как отклик на десятилетие восстания декабристов, и как философское размышление.

Центральное четверостишие посвящено прошлому, когда природа ждала ливня, грозы, когда туча властвовала над всем пространством, сотрясала небо грозными раскатами грома, насыщая землю животворной влагой. Но эта пора прошла. «Земля освежилась, и буря промчалась...» Таков вечный закон изменения и обновления природы. В природе (и в обществе) ничто не остаётся неизменным.

Скачан с material100.tilda.ws

Если рассматривать стихотворение «Туча» А. С. Пушкина с философской точки зрения, то этот закон благ и справедлив: вечное движение, вечное изменение — условие неиссякаемости, неисчерпаемости жизни. Но в тоже время это вызывает грусть, ибо само прошлое и то ценное, что было в нём, уходит, в нём уже нет нужды. Этот закон объемлет все сферы жизни, он универсален, следовательно, в орбиту его действия попадает и поэт.

В этом случае в стихотворении можно усмотреть скрытые параллели с жизненным путём поэта: недавно бывший кумиром общества, властителем дум поколения, он вынужден ныне сойти с жизненной и литературной сцены и уступить площадку другим кумирам. Всеобщий закон обновления жизни торжествует повсюду, но и прощание, разлука с прошлым, с его ценностями и достижениями являются не только личными переживаниями, а выступают как всеобщие, универсальные, свойственные всем людям чувства. Так уравниваются в своём значении и гармонически примиряются печаль частного человека и его же всепобеждающая, неискоренимая вера в жизнь.

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Размышляем о прочитанном

О чём это стихотворение — о миновавшей буре или о настроении лирического героя, связанном с картиной, которую он наблюдает? Или о чём-то другом?

Скачан с material100.tilda.ws

Учимся читать выразительно

Выучите стихотворение наизусть, прочитайте его выразительно в классе, подчеркнув с помощью интонаций настроение поэта, переданное через пейзажные образы-символы.

Совершенствуем свою речь

1. Как вы понимаете выражения: рассеянная буря, унылая тень, ликующий день, таинственный гром, алчная земля и т. д.?
2. Какие приметы тучи выделяет поэт, используя слова и выражения: наводишь, печалишь, издавала гром и т. д.? Как называются литературные приёмы, используемые поэтом?

* * *

Поэма «Полтава» (1828—1829). В поэме «Полтава» описывается победа Петра I над шведскими войсками, вторгшимися в Россию в 1709 году. В поэме Пушкин попытался осмыслить историческую судьбу русского государства среди других европейских государств, способность русского народа отстоять свою независимость в извечной борьбе с Западом. Эта тема отражается в поэме как борьба полководца Карла XII (непобедимого до Полтавского сражения), главы сильнейшего тогда, в XVIII веке, военного государства — Швеции, с Петром I, одним из любимых исторических деятелей А. С. Пушкина. Тема эта связывалась в сознании поэта с недавней победой России над Наполеоном в 1812 году, возможно, поэтому поэма посвящена Марии Волконской[1], дочери генерала Раевского, героя войны 1812 года. Пушкин считал, что, одержав победу в тяжёлой борьбе с могучим врагом, Россия доказала свою государственную состоятельность и, более того, окрепла:

...Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.

Центральным эпизодом поэмы является Полтавский бой, центральным героем сражения — Пётр I.

Поэма вышла в свет отдельным изданием в конце марта 1829 года.

[1] Мари́я Никола́евна Волко́нская (1806—1863) — жена декабриста С. Н. Волконского, последовавшая за своим мужем в сибирскую ссылку, где провела около тридцати лет. Она написала об этих годах воспоминания, которые вдохновили поэта Н. А. Некрасова на создание второй части поэмы «Русские женщины».

Скачан с material100.tilda.ws

Полтава

(Отрывок)

Горит восток зарёю новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твёрдостью своею
Её стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдаётся пылкой Шлипенбах[1].
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамён,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлён.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,

[1] Ро́зен, Шлипенба́х — шведские генералы.

Скачан с material100.tilda.ws

Он весь, как Божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музы́ка боевая.
На хо́лмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се[1] — равнину оглашая
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин[2].

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.

[1] *Се* — здесь: вот.

[2] *Полудержа́вный властели́н* — А. Д. Меншиков, ближайший соратник и советник Петра I.

Скачан с material100.tilda.ws



«Полтавская баталия». С мозаичной картины *М. В. Ломоносова*

Он в думу тихо погрузился.
Смущённый взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскалённым,
Стеной живою отражённым,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами[1], саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,

[1] *Бразды* — уздечки, удила.

Скачан с material100.tilda.ws

Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
<...>
Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Ещё напор — и враг бежит[1].
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем чёрной саранчи.

Пирует Пётр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своём он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Размышляем о прочитанном

1. Что вас особенно поразило в описании Полтавского боя? Так ли вы представляли себе это грандиозное историческое сражение?
2. Чем особенно важно было для русских войск сражение со шведами? Подтвердите свой ответ сведениями из истории. Какие примеры из текста доказывают, что речь идёт об историческом сражении?
3★. Сравните описание Петра I и Карла XII (их внешний вид, настроение, поступки и т. д.). Можно ли по этому описанию определить отношение автора к героям? Расскажите об одном из героев.

[1] Бой продолжался не более двух часов.

Скачан с material100.tilda.ws

Совершенствуем свою речь

Как вы понимаете такие строки и отдельные слова, словосочетания: «Горит восток зарёю новой», «Дым багровый кругами всходит к небесам», «В кустах рассыпались стрелки», «Поле роковое», «Как пахарь, битва отдыхает», «И за учителей своих заздравный кубок подымает»? Какие картины возникают перед вашим мысленным взором? Какие литературные приёмы использованы поэтом для описания Полтавского боя и какой эффект достигается с их помощью?

Учимся читать выразительно

Подготовьте к выразительному чтению наизусть отрывок из поэмы, посвящённый Полтавской битве, подчеркнув во время чтения и напряжение боя, и его стремительность, и радость победы, и восхищение отвагой Петра и его сподвижников, и великодушное отношение Петра к побеждённым.

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите репродукцию мозаичной картины М. В. Ломоносова «Полтавская баталия». Известно, что, создавая мозаичную картину, её автор провёл со своими учениками три тысячи опытов, выплавил множество кусочков стекла. Какие впечатления остались у вас от этой картины? Какие детали картины перекликаются с отрывком «Полтавский бой» из поэмы «Полтава»?
2. Иллюстрации каких художников наиболее близки, по вашему мнению, пушкинскому тексту?

* * *

В 1830-е годы, обратившись к прозе, Пушкин написал «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», в которых запечатлел столичный и провинциальный быт России.

О «ПОВЕСТЯХ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»

Из пояснительных статей литературоведа А. Л. Слонимского

...В пяти болдинских повестях Пушкин являлся в роли бытописателя, изображающего современную ему жизнь обыкновенных людей, и у него возникло опасение, что издание повестей подобного содержания будет истолковано критикой как падение его таланта. Поэтому он и решил печатать их анонимно, приписав авторство выдуманному лицу — некоему Бел-

Скачан с material100.tilda.ws

кину. Повести вышли в свет в 1831 году под заглавием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.».

Главная черта пушкинской прозы вообще и «Повестей Белкина» в частности — это сжатость и простота изложения, из которого не выкинешь ни единого слова, потому что каждое слово на месте и необходимо. Пушкин избегает всяких распространений, ненужных украшений. Его проза — точная, краткая, мужественная, «голая», как однажды выразился Лев Толстой. Всякая мелочь характерна — ведёт к чему-то, связана со всем прочим.

Пушкин никогда не вдаётся в подробное объяснение поступков своих героев. Но он всегда угадывает своим гениальным художественным чутьём, как должен поступить такой-то человек в силу своих социальных навыков и других причин, и угадывает безошибочно, так что мы без всяких толкований сразу чувствуем правду, видим живых людей со всеми их противоречиями.

Творческое задание

Прочитайте повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Подтверждаются ли наблюдения А. Л. Слонимского вашими личными впечатлениями от повести, её языка, размышлениями о поступках героев?

Станционный смотритель

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
Князь Вяземский[1]

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим[2] или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти

[1] *Эпи́граф* — слова из стихотворения П. А. Вяземского «Станция». У Вяземского:

Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Первый стих Пушкин, видимо, умышленно видоизменил. Станционные смотрители пользовались чином 14-го класса по названию «коллежский регистратор», а чина «губернский регистратор» в Табели о рангах не было.

[2] *Подья́чий* — младший чиновник в допетровской Руси, писец и делопроизводитель. Для пушкинских времён подьячий — нечто давно исчезнувшее, отсюда эпитет — *покойный*.

Скачан с material100.tilda.ws

в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев[1], и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает генерал, дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь[2] бросает ему на стол свою подорожную[3]!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса[4], следующего по казённой надобности.

---

[1] По правилам 1808 года «путешествующим строго запрещается чинить станционным смотрителям притеснения и оскорбления...». Станционные смотрители, хоть и не имеют классных чинов, находясь на своих местах, «пользуются по высочайшей воле 14-м классом».

[2] *Фельдъе́герь* — правительственный курьер.

[3] *Подоро́жная* — бумага на право проезда.

[4] *Чино́вник 6-го кла́сса* — коллежский советник, соответствующий военному чину полковника.

Скачан с material100.tilda.ws

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади[1]. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто бирал я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай* — ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына[2]. В первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого челове-

---

[1] *Платил прогоны за две лошади* — подорожные, дававшие право на получение лошадей по установленному тарифу, выдавались на определённое число лошадей, в зависимости от чина. Сверх этого числа лошади нанимались в частном порядке. По две лошади полагалось «нижним чинам и служителям». Ехать на перекладных значило ехать в казённом экипаже, пересаживаясь на каждой станции.

[2] *История блу́дного сына* — евангельская притча о юноше, который вёл разгульную (блудную) жизнь, впал в нищету и, раскаявшись, вернулся домой.

Скачан с material100.tilda.ws

ка: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленах; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи. Всё это доныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроём начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменён; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моём, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под

Скачан с material.00.tilda.ws

тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его; — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо; — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает», — отвечал он. «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слыхал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш развяжет язык моего старого знакомца.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житьё? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне своё горе.

— Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлинёвывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появле-

Скачан с material.00.tilda.ws

ние Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпутав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с чёрными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьём у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довезти её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепле-

Скачан с material.00.tilda.ws

ние и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошёл домой ни жив ни мёртв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелён, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снёс своего несчастия; он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностию, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку[1], в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире[2]. Смотритель решился к нему явиться.

---

[1] *Измáйловский полк* — район в Петербурге, где расположены были казармы гвардейского Измайловского полка.

[2] *Демýтов трактúр* — гостиница в Петербурге, близ Невского проспекта.

Скачан с material.00.tilda.ws

Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье[1]. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве; — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублёвых смятых ассигнаций[2]. Слёзы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть ещё раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо.

---

[1] *Скуфья́* — круглая шапочка.

[2] *Ассигна́ции* — бумажные деньги.

Скачан с material100.tilda.ws



«Станционный смотритель». *Художник М. В. Добужинский*

Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живёт». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». И с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка; — зачем тебе её надобно?» Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своём английском седле. Она с нежностию смотрела на Минского, наматывая чёрные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда

Скачан с material.00.tilda.ws

дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступиться. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её ведает. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева[1]. Слёзы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моём приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо: холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и жёлтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что ста-

[1] *...как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева.* — Имеется в виду стихотворение И. И. Дмитриева «Отставной вахмистр» (1791).

Скачан с material100.tilda.ws



«Станционный смотритель». *Художник Д. А. Шмаринов*

рый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! Полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу». При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

Скачан с material100.tilda.ws

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка; — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груду песку, в которую врыт был чёрный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька; — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А потом барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятачок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

Размышляем о прочитанном

1. Что характерного из жизни станционных смотрителей рассказал автор? Какими чувствами окрашен этот рассказ?
2. Как вы думаете, почему рассказ о судьбе Дуни, начатый Самсоном Выриным, ведётся от лица автора-повествователя?
3★. В чём художественный смысл картинок на стенах «смиренной, но опрятной обители», изображающих историю блудного сына? Есть ли связь между ними и судьбой Дуни? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.
4. В «Повестях Белкина» рассказчик и безвестные русские люди, истории которых он передаёт, отличаются отзывчивостью и чуткостью.
   Кто из героев повести «Станционный смотритель» не остался равнодушным к беде Самсона Вырина? Найдите в тексте повести эпизоды, подтверждающие ваш ответ.
5. Подготовьте характеристику станционного смотрителя Самсона Вырина. Включите в свой рассказ цитаты из повести.
6. Кому из героев рассказчик симпатизирует? Каким настроением пронизана вся повесть? Какие чувства и размышления она у вас вызвала?

Скачан с material100.tilda.ws

Литература и другие виды искусства

Повесть «Станционный смотритель» проиллюстрирована знаменитыми художниками — М. Добужинским и Д. Шмариновым. Какие из иллюстраций кажутся вам ближе к пушкинскому тексту? Каким вы представляли себе внешний облик героев? Чем различается настроение, передаваемое художниками?

Проект

Подготовьте сценарий вечера, посвящённого произведениям Пушкина: составьте программу конкурса чтецов, определите условия проведения конкурса иллюстраций, отберите отрывки из произведений для инсценирования, составьте перечень вопросов для литературной викторины, подберите музыкальное сопровождение для инсценировок.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Станционный смотритель»

1. Начало повести — эмоциональный рассказ автора о станционных смотрителях — «сущих мучениках четырнадцатого класса». Какими интонациями окрашивает актёр чтение первых страниц произведения, полностью соглашаясь с рассказчиком?
2. Что переживает рассказчик во время первого посещения почтовой станции в селе Н? Как меняется его настроение и как это отражается в чтении актёра?
3. Какое впечатление произвела на рассказчика обстановка станционного дома во время второго посещения? Как это впечатление передал актёр?
4. Послушайте внимательно фрагмент из повести о третьем посещении рассказчиком села Н. Какими вы представили жену пивовара и деревенского мальчика Ваньку, прослушав их разговор?
5. Как вы считаете, почему Ванька назвал приехавшую в село дочь смотрителя «прекрасной барыней»? Только ли из-за её серебряной монеты?

Внеклассное чтение

Прочитайте повесть «Барышня-крестьянка» из этого же цикла повестей и попробуйте ответить на вопросы:

1. Насколько серьёзны разногласия и споры между Берестовым и Муромским?
2. Что в характерах и в поведении Лизы Муромской и Алексея Берестова естественно, а что надуманно и ложно?
3. Как вы думаете, почему повесть заканчивается весело и счастливо?

Скачан с material100.tilda.ws



М. Ю. Лермонтов в сюртуке Тенгинского пехотного полка. *Художник С. К. Зарянко. 1842. Фрагмент*

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

Шёл 1814 год. Русские войска возвращались из-за границы и вступали в опалённую пожаром Москву. В то самое время, когда Москва, ликуя, встречала победителей, в маленьком домике у Красных Ворот, в ночь на 15 октября (по старому стилю — 3 октября) 1814 года, в семье отставного капитана Юрия Лермонтова родился сын Михаил. Невесёлым было детство этого мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и слабый голосок матери, напевавшей ему грустную песню. Мать умерла, когда ему не исполнилось и трёх лет... Отца Лермонтов видел редко: бабушка не любила его и заставила уступить ей право воспитывать мальчика.

Самые первые, а потому и самые прочные впечатления — это скромный прелестный пейзаж Пензенской губернии, первые воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о Разине и Пугачёве.

Вокруг дома — аллеи старинного сада, спящий пруд, затянутый сетью трав, а напротив усадьбы — дымные, в два ряда чёрные избы и белая церковь села Тарханы. В детстве Лермонтов часто болел, и бабушка три раза возила его на Кавказ, к Кислым Водам. Ездили на своих лошадях, через всю Россию. Кавказ с детских лет вошёл в сознание Лермонтова как край свободы, как страна благородных, возвышенных страстей...

Детство кончилось. Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в университетский Благородный пансион. Это был уже 14-летний подросток, серьёзный, хорошо подготовленный домашними учителями. Незадолго до Лермонтова пансион этот окончили многие участники декабрь-

Скачан с material.00.tilda.ws

ского восстания 1825 года. В пансионе царил дух свободомыслия: по рукам тайно ходили запрещённые стихи Рылеева, Пушкина... Из пансиона он перешёл в Московский университет, учился там в одно время с Герценом и Белинским. В его тетрадях появляются стихи — «Нищий», «Парус», «Два великана».

Природа одарила Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — виртуозно играл пьесы на скрипке, на рояле, пел арии из своих любимых опер, даже сочинял музыку: есть сведения, что он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Он хорошо рисовал и писал картины маслом, легко решал сложные математические задачи. Он был великолепно образован, начитан, слыл сильным шахматистом, владел несколькими иностранными языками. Всё давалось ему легко. И всё же свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом. Некоторым знакомым Лермонтова, не понимавшим размеров его поэтического таланта, казалось, что он подражает английскому поэту Байрону. Как бы в ответ на это Лермонтов написал замечательное стихотворение:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...

В конце второго года из-за участия в студенческом бунте ему пришлось покинуть университет. Исключённым закрывался путь в другие университеты России. И тогда ему ничего другого не оставалось, как поступить в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в Петербурге. «До сих пор, — писал он друзьям в Москву, — я жил для литературной славы, столько жертв принёс своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я — воин!» Он просил друзей не забывать его. Но даже там, в стенах юнкерской школы, он продолжал свои занятия литературой. По окончании школы Лермонтов вышел офицером в гвардейский гусарский полк, квартировавший в Царском Селе под Петербургом, и окунулся в полковую и великосветскую жизнь. Наблюдения над жизнью петербургской аристократии побудили его написать драму в стихах «Маскарад». Герой её — и «жертва», и «палач». Мысль о том, что зло порождает зло, он развил потом и в «Герое нашего времени».

М. Ю. Лермонтов — единственный в литературе того времени — вос создал образ Ивана Грозного по народным песням. Поэт так глубоко сумел постигнуть дух народной поэзии, что современные исследователи справедливо сравнивают «Песню про царя Ивана Васильевича...» с творениями народных сказителей. Недаром Белинский писал, что Лермонтов «вошёл в царство народности как её полный властелин, и, проникнувшись её духом,

Скачан с material100.tilda.ws

слившись с нею, он показал только своё родство с нею...». «Песня...» Лермонтова принадлежит к лучшим произведениям русской и мировой поэзии.

28 января 1837 года по Петербургу разнёсся слух, что Пушкин накануне стрелялся на дуэли с Дантесом и ранен смертельно. На другой день стало известно, что Пушкин умер. И в эти самые дни по Петербургу распространилось в рукописи стихотворение «Смерть Поэта», под которым стояло в ту пору мало кому известное имя: Лермонтов. Это был голос молодого поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в осиротевшей русской литературе. Так началась всенародная слава Лермонтова. Он считал, что назначение поэзии в том, чтобы говорить с народом, призывать его на подвиги во имя свободы.

Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова обрывается также трагически. Современники понимали, что его дуэль с Мартыновым 27 июля 1841 года была не просто дуэлью, а обдуманным политическим убийством.



Памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске.
Скульптор А. М. Опекушин.
Архитектор Н. А. Дорошенко. 1889

Скачан с material100.tilda.ws

Читая и перечитывая Лермонтова, проникаясь героическим, активным духом его поэзии, восторгаясь её неповторимым лирическим содержанием, мы думаем о нём как о живом. И представляем себе его — не достигшего ещё и 27-летнего возраста, так много сделавшего для родной литературы, так много не успевшего осуществить.

И. Л. Андроников

КАК РАБОТАЛ ЛЕРМОНТОВ

Сохранились сведения о том, как составлял Лермонтов сборник своих произведений: в него вошло всего 26 стихотворений и две поэмы: «Мцыри» и «Песня про царя Ивана Васильевича...», хотя к этому времени им было написано 30 поэм и 400 стихотворений.

«Мне случилось однажды в Царском Селе уловить лучшую минуту его вдохновения, — пишет его современник А. Н. Муравьёв. — В летний вечер я к нему зашёл и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ — спросил я. „Сядьте и слушайте“, — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочёл мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму „Мцыри“ (по-грузински — послушник), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера».

?! Проверьте себя

1. В чём особенность первых впечатлений детства Лермонтова? Какими талантами одарила природа поэта и как они проявились в его жизни и творчестве?
2. Используя статью учебника и материалы биографических словарей (http://gotourl.ru/12152), подготовьте сообщение о жизни поэта.

Стихотворения

Стихотворение **«Желанье»** (1832) было написано Лермонтовым-юношей. Оно выдержано в духе народной поэзии. В нём поэт чувствует себя обделённым жизнью, лишённым воли, простора, покоя и полноты жизненных проявлений. Но он не унывает, а надеется, что ему ещё удастся насладиться свободой, побороться со стихией, познать жизнь в её красоте и счастье.

Скачан с material100.tilda.ws

Через пять лет Лермонтов обратился к тем же мотивам и написал стихотворение **«Узник»** (1837). Но теперь в стихотворении возникает образ узника, у которого нет надежды на освобождение, он одинок и не знает выхода из своего незавидного положения. Жизнь не сулит ему счастья, и в стихотворении появляется и усиливается мрачное настроение. Героя-узника преследуют образы смерти, а желания, по-прежнему горячие, остаются неудовлетворёнными, без ответа:

Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок досчатый
С полусгнившею скамьёй,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зелёный сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая

Скачан с material100.tilda.ws

В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

Узник

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжёлая с замком;
Черноокая далёко,
В пышном тереме своём;
Добрый конь в зелёном поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнём;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы думаете, что произошло с Лермонтовым за пять лет, разделяющих два стихотворения — «Желанье» и «Узник»?
2. Попробуйте доказать, что в основу стихотворений легли фольклорные мотивы.

Скачан с material100.tilda.ws

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Размышляем о прочитанном

1. Каким размером написано стихотворение?
2. Как создаётся Лермонтовым впечатление ночного покоя?
3. Какие образы противопоставлены в стихотворении?
4. Кого имеет в виду Лермонтов под местоимением «ты»?

«Тучи» (1840). В 1840 году Лермонтов во второй раз отправлялся в ссылку на Кавказ. В апреле этого года он прощался с петербургскими друзьями. Современник поэта граф В. А. Соллогуб вспоминал: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя у окна и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“. Знакомая поэта, Софья Карамзина, дочь знаменитого писателя, и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что написанное стихотворение. Он... прочёл его. Когда он кончил, глаза были влажные от слёз...»

Лермонтов увидел сходство между мчащимися тучами и своим изгнанием: и тучи, и поэт покидали милый север и устремлялись в чужую южную сторону. Пейзажная картина стала воплощением настроений поэта. И в этом отношении «Тучи» напоминают такие стихотворения, как «Утёс», «На севере диком...». В этих лирических стихотворениях внутренний мир Лермонтова, его чувства передаются через образы природы.

В образе туч и в образе лирического героя есть лишь видимое сходство: кажется, что тучи, как и поэт, — изгнанники. Такой приём уже встречался нам в фольклоре. Но вскоре становится ясно, что сходство между «судьбой» туч и судьбой поэта мнимое, у них гораздо больше различий,

Скачан с material100.tilda.ws

чем сходства. Тучи — «вечные странники», «вечно холодные, вечно свободные», у них нет «родины», и потому они не знают «изгнания». Тучи подчиняются ветру, стихийной силе природы. Им чужды чувства привязанности и дружбы. Поэт, напротив, живёт в человеческом обществе и подчиняется его законам. У него есть родина. Эти различия очень значительны. Поэт жаждет свободы и красоты, он хочет сохранить лучшее, что присуще миру природы (свободу, красоту) и миру людей (любовь к родине, дружбу, наполненную большими чувствами, жизнь). Ему жаль расстаться и с тем и с другим. Однако он понимает, что это невозможно. Отсюда проистекает печальный и светлый тон стихотворения.

Тучи

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Размышляем о прочитанном

1. В чём Лермонтов находит сходство своей судьбы с «судьбой» туч?
2. Какие различия есть в судьбе поэта и «судьбе» туч?
3. О каких настроениях лирического героя мы можем догадаться по второй и третьей строфам стихотворения?
4. Как эпитеты помогают определить отношение к северу, где находится родина и откуда должен уехать поэт, и к югу, куда его ссылают?

Скачан с material100.tilda.ws

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Тучи»

Перечитайте стихотворение и ещё раз прослушайте. Проследите, как меняется характер отношения лирического героя к тучам:

— В какой части стихотворения он мысленно сближает, объединяет себя с ними? Почему?

— В какой части это единение оказывается под вопросом, под сомнением?

— В каких строках стихотворения звучит уверенное «нет»? (У него и «вечно холодных» туч разные судьбы.)

Как передаёт эту динамику, развитие чувств автора актриса?

Выучите стихотворение наизусть, подготовьте его выразительное чтение.

* * *

Прочитайте стихотворения «Молитва» (1839), «Ангел» (1831) и «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837). Какими настроениями они наполнены? Какие краски, литературные приёмы использует поэт, чтобы передать эти настроения читателям?

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Скачан с material100.tilda.ws

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Молитва»

1. Как меняется настроение, эмоциональное состояние актрисы, читающей стихотворение?
2. Помогает ли музыка Эдварда Грига глубже почувствовать содержание стихотворения? Какими эпитетами вы охарактеризовали бы музыку: грустная, скорбная, весёлая, светлая, нежная, радостная?..
3. Как вы думаете, может ли грусть быть светлой? Переживали ли вы когда-нибудь такое состояние? Расскажите об этом.
4. Выучите стихотворение наизусть. Подготовьте его выразительное чтение, передавая движение чувств от грусти к тихой, светлой радости.

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Скачан с material100.tilda.ws

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Ангел»

1. Как актриса средствами художественного чтения передаёт неземную возвышенность, одухотворённость видения летящего ангела, небесных звуков его песни?
2. С грустными, печальными или просветлённо-радостными интонациями актриса читает строки о земной жизни души, слышавшей звуки ангельской песни? Согласны ли вы с актрисой? Почему? Подготовьте развёрнутый ответ на эти вопросы.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда росой обрызганный душистой
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо качает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Скачан с material100.tilda.ws

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов.
«Когда волнуется желтеющая нива...»

1. В стихотворении «Ангел» юный поэт противопоставляет «скучные песни земли» «звукам небес». Услышали ли вы такое противопоставление в чтении стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» народной артисткой России Алиной Покровской? Противопоставлены ли здесь звуки земли (шум леса, звуки ветерка, лепет родника) и видение Бога в небесах?
2. Первые три строфы стихотворения — однородные придаточные предложения, начинающиеся с союза «когда» — актриса читает примерно с одной интонацией, со схожей эмоциональной окрашенностью. Права ли она, ведь изображённые поэтом картины так различны: «желтеющая нива» — осень, «ландыш серебристый» — весна? Обоснуйте свой ответ.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Размышляем о прочитанном

1. Какие переживания, связанные с красотой природы, передаёт поэт в стихотворении «Ангел» (блаженство, полнота жизни)?
2. Какие чувства вызывает в поэте молитва («созвучье слов живых») в стихотворении «Молитва»?
3. Когда и почему в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» «смиряется души тревога» у поэта? Что делает его счастливым?

Творческое задание

Что заинтересовало вас в воспоминаниях и высказываниях о Лермонтове? Подготовьте устный развёрнутый ответ на этот вопрос, напишите сочинение-эссе «Мой Лермонтов».

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворений наизусть, постарайтесь передать настроение лирического героя.

Скачан с material100.tilda.ws

* * *

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» была написана Лермонтовым в 1837 году. В содержании «Песни...» сталкиваются прошлое и настоящее. Этот мотив выражается как в её строении, так и в поводах к её сочинению. Особенность характерного для Лермонтова мотива — противопоставление славного прошлого отрицаемому настоящему (например, в «Бородино») в «Песне...» передана в народно-эпическом ключе. «Песня...» — эпическое произведение, не имеющее соответствий в творчестве Лермонтова.

Таким образом, сюжет «Песни...» Лермонтов нашёл в современности, увидев в Пушкине, погибшем на дуэли, защищавшем честь своей семьи, героическую личность. Однако поэт обработал сюжет в народно-эпическом духе, перенеся события в русское Средневековье. С этой целью Лермонтов воспользовался широким фольклорным материалом, в частности историческими песнями об Иване Грозном, не прибегая к какому-либо одному конкретному источнику.

Фольклорное начало выдержано во всём тексте «Песни...» — в строе народной речи, стилистике, лексике, синтаксисе, стихе.

Стих «Песни...» — безрифменный, четырёхударный («Лишь один из них, из опричников. Удалой боец, буйный молодец...»). К особенностям фольклорной традиции относятся также повторы конца строки в начале следующей. Как и в народных песнях, у Лермонтова широко используются *анафоры* (приём единоначатия).

В стилистике народной песни употребительны отрицательные сравнения, зачины («Не сияет на небе солнце красное. / Не любуются им тучки синие...», «Не встречает его молодая жена, / Не накрыт дубовый стол белой скатертью»), синонимические или тавтологические повторы («И гуляют-шумят ветры буйные», «Не шутку шутить, не людей смешить», «Прогневался гневом, топнул о землю», «Отвечай мне по правде, по совести», «наточить-навострить», «одеть-нарядить», «смертью лютою, позорною», «Торговать безданно, беспошлинно» и др.). К стилистике русского эпического фольклора относятся и *постоянные эпитеты* (конь — добрый, сабля — вострая, воля — вольная, смерть — лютая), уменьшительные и ласкательные слова (голубушка, сторонушка, детинушка), краткие (стар человек) и полные (топором навострённым, «У ворот стоят у тесовых») народно-речевые формы прилагательных, некоторые формы деепричастий (играючи, пируючи), глаголы с двойными приставками (призадумалась, истратилась), также «высокие» формы сочетания глагола с приставкой (возговорил).

Скачан с material100.tilda.ws

Эпический характер «Песни...» подчёркнут и тем, что её поют гусляры — сказители-песельники. Они одновременно слагают и исполняют её. Стало быть, события в песне освещаются не от лица автора, а от лица эпических народных поэтов. Гусляры начинают «Песню...», заканчивают каждую главу непосредственным обращением к слушателям и завершают эпическое повествование. Это связано с тем, что авторский голос не допускается в «Песню...», чтобы не нарушить духовное единство изображаемого мира, которое несут с собой гусляры.

При этом речевое единство (все персонажи говорят фольклорным языком) конфликтует с содержанием «Песни...», её сюжетом.

«Песня...» содержала в себе современный художественно-общественный смысл, поэтому купца Калашникова и опричника Кирибеевича можно рассматривать в качестве типичных героев-антагонистов. Калашников — «простой» человек патриархального строя жизни. Он выполняет роль героя-мстителя, который сражается и гибнет, защищая свою честь и честь своей жены. Кирибеевич — своевольный герой-индивидуалист, нарушающий патриархальные и христианские законы и справедливо наказанный за поругание чести и обычаев, норм социально-бытового поведения. Тем самым поединок Калашникова и Кирибеевича Лермонтов понял как столкновение старых, патриархальных устоев средневекового общества с новыми нарождающимися нормами общественного поведения эгоистического типа, в которых главную роль играют личные желания и своеволие.

Степан Калашников, как герой средневекового прошлого, испытывает на себе тяжесть «царской милости». Он зависит от исторических обстоятельств, которые побуждают его бросить вызов обидчику. «Песня...» потому и получила достоинство эпического произведения, что месть Калашникова имеет не только личную мотивировку, но и общенародную, общезначимую.

Кирибеевич и Грозный, нарушая вековые моральные нормы, презирают общечеловеческую этику, покушаясь на личную свободу и честь. С этой точки зрения Кирибеевич выглядит своевольным индивидуалистом, Иван Грозный — тираном.

Бой Калашникова с Кирибеевичем происходит на виду всего народа. Эмоциональным выражением смертельного поединка и вместе с тем величия нравственной идеи, заключённой в нём, служит предшествующее бою описание, передающее чувство справедливости предстоящего возмездия.

Пред лицом Ивана Грозного Степан Калашников на виду всей Москвы, её Кремля и церквей, всей святой Руси защищает личную честь и народную правду. Бой же Калашникова с Кирибеевичем — не обычный кулачный бой, а смертельный. Степан Парамонович вышел не только с наме-

Скачан с material100.tilda.ws

рением постоять за правду, но и отомстить и даже непременно убить обидчика.

Дважды преступив закон, Степан Парамонович склоняет перед ним голову.

В связи с этим очень существенно отношение к Калашникову Ивана Грозного, гусляров и самого автора, Лермонтова.

Литературоведы, как правило, не сочувствовали Ивану Васильевичу, считая, что царь изображён деспотом и тираном, жестоко казнившим смелого купца. Однако никакой особой жестокости в действиях Ивана Грозного нет, если принять во внимание суровые нравы эпохи, весьма далёкие от гуманистических моральных и этических норм более позднего времени.

С точки зрения Ивана Грозного, Калашников должен быть казнён «казнью лютою, позорною» (слово «позорною» здесь означает «зрелищною», выставленную на обозрение; происходящую на виду всего народа, при стечении большого числа людей), потому что он бросил вызов царю, проявил буйство, «вольной волею» убив любимого царского опричника. Потешный бой предусматривал не наказание победившего, а царскую награду:

Кто побьёт кого, того царь наградит,
А кто будет побит, того Бог простит!

Калашников превратил кулачную забаву в смертоубийство. Признаваясь в своём желании убить Кирибеевича, купец противопоставляет себя как личность царю:

А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси[1], царь Иван Васильевич[2]!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твово любимого опричника[3],
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили её на старинный лад,

[1] *Гой еси́* (устар., народно-поэт.) — приветственный, ободрительный возглас.

[2] Иван Васильевич — Иван IV (Грозный) (1530—1584), русский царь.

[3] *Опри́чник* — дворянин, состоявший в опричнине — войске, созданном Иваном IV для борьбы с боярами. Опричники отличались крайней жестокостью.

Скачан с material100.tilda.ws

Мы певали её под гуслярный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднёс мёду пенного[1],
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шёлком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники[2],
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие своё и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золочёный ковш
И поднесть его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи тёмные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.
Вот нахмурил царь брови чёрные
И навёл на него очи зоркие,

[1] *Мёд пе́нный* — здесь: лёгкий спиртной напиток.
[2] *Сто́льник* — придворный, прислуживающий за царским столом.

Скачан с material100.tilda.ws

Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.

Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звёзды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьёю ты вскормлен Малютиной[1]!..»
Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу чёрную — не запотчевать!
А прогневал тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чём тебе, молодцу, кручиниться?
Не истёрся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?

[1] Малю́та Скура́тов — приближённый Ивана Грозного, глава опричников.

Скачан с material100.tilda.ws

Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалённая?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак[1] мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду-поеду на лихом коне
За Москву-реку покататися,
Кушаком подтянуся шёлковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Чёрным соболем отороченную[2], —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешёптываясь;
Лишь одна не глядит, не любуется,
Полосатой фатой[3] закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебёдушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поёт;
Горят щёки её румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетённые,
По плечам бегут, извиваются,

[1] *Аргама́к* — конь для верховой езды, для конных сражений; аргамаков разводили прирождённые наездники — обитатели южных степей.
[2] *Отороченный* — обшитый по краям.
[3] *Фата́* — лёгкое покрывало.

Скачан с material.100.tilda.ws

С грудью белою цалуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

Как увижу её, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони лёгкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удальство своё?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи приволжские,
На житьё на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копьё бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слёзные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюся.
Вот возьми перстенёк ты мой яхонтовый[1],
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе[2] смышлёной покланяйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитревне:
Как полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогневайся».

[1] *Я́хонтовый* (от *я́хонт*) — старинное название рубина.

[2] *Сва́ха* — в старину женщина, помогавшая найти невесту или жениха.

Скачан с material100.tilda.ws

— Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозвищу Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлём горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор[1].
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошёл он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

[1] *Гости́ный двор* — двор, на котором шла торговля, располагались торговые ряды. (*Гости́ный* — от старинного слова *го́сти* — купцы.)

Скачан с material.00.tilda.ws

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится,
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилася
В такой поздний час Алёна Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитревна;
Вот уж поп прошёл с молодой попадьёй,
Засветили свечу, сели ужинать, —
И по сю пору твоя хозяюшка
Из приходской церкви[1] не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнёхонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая[2],
Косы русые расплетённые
Снегом-инеем пересыпаны;

[1] *Приходска́я церковь* — местная церковь.

[2] *Простоволо́сая* — с непокрытой головой. (Для замужней женщины считалось неприличным выходить так на улицу.)

Скачан с material100.tilda.ws

Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрёпаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай[1], с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Моё имя честное не порочила...»

И услышав то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька,
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шёпотом:
«Что пужаешься, красная красавица?

[1] *Чай* — видимо, наверное.

Скачан с material100.tilda.ws

Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, целуя, всё приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам[1] в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?

[1] *Охúльник* (от слова *хулá* — порицание, осуждение) — человек, который порицает, порочит, позорит другого.

Скачан с material100.tilda.ws

У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшой мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алёна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во тёмную ночь,
Во тёмную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьёт он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилося,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,

Скачан с material100.tilda.ws

Когда сизый орёл зовёт голосом
На кровавую долину побоища,
Зовёт пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлёвской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в 25 сажень,
Для охотницкого[1] бою, одиночного.

[1] *Охо́тницкий* — здесь: добровольный, для тех, кто хочет.

Скачан с material100.tilda.ws

И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьёт кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершися в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,

Скачан с material100.tilda.ws



«Песня про... купца Калашникова». *Художник М. И. Песков*

Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду[1] служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью тёмною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

[1] *Панихи́да* — церковная служба по умершему.

Скачан с material100.tilda.ws

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

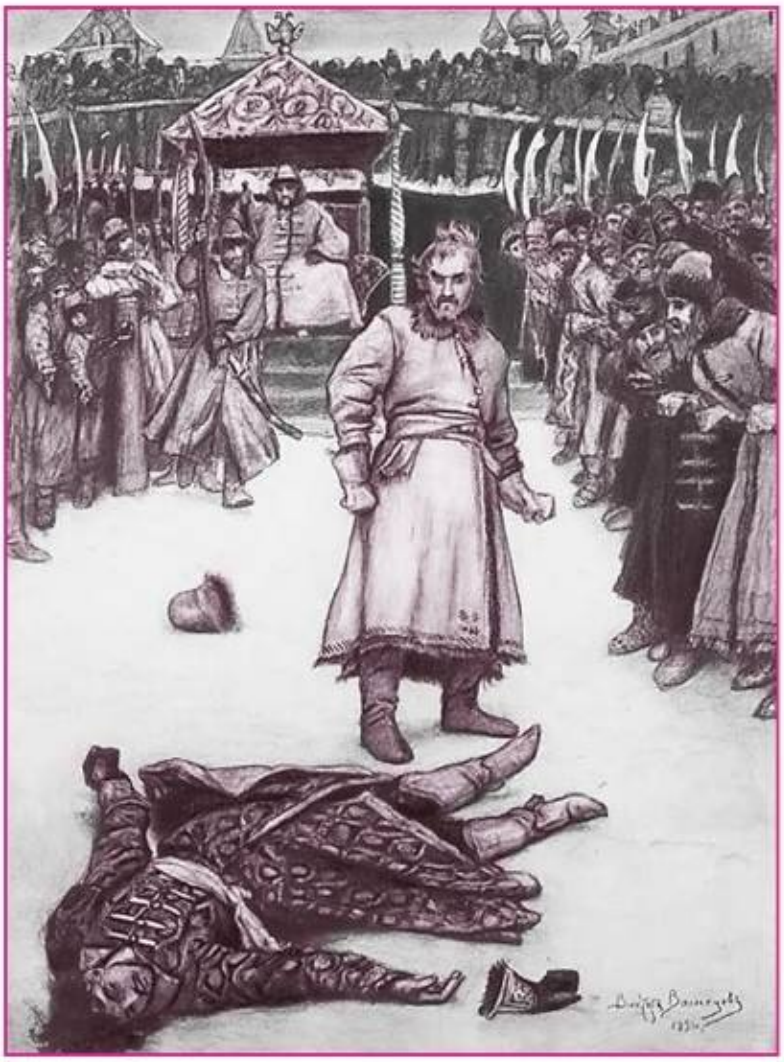
Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;



«Песня про... купца Калашникова».
Художник И. Я. Билибин

Скачан с material100.tilda.ws



«Песня про... купца Калашникова».
Художник В. М. Васнецов

Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,

Скачан с material.100.tilda.ws

На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови чёрные;
Повелел он схватить удалова купца
И привесть его пред лицо своё.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Скачан с material.00.tilda.ws

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором навострённым,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные.
Поцалуемтесь да обниземтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная[1]
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трёх дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской;
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.

И проходят мимо люди добрые:
Пройдёт стар человек — перекрестится,
Пройдёт молодец — приосанится,

[1] *Бесталáнный* — несчастный (от старинного слова *талáн* — доля, судьба).

Скачан с material100.tilda.ws

Пройдёт девица — пригорюнится,
А пройдут гусляры — споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице-боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Размышляем о прочитанном

1. Какое чувство осталось у вас после чтения поэмы [1], судьбы каких героев взволновали вас? Почему поэма названа Лермонтовым песней?
2. Нарисуйте устно картины пира в царских палатах и кулачного боя. Какими предстают в этих эпизодах царь, Кирибеевич, Калашников?
3. В чём характер Алёны Дмитревны близок к народному идеалу женщины, жены? Как речь Алёны Дмитревны, Калашникова, Кирибеевича характеризует каждого из них? Дайте устный ответ на эти вопросы, заранее выписав цитаты из текста «Песни...», которыми вы будете подтверждать свои мысли.

Творческое задание

1. По мнению учёных-историков, образ Грозного сложен. Царь казнит Калашникова после того, как тот убивает Кирибеевича, не зная причины этого убийства — оскорбления жены купеческой. Он обещает позаботиться о семье Калашникова, но в то же время его слова пронизаны жестокостью к осуждённому:

Я топор велю наточить-навострить...
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...

Таким образом, царский суд расходится с судом народа, который поёт славу Калашникову. Согласны ли вы с этим утверждением? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

[1] Проверьте по словарю, правильно ли вы понимаете термин «поэма».

Скачан с material100.tilda.ws

2. В. Г. Белинский так характеризовал трёх главных героев:

«...Взгляд очей его — молния, звук речей его — гром небесный, порыв гнева его — смерть и пытка; но сквозь всего этого, как молния сквозь тучи, проблёскивает величие падшего... но сильного и благородного по природе своей духа...»

«Какая сильная, могучая натура! Её страсть — лава, её горесть тяжела и трудна... Вы видите, что любовь... — не шуточное дело, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человека нет середины: или получить, или погибнуть!»

«...Это один из тех упругих и тяжёлых характеров, которые тихи и кротки только до тех пор, пока обстоятельства не расколыхают их, одна из тех железных натур, которые и обиды не стерпят, и сдачи дадут... Есть души, лозунг которых — всё или ничего, которые не хотят запятнанного блаженства, раз потемнённой славы...»

К кому относится каждая характеристика? Совпадает ли она с авторским, народным и вашим отношением к героям? Подготовьте ответ-рассуждение на эту тему, обоснуйте свои выводы, подтвердите их цитатами из текста поэмы.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение «Песни...», учитывая связь с устным народным творчеством, передавая характеры героев, их речь, поступки, обратив внимание на распевность зачина и концовки, на использованные автором сравнения, метафоры, инверсию.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

1. М. Ю. Лермонтов, подражая фольклорным произведениям, начинает «Песню...» с зачина. От чьего имени звучит зачин? К кому он обращён, к читателю или слушателю? Почему? Какое настроение создаёт у слушателя зачин песни, к чему готовит?
2. Какие интонации преобладают в голосе народного артиста России Сергея Сазонтьева, читающего описание царского пира?
3. Как актёру удаётся при чтении передать черты характера царя Ивана Грозного и молодого опричника Кирибеевича? Что в характерах этих персонажей подчёркивает актёр?
4. Как Кирибеевич рассказывает о себе царю и как — красавице, которая на него смотрит? Как вы думаете, почему в этом разговоре актёр подчёркивает самовлюблённость Кирибеевича, его уязвлённое самолюбие?

Скачан с material100.tilda.ws

5. Как меняется характер чтения актёра, когда он переходит к описанию лавки и дома купца Степана Парамоновича Калашникова?
6. Какие качества характера Алёны Дмитревны удалось передать актёру при чтении её рассказа мужу о том, что с нею произошло? Чем она была напугана, что терзало её душу?
7. Какие чувства звучат в голосе актёра, читающего описание московского утра в день кулачного боя? В чём причина сложности, противоречивости этих чувств?
8. Какие черты характера Кирибеевича и Калашникова подчёркивает в своём чтении актёр, воспроизводя события, предшествующие началу боя?
9. Какие средства выразительного чтения делают столь эмоциональной сцену казни Степана Калашникова в исполнении актёра?
10. Подготовьте выразительное чтение монолога одного из героев «Песни...»: царя Ивана Васильевича, Степана Парамоновича Калашникова, Алёны Дмитревны, опричника Кирибеевича. Постарайтесь в своём чтении выразить характер персонажа, его душевное состояние.

ЧИТАТЕЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Известно, что замечательный русский писатель Иван Бунин хотел написать о Лермонтове, но желание его не сбылось. Однако остались его высказывания о поэте: «Просто представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если б не погиб двадцати семи лет». Он часто повторял, читая лермонтовские стихи: «Как необыкновенно! Ни на Пушкина и ни на кого не похоже! Изумительно, другого слова нет».

Русский поэт и философ Д. С. Мережковский так пишет о своём отношении к Лермонтову:

«...Почему приблизился к нам Лермонтов? Почему вдруг захотелось о нём говорить?

Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой „тяжёлый взгляд“, что на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался. Не так ли мы сейчас к нему обернулись невольно?

Стихи его для нас как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла.

Помню, когда мне было лет 7—8, я учил наизусть „Ангела“ из старенькой хрестоматии с истрёпанным зелёным корешком. Я твердил: „По небу полуночи“, не понимая, что „полуночи“ родительный падеж от „полночь“; мне казалось, что это два слова: „по“ и „луночь“. Я видел картину, изображавшую ангела, который летит по тёмно-синему, лунному небу:

Скачан с material100.tilda.ws

это и была для меня „луночь“. Потом узнал, в чём дело; но до сих пор читаю: „по небу, по луночи“, бессмысленно, как детскую молитву.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

Я также узнал, что нельзя сказать: „Из пламя и света“, а надо: из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12—13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал „Мцыри“ тщательно, в золотообрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи я сам сочинил.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой ребёнок, как я.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог.

Вот чего Пушкин не сказал бы ни за что. Взор его был слишком трезв, точен и верен действительности. Он говорит просто:

Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несёшься по ясной лазури...

Но эта пушкинская „ясная лазурь“, по сравнению с бездонно-глубоким лермонтовским небом, казалась мне плоской, как голубая эмаль.

С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик больше, чем Лермонтов. Пушкин оттеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослые нечаянно обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утолённый Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придёт смерть, боюсь, что это примирение:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять, —

покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим, — и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова.

Не потому ли уже и теперь, сквозь вечереющий пушкинский день, таинственно мерцает Лермонтов, как первая звезда.

Скачан с material100.tilda.ws

Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами — созерцанием и действием...»

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите репродукцию портрета Лермонтова, фотографию памятника поэту, расскажите о своих впечатлениях.

Какие ещё памятники Лермонтову вы видели? Расскажите о них.

Совершенствуем свою речь

1. Прочитайте начало «Песни про царя Ивана Васильевича...». На какие произведения фольклора похожи напевные интонации этого произведения? Характерны ли они для современной русской речи?
2. Как вы понимаете выражения: *православный народ ею тешился; Опостыли мне кони лёгкие, / Опостыли наряды парчовые; Твоему горю пособить постараюсь; Заря алая подымается; лепечет мне таинственную сагу; внимали той песне святой; есть сила благодатная?*

Литература и другие виды искусства

Среди иллюстраторов «Песни...» есть знаменитые художники (И. Билибин, В. Васнецов, М. Песков). Кто из них, по вашему мнению, вернее передал быт, одежду, характеры героев? Отличаются ли трактовки характеров героев «Песни...» в иллюстрациях художников?

Проект

Подготовьте электронную презентацию «Лермонтовские места России (Москва, Тарханы, Середниково, Петербург, Пятигорск)». Расскажите об этапах жизни поэта, связанных с этими местами, о произведениях, там написанных (http://gotourl.ru/12162).

Скачан с material100.tilda.ws



Н. В. Гоголь.
Художник
Ф. А. Моллер. 1841.
Фрагмент

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их...

В. Г. Белинский

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году в местечке Великие Сорочинцы Полтавской губернии. Детство будущего писателя прошло в селе Васильевка. Его отец, Василий Афанасьевич, был человеком образованным, автором комедий из народной жизни.

В 1818 году Н. В. Гоголь поступил в Полтавское уездное училище, потом в Нежинскую гимназию высших наук, где проявлялся дух свободомыслия и куда проникали отголоски декабристских настроений. В Гоголе рано пробудился интерес к литературе...

В 1830-е годы писатель знакомится с Пушкиным, Жуковским, читает лекции в педагогическом институте. В 1832 году его имя приобретает известность, и он целиком посвящает себя литературной деятельности.

Историческая повесть «Тарас Бульба», комедии «Женитьба», «Ревизор» явились событиями для читающей публики.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь изображает богатырские характеры самого Тараса, Остапа, других запорожских «рыцарей», их самоотверженную борьбу за родную землю, за свою национальную независимость. Писатель в своей повести не стремится к соблюдению исторической точности. Его Тарас близок к народному представлению о героическом, богатырском характере. Любовь и верность Родине, товариществу для Тараса и Остапа выше личной привязанности, кровного родства, любовного чувства. Повесть полна восхищения перед беззаветным мужеством народа и его героической борьбой за независимость и свободу Родины.

Скачан с material100.tilda.ws

КАК РАБОТАЛ Н. В. ГОГОЛЬ

Гоголь писал по утрам, — об этом свидетельствуют и сам он, и все его наблюдавшие. Иногда, впрочем, бывало, что он работал целые дни напролёт. «Когда Гоголь начинал писать, — говорил его знакомый, — то предварительно делался задумчив и крайне молчалив. Подолгу молча ходил он по комнате, и когда с ним заговаривали, то просил замолчать и не мешать ему».

В дни того особенного умственного подъёма, который обыкновенно называют вдохновением, он писал Погодину: «Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчёл; воображение моё стало чутко. О, какая это была радость!..»

Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам... казачества... Но ещё больше пользовался Гоголь для этой повести народными песнями. Вся повесть пропитана духом этих песен, стиль её совершенно песенный, и текст прямо просится на переложение в былинный стих.

Взыскательность[1] к себе Гоголя была поистине изумительна. Беранже говорит в своей автобиографии: «Ничто в такой степени не просвещает писателя, как пламя его рукописей, мужественно брошенных в печку». Вся творческая жизнь Гоголя освещена этим благородным пламенем. Ещё в молодости он предал сожжению свой роман «Гетман», «потому что сам автор не был им доволен». Уничтожил комедию «Владимир 3-й степени». Два, по-видимому, раза сжёг второй том «Мёртвых душ». И писал по этому поводу: «Затем сожжён второй том „Мёртвых душ“, что так было нужно».

А. В. Никитенко рассказывает в своих записках: «Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать вновь написанную им пьесу и сказать о ней своё мнение. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножечко подремать. Не в состоянии бороться со своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец, он проснулся.

„Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я просил у вас критики на моё сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика“.

И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин».

Письма его переполнены призывами к друзьям о критике самой жёсткой и самой откровенной. «Сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше...» Он при чтении зорко вглядывается в лица слушателей, чутко ловит еле уловимые впечатления...

[1] *Взыска́тельность* — требовательность, строгость.

Скачан с material100.tilda.ws

И в «Авторской исповеди» он пишет: «Автор, творя творение своё, должен почувствовать и убедиться, что он исполняет тот долг, для которого он призван на Землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время также государству своему...»

В. В. Вересаев

?! Проверьте себя

В чём особенность творческой манеры Н. В. Гоголя? Отвечая на вопрос, используйте книгу В. Вересаева «Как работал Гоголь» или статью в учебнике.

Тарас Бульба

(В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экий ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе[1] и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёмом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки[2]! Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшися в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал, наконец, старший из них.

— Смотри ты, какой пышный[3]! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ейбогу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

---

[1] *Бу́рса* — духовное училище.

[2] *Сви́тка* — верхняя длинная одежда.

[3] *Пы́шный* — здесь: гордый, недотрога.

Скачан с material100.tilda.ws

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — Ейбогу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здоро́во, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всётаки на тебе смешное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас[1], что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишним лет и ровно в сажень ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик[2], как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю! вот ваша матерь! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши: и академия, и все те книжки, буквари и философия, и всё это *ка зна що*[3], я плевать на всё это!.. А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им,

[1] *Бе́йбас* — балбес.

[2] *Мазу́нчик* — избалованный, маменькин сын.

[3] *Ка зна що* — чёрт знает что.

Скачан с material100.tilda.ws

бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков[1]; тащи нам всего барана, козу давай, мёды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками[2], а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повёл сыновей своих в светлицы, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы, в червонных монистах[3], прибиравшие комнаты. Они, как видно, напугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющихся более на Украйне бородатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры[4] и в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйне за унию[5]. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми, тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы[6]. На полках по углам стояли кувшины, бутыли и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской[7], турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвёртые руки,

---

[1] *Пу́ндики* — сладости.

[2] *Вытребе́ньки* — причуды, затеи.

[3] *Черво́нное мони́сто* — красное ожерелье.

[4] *Банду́ра* — народный музыкальный инструмент.

[5] *У́ния* — объединение Православной церкви с Католической под властью папы римского.

[6] *Отво́ды* — деревянные украшения.

[7] *Венецейская* — венецианская.

Скачан с material100.tilda.ws



«Тарас Бульба». *Художник П. П. Соколов*

что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые[1] скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пёстрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул[2] Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час сыновей представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Буль

[1] *Бе́рестовые* — сделанные из вяза, который в Малороссии называли бе́рестом.

[2] *Есау́л* — средний офицерский чин в казачьих войсках.

Скачан с material.00.tilda.ws

ба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурманов[1] били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как бишь, того звали, что латинские вирши[2] писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю; Гораций[3], что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё, старый собака, знает, а ещё и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит[4] не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в середу и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий, — пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать! Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удер-

---

[1] *Бусурма́н* (басурман) — иноверец; здесь: иноземец.

[2] *Ви́рши* — стихи.

[3] *Гора́ций* — древнеримский поэт.

[4] *Архимандри́т* — монашеский чин; здесь: настоятель, т. е. начальник духовного училища.

Скачан с material100.tilda.ws

жаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах. <...>

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма[1]. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правило, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары[2] не уважили в чём старшин и стояли пред ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке[3] и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове ещё бродил хмель, однако ж не забыл ни

[1] *С ды́ма* — здесь: с каждой хаты.

[2] *Комиссáры* — здесь: польские сборщики податей.

[3] *Рáтная нáука* — военная наука.

Скачан с material100.tilda.ws

чего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришёл усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видеть их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. <...> Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжённых рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит[1] свой. <...> Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюёт хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька

[1] *Колори́т* — оттенок.

Скачан с material100.tilda.ws

на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где стара́? (так он обыкновенно называл жену свою). Живее, стара́, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные[1] красные, с серебряными подковами; шаровары, шириною в Чёрное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром[2]; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин[3] алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слёзы остановились в глазах её.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнёс, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

---

[1] *Сафья́н* — кожа высокого качества.

[2] *Очку́р* — шнурок, которым затягивали шаровары.

[3] *Казаки́н* — мужское верхнее платье на крючках со сборками сзади.

Скачан с material100.tilda.ws

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую[1], чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...

Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжёл и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностию; её опять увели. Молодые козаки ехали смутно[2] и удерживали слёзы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущён, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушёл в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика да одни только вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нём чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже

---

[1] Ры́царскую.

[2] *Сму́тно* — здесь: печально.

Скачан с material100.tilda.ws

равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протёкшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемёрли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались[1] и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю учёность и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. <...>

Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда

[1] *Шлифова́ть* — здесь: воспитывать, обучать, улучшать.

Скачан с material100.tilda.ws

почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и както более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжёлый и сильный характер. Он был более изобретателен, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увёртываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. <...> Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и домы были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыснул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию хватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, — и Андрий, к счастию, успевший отхватить руку, шлёпнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический[1] смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой ещё не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу её ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на неё, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою ещё более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавше-

[1] *Гармони́ческий* — здесь: нежный, благозвучный, красивый.

Скачан с material.100.tilda.ws

го на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнесть ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нём того же самого, который хлопнулся перед её глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. <...> Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. <...> Вот о чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи чёрные шапки одни мелькали между её колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы[1]! Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки[2] да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, прилёгши несколько к коням, пропали в траве. Уже и чёрных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до са

[1] *Черне́ц* — монах.

[2] *Лю́лька* — здесь: трубка для курения.

Скачан с material100.tilda.ws

мого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялася зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки[1]; жёлтый дрок[2] выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёною; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру[3], и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполинскою[4] кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щёк. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пёстрые ов-

[1] *Волошки́* — васильки.

[2] *Дрок* — степное растение из семейства бобовых.

[3] *А́мбра* — ароматическое вещество; здесь: аромат, приятный запах.

[4] *Исполи́нский* — огромный, большой, гигантский.

Скачан с material100.tilda.ws

ражки[1] выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш[2]; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье; всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по тёмному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдалённого леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. и не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чёрта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Чрез три дня после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и тёмною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то

[1] *Овра́жки* — здесь: суслики.

[2] *Кули́ш* — жидкая каша с салом.

Скачан с material100.tilda.ws

место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал, наконец, своё и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утёсов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая своё жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провёл рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределённым удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками[1] сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом[2]. <...> Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой средине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дёгтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло своё, и людьми всех наций, наполнявшими это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместие и увидели несколько разбросанных куреней[3], покрытых дёрном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех ни-

---

[1] *Крамари́ под я́тками* — торговцы под навесами.

[2] *Воро́чал на ро́жнах бара́ньи ка́тки с те́стом* — жарил на вертеле куски баранины в тесте.

[3] *Куре́нь* — подразделение запорожского войска; здесь: шалаши, в которых жили запорожцы.

Скачан с material100.tilda.ws

зеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украйну! Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада[1]. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках её и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чёртом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!» <...>

— Эх, если бы не конь! — вскричал Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. <...>

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размёта душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но бóльшая

[1] *Рáда* — совет; здесь: военный совет запорожского войска.

Скачан с material100.tilda.ws

часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло ещё в руки торгашей и шинкарей[1]. <...> Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому[2], который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» — «Верую!» — отвечал приходивший... — «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим оканчивалась вся церемония. <...> Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а ещё более походили на школу и бурсу детей, живущих на всём готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата[3], каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. <...> Остап и Андрий кинулись со всею пылкостию юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определённая за смертоубийство. Тут же, при нём, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землёю. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

---

[1] *Шинка́рь* — хозяин кабака, шинка.

[2] *Кошево́й* — атаман.

[3] *Салама́та* — мучная похлёбка.

Скачан с material100.tilda.ws

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. <...> Они стали уже заметными между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всём. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю. <...>

IV

<...> Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и поперёк запорожцев и сначала сказал: «Не можно клятвы преступить, никак не можно. — А потом, помолчавши, прибавил: — Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберётся народ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры[1]. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные козаки. Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь. <...>

В тот же час отправились несколько человек на противоположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля оружий. Другие все бросились к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Вмиг толпою народа наполнился берег. <...>

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нём куча людей ещё издали махала руками. Это были козаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд — у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах — показывал, что они или только что избегнули какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли всё, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех, но за стуком и криками рабочих не было слышно его слов.

[1] *Литáвры* — ударный музыкальный инструмент.

Скачан с material100.tilda.ws

— А с чем приехали? — спросил кошевой, когда паром приворачивал к берегу. Все рабочие, остановив свои работы, подняв топоры, долота, прекратили стукотню и смотрели в ожидании.

— С бедою! — кричал с парома приземистый козак.

— С какою?

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать?

— Говори!

— Или хотите, может быть, собрать раду?

— Говори, мы все тут. — Берег весь стеснился в одну кучу.

— А вы разве ничего не слыхали о том, что делается на Гетьманщине[1]?

— А что? — произнёс один из куренных атаманов.

— Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом[2] уши, что вы ничего не слыхали.

— Говори же, что там делается?

— А то делается, что и родились и крестились, ещё не видали такого.

— Да говори нам, что делается, собачий сын! — закричал один из толпы, как видно потеряв терпение.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.

— Как не наши? <...>

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший, углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли грозную силу негодования. — Стой! и я скажу слово. А что ж вы, — что ж вы делали? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы попустили такому беззаконию?

— Э, как попустили такому беззаконию? А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да — и нечего греха таить — были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру.

— А гетьман ваш, а полковники что делали?

— Наделали полковники таких дел, что не приведи Бог и нам никому.

— Как?

— А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам напоказ всему народу. Вот что наделали полковники!

---

[1] *Ге́тьманщина* (гетманщина) — область, управляемая начальником козацкого войска и верховным правителем, гетманом.

[2] *Кле́йтух* — пыж — комок войлока, пеньки или шерсти.

Скачан с material100.tilda.ws

Колебнулась вся толпа. Сначала на миг пронеслося по всему берегу молчание, которое устанавливается перед свирепою бурею, и потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег. <...>

— ...Чтобы вот так поступали с полковниками и гетьманом! Да не будет же сего, не будет!

Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели запорожцы и почуяли свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались всё характеры тяжёлые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар. <...>

Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые; все, с совета всех старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить за всё зло и посрамленье веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хлебам и пустить далеко по степи о себе славу. Всё тут же опоясывалось и вооружалось. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель. <...>

Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрып поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся козачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел перебежать всё пространство от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад.

— Прощай, наша мать! — сказали они почти в одно слово, — пусть же тебя хранит Бог от всякого несчастья! <...>

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что могло спасаться, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни за́мков, а просто как попало становил на время соломенное жилище своё человек, думая: «Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!» Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было

Скачан с material.00.tilda.ws

можно унесть. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооружённою рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заране. Все знали, что трудно иметь дело с сей закалённой вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска... А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знанье вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от неё, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть её. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька за пояс заткнёт!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заране свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несётся, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесённых. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрий, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны, богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в домы. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена или дом, служивший батаре-

Скачан с material100.tilda.ws

ей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силён и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями, вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны браты, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чёт и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, — атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в воинском деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своём». Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведённый Товкачем; с ним было ещё два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козаков набралось больше четырёх тысяч. Было между ними немало и охочекомонных[1], которые сами поднялись своею волею, без всякого позыва, как только услышали, в чём дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом весёлый возврат на отчизну с добычей и славой на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нём вверх и вниз,

[1] *Охочекомóнные козакú* — конные добровольцы.

Скачан с material100.tilda.ws

черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей погибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошёл к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по нём возами с висячими мазницами[1], облитыми дёгтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто, подмостив себе под голову куль или шапку или употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружьё-самопал, короткочубучная трубка, с медными бляхами, железными провёртками и огнивом, висели почти у каждого пояса. Тяжёлые волы лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались из поля звонкими ржаньями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. <...> Над огнём вились вдали птицы, казавшиеся кучею тёмных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдалённых пожарищ. Он обошёл козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец, и сам подошёл он к одному из возов, взлез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним; чистота и прозрачность стояли в воздухе. Гущина звёзд, составлявшая Млечный Путь, косвенным поясом переходившая небо, вся была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то лёг-

[1] *Мазницы* — вёдра для дёгтя.

Скачан с material100.tilda.ws

кий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то изможднное, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и чёрные, как уголь, волосы, неприбранные, растрёпанные, лезли из-под тёмного наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль[1] и произнёс почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку, — убью с одного прицела.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнажённой смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг вскрикнул во весь голос: — Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, шёпотом, почти задыхающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива ещё?

— Она тут, в городе.

---

[1] *Пищáль* — старинное тяжёлое ружьё, заряжаемое со ствола.

Скачан с material100.tilda.ws

— В городе? — произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу, — отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, — какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит, — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустясь в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идём, идём сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. <...>

Он шёл, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит её опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришёл: поднёс руку ко лбу

Скачан с material100.tilda.ws

и долго тёр его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших чёрных хлебов себе под руку, но подумал тут же: не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична её нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы её стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдёт вдоволь саламаты в казанах[1], он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятивёдерных казанов, под которыми ещё теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы всё это съесть, тем более, что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней, — везде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы, как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставят». Что делать? Был однако же где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошёл к отцовскому возу, но на возе уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и дёрнул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха, да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближайшем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идём! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить всё?» Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, ещё один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шёл отважно между рядами спавших запорожцев.

[1] *Казáн* — котёл.

Скачан с material100.tilda.ws

«Андрий!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. <...>

Андрий стоял ни жив ни мёртв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг ещё скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдалённого зарева, вспыхнув, озарил только одни её очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дёрнул за рукав её, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину, — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию лощину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. <...> Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником[1]. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрий едва двигался в тёмном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. <...> Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. <...> Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом

[1] *Фашинник* — прутья; *фашина* — связка прутьев хвороста, камыша.

Скачан с material100.tilda.ws

шагу поражали их страшные жертвы голода. <...> При виде сих поражающих свидетельств Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снедь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдёшь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.

— Но как же вы, умирая такою лютою смертью, всё ещё думаете оборонить город?

— Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идёт на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.

<...> Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дёрнула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. <...> Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом: под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. <...>

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех. <...>

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту...

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребёнок, смотрела ему в очи... <...> И глаза её вдруг наполнились слезами... <...>

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдёрнула налезавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом. <...>

Скачан с material100.tilda.ws

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь[1], стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем голосом и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украйна? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! <...>

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. «Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев». Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что́ привезли с собою и каких связали запорожцев. <...>

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украйне не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клок волос из своей чупрыны[2] и проклянёт и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного ответа, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чём дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за

[1] *Осоко́рь* — серебристый тополь.

[2] *Чупры́на* — чуб, хохол на голове.

Скачан с material100.tilda.ws

оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довёл хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли, понурив головы, зная вину; один только незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батька! — сказал он, — хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били до́бре, а уж теперь побьём так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Ещё не бо́льшая мудрость сказать укорительное слово, но бо́льшая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освежённому водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказал и кошевой! — отозвалось в рядах запорожцев. — Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

Скачан с material.00.tilda.ws

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера — пусть ей враг прикинется! — и неприлично и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошёл в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это ещё Бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тымошевский курень на запас с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочёт, пополни его останками Переяславского. <...>

Так распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней. Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий, полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шёл перед полком. <...>

Наконец повёл он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен ещё козаками. А запорожцы, и пешие, и конные, выступали на три дороги к трём воротам... В городе услышали козацкое движение. Все высыпали на вал, и предстала перед козаками живая картина: польские витязи[1], один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперённые белыми, как лебедь, перьями. На других были лёгкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными

[1] *Ви́тязь* — здесь: воин.

Скачан с material.100.tilda.ws

рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и оружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, — и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человечек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо наросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело своё, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий[1], длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице. Любил пан крепкие мёды и добрую пирушку. И много было видно за ним и всякой шляхты[2], вооружившейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну. <...> Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили козаки богато выряжаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели чёрные червоноверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперёд из запорожских рядов: один ещё совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки: Охрим Нос и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своём: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмалённою, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец[3], вырастил усы густые и чёрные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны[4] на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев! — И вывели на вал скрученных верёвками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его

[1] *Хоруńжий* — знаменосец; *хоруńвь* — знамя.

[2] *Шляхта* — польское дворянство.

[3] *Оселéдец* — прядь волос на темени.

[4] *Жупáн* — верхняя одежда.

Скачан с material.100.tilda.ws

хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлиб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них ещё покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники[1] с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. «Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие воро-

[1] *Ла́тник* — воин, который носит латы; *ла́ты* — металлическая броня, защищавшая грудь и спину воина от удара холодным оружием.

Скачан с material100.tilda.ws

та! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!» И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привёл случай показать себя. <...>

И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять... дорогие доспехи... И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже раз сбитый им с седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. <...>

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею верёвку. Побагровело ещё сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведённая рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, отвязал шёлковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец верёвки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали: «Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбёнка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека». Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтобы собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвав-

Скачан с material100.tilda.ws

шись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы[1]. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метелыця, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнурённых и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, паны братья, от стен! Не годится близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем, чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведёт войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами[2]. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылися красивые медные шапки.

— Что, перевязали?— кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая верёвку; и всё ещё не переставали грозить запылённые, изнурённые воины и перекинулись с обеих сторон все бывшие позадорнее бойкими словами.

Наконец, разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землёй свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть...

---

[1] *Навпереймы́* — наперерез.

[2] *Епанча́* — длинный и широкий плащ.

Скачан с material100.tilda.ws

VIII

Ещё солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землёю, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу[1], отвязал у него мешок с цехинами[2] и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал насмерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы по козацкому обычаю и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, — того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острову, и Бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как ровные между собою.

— Давай совет прежде старшие! — закричали в толпе.

— Давай совет кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших, но, коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татарином. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит[3] его, так что и следов не найдёшь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько

[1] *Мирза́* — татарский князь.

[2] *Цехи́ны* — турецкие деньги.

[3] *Размыта́рить* — растратить.

Скачан с material.00.tilda.ws

было по силам, отмстили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет — идти!

— Идти! — раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он ещё ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, повыраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занёс иглистый северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое тело, развозили бы их по городам и сёлам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украйне. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, бравый полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперёд всех старейший годами во всём запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарéлся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он или всё ещё слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: «А не куды пошло! пойду и я: может, в чём-нибудь буду пригоден козаче

Скачан с material.100.tilda.ws

ству!» Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе[1], мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полонённые ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдёт с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались козаки, что навёл их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали козаки.

— Стало быть, раде конец?

— Конец раде! — кричали козаки.

— Слушайте же теперь войскового приказа, дети! — сказал кошевой, выступил вперёд и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

---

[1] *Печи́сь о войсково́м ска́рбе* — заботиться о войсковом имуществе и казне.

Скачан с material100.tilda.ws

— Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остаётся, отходи на левую! Куды бóльшая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня бóльшая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, бóльшая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, бóльшая половина Стебликивского куреня, бóльшая половина Тымошевского куреня. Все остальные вызвались идти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешёл туда, потому что был сильно завзятого нрава козак — не мог долго высидеть на месте; с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать ещё с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий; и много ещё других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татарином. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демытрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было ещё других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожный, Метелыця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом ещё Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем захо дам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Чёрное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своём веку. <...> Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы, если придётся кончать жизнь, то чтобы кончить её на

Скачан с material100.tilda.ws

войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошёл промеж рядов и сказал:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали козаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, Бог знает, приведётся ли в жизни ещё увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, — и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дождаться тёмной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведётся им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперёд возы, а сами, пошапковавшись[1] ещё раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрып иного колеса, которое ещё не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго ещё остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звёздах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынию, наведённому прощаньем с товарищами. <...>

---

[1] *Пошапковáвшись* — попрощавшись, сняв шапки.

Скачан с material100.tilda.ws

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской[1] башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. <...> Полковники... готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три таборы курени, обнёсши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья. <...> Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал

[1] *Магистра́т* — городское управление.

Скачан с material100.tilda.ws

Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната[1], который жёлтым чоботом[2] своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалася в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, выгремливая в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом гря-

[1] *Магна́т* — крупный помещик.

[2] *Чо́бот* — сапог.

Скачан с material100.tilda.ws



«Тарас Бульба». *Художник Е. А. Кибрик*

нули в семипядные пищали и, не прерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могше го понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда по пятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот бравые молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскалён

Скачан с material.00.tilda.ws

ные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов и садись всякий на коня!» Но не поспели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырёх только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси[1]. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдёт через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссёк в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Там, где прошли незамайновцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дегтяренко, а за ним ку-

[1] *Пе́рси* — грудь.

Скачан с material100.tilda.ws

ренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увёртлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привёл с собою. Погнул он крепко Дегтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал:

— Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил вперёд Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. <...>

— Так есть же такие, которые бьют вас, собак! — сказал он, кинувшись на него.

И уж так-то рубились они! И наплечники, и зерцала[1] погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нём вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушённого. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

И напёрли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных[2] зна-

[1] *Зерца́ло* — здесь: доспехи воина — блестящий металлический нагрудник вместе с наспинником.

[2] *Малёванный* — разрисованный, расписной.

Скачан с material100.tilda.ws

мён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за верёвку обеими руками и силясь разорвать её, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Так и остался он, пригвождённый к земле. Но несдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копья. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метелыця угощает ляхов, шеломя[1] того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьётся Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли козацкая сила? Не гнутся ли ещё козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом! Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжёлого палаша. А был один из доблестнейших козаков. <...> Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны браты, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколол. Истоптал конём вдоволь, а уж

[1] *Шелóмя (шелóмить)* — ударяя в бою по шлему.

Скачан с material100.tilda.ws

не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветёт вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось изо всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьём молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею[1]: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы если приведёт Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. <...>

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет ещё, батька, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метелыцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю копья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, уви

[1] *Сулея́* — плоская бутыль; здесь: драгоценный сосуд.

Скачан с material.00.tilda.ws

девши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки[1]. Впереди перед другими понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзый пёс, красивейший, быстрейший и молодший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он...

— Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас.

И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

---

[1] *Аргама́к* — восточная породистая верховая лошадь.

Скачан с material100.tilda.ws

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою ко лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв, и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

— Я, сынку, — сказал Тарас, кивнувши головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тело хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

Скачан с material100.tilda.ws



«Тарас Бульба». *Художник П. П. Соколов*

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам, или пощадить в нём рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: «Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: «Беда, атаман, новая валит ещё сила!..» Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит уже без коня: «Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

Скачан с material100.tilda.ws

«На коня, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьё в ребро третьего; четвёртый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперёд на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжёлым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

X

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружавшие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ, — чего тебе ещё хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен! Уж

Скачан с material100.tilda.ws

две недели, как мы с тобою скачем не переводя духу и как ты в горячке и жару несёшь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. «Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?»

— Молчи ж, говорят тебе, чёртова детина! — закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпения, кричит неугомонному повесе-ребёнку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя! Нам ещё немало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошёл за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляшских руках. И обняло горе старую голову. Сорвал и сдёрнул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать — и вместо того понёс чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял перед ним, бранясь и рассыпая без счёту жестокие укорительные слова и упрёки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребёнка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в луки и, прикрепивши верёвками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

— Хоть неживого, да довезу тебя! Не попущу, чтобы ляхи поглумились над твоей козацкою породою, на куски рвали бы твоё тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орёл высмыкать[1] из твоего лоба очи, да пусть же степовой, наш орёл, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыху дни и ночи и привёз его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неутомимо травами и смачиваньями. <...> Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжёлые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с не-

[1] *Высмыкать (высмоктать)* — вытянуть; здесь: выклёвывать.

Скачан с material100.tilda.ws

го. Оглянулся он теперь вокруг себя: всё новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынесши позора, и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травою когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, прославляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо, понурив голову, говорил он: «Сын мой! Остап мой!»

<...> Он уходил в луга и степи, будто бы за охотою, но заряд его оставался невыстреленным. И, положив ружьё, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понурив голову и всё говоря: «Остап мой, Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Чёрное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы то ни стало!» <...>

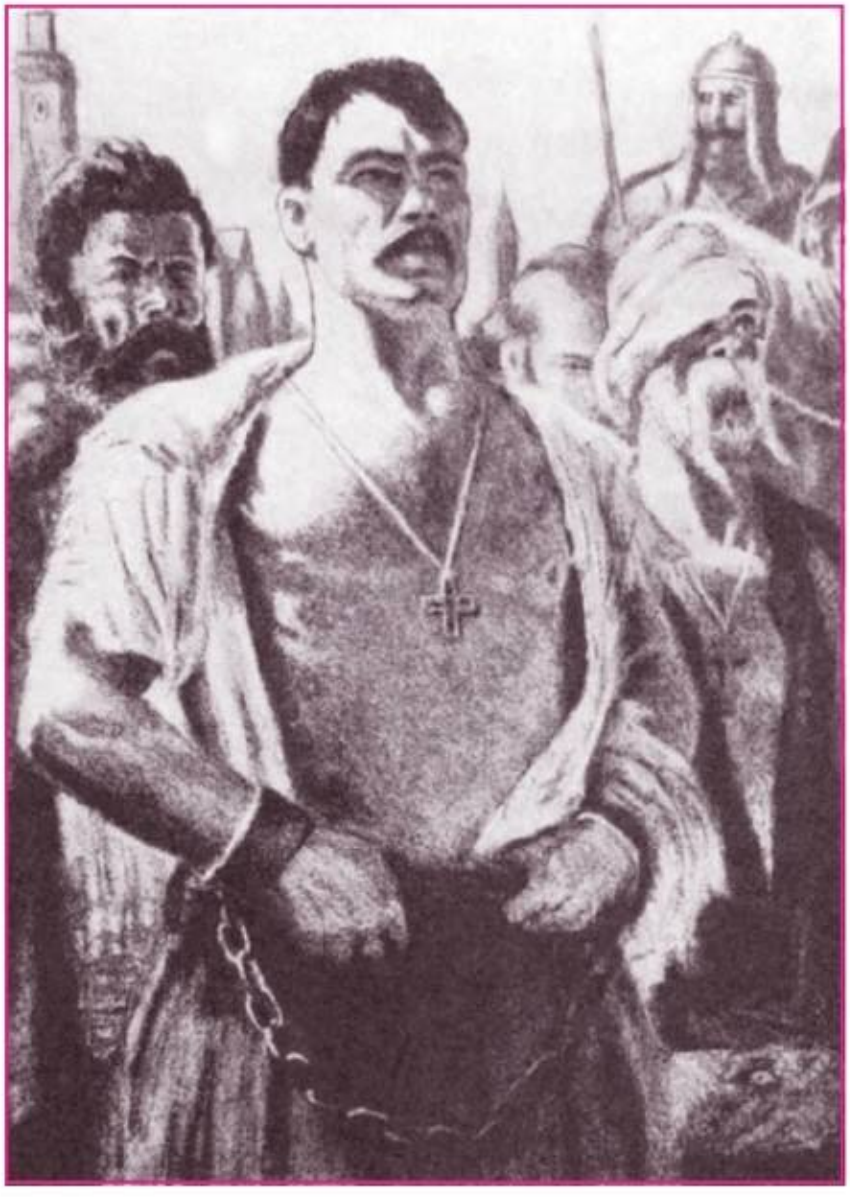
XI

<...> Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. <...> Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.. козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какой-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил

Скачан с material100.tilda.ws



«Тарас Бульба». *Художник Е. А. Кибрик*

ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнёс громко: «Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!» После этого он приблизился к эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей кар-

Скачан с material100.tilda.ws

тиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волоса. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки[1] отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но, когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: «Батько! где ты? Слышишь ли ты?»

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже... не было: его и след простыл.

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле — за всё, что копило и сугубило с давних времён суровую ненависть козаков. Молодой, но сильный духом гетьман Остраница предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полков-

[1] *Панянка* — знатная девица.

Скачан с material100.tilda.ws

ников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный[1] ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамён развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козаков, набралось охочекомонных и вольных. Отвсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счёту кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и уменье двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением. <...>

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костёлов[2] и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие за́мки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые мёды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше чем обыкновенное разбойничество... Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и раз-

[1] *Генера́льный бунчу́жный* — хранитель бунчука, жезла — символа гетманской власти.
[2] *Костёл* — католический храм.

Скачан с material100.tilda.ws

битым кирпичом усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки[1]. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый[2] старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!» Но ветер не донёс его слов. «Вот, пропадут, пропадут ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что́ налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переворотил всё в глазах его. <...>

---

[1] *Гайдуки́* — легковооружённые пехотинцы.

[2] *Дебе́лый* — крепкий, большой, грузный.

Скачан с material100.tilda.ws

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами: пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! <...>

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубокодонных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем[1] лебедей, и гордый гоголь[2] быстро несётся по нём, и много куликов, краснозобых курухтанов[3] и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

Размышляем о прочитанном

1. Какие эпизоды повести показались вам забавными, смешными, какие — печальными, какие — трагическими? При чтении каких глав вы особенно волновались?
2. А. П. Чехов, вспоминая «Тараса Бульбу», назвал Гоголя «царём степи». Чем, по вашему мнению, заслужил писатель столь высокую оценку?
3. Каковы ваши впечатления от описаний степи? Подготовьте небольшой отрывок описания степи для выразительного чтения или для художественного пересказа (т. е. пересказа с максимальным сохранением художественных особенностей прочитанного).
4. Перескажите эпизоды повести, наиболее важные для характеристики Остапа, Андрия, Тараса Бульбы — на выбор. Подумайте над вопросом: каково авторское отношение к каждому герою? Дайте характеристику героев (внешность, характер, поступки). Вам помогут в подготовке и небольшая статья, и план характеристики героя литературного произведения в справочном разделе части 2 учебника.
5. «Поэмой о любви к родине» назвал повесть Гоголя В. Г. Белинский. Согласны ли вы с этим суждением?

[1] *Я́чанье* — стон, жалобный крик лебедей (*я́чать* — стонать, жалобно кликать).

[2] *Го́голь* — птица из семейства утиных.

[3] *Курухта́н* — болотная птица.

Скачан с material100.tilda.ws

Обогащаем свою речь

1. Подготовьте выразительное чтение понравившегося вам отрывка из повести.
2. Какой герой и при каких обстоятельствах произносит приведённые ниже выражения: «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», «Есть ли ещё порох в пороховницах?», «Терпи, козак, — атаманом будешь!»? Как вы их понимаете? В каких жизненных ситуациях некоторые из них могут быть произнесены и сегодня?

Творческое задание

Как проявляется в повести её народный характер? В чём сходство героев-запорожцев с былинными богатырями? Подготовьте к выразительному чтению речь Тараса о товариществе. Насколько близки вам мысли, выраженные в ней?

Если вам понравился этот текст, попытайтесь сами подготовить небольшую «р е ч ь» — «Обращение к друзьям», в котором выразите свои суждения, своё отношение к чувству дружбы и братства.

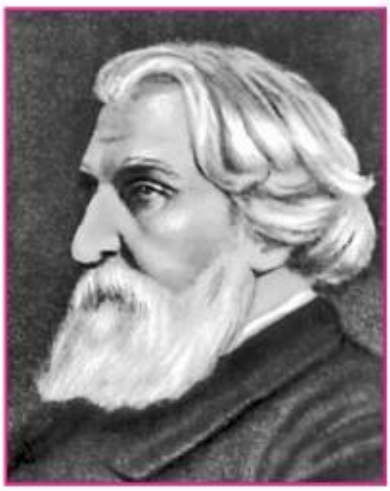
Литература и другие виды искусства

Используя ресурсы школьной библиотеки и Интернета, познакомьтесь с иллюстрациями художников к повести «Тарас Бульба». Чьи иллюстрации более полно, по вашему мнению, отражают характеры героев?

Проект

Подготовьте электронную презентацию «Повесть Н. В. Гоголя „Тарас Бульба“ в произведениях книжной графики». В презентацию включите биографические сведения о художниках, иллюстрировавших повесть Гоголя.

Скачан с material100.tilda.ws



И. С. Тургенев. *Художник В. Г. Перов. 1872. Фрагмент*

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле в 1818 году. Детство и все лучшие годы жизни будущий писатель провёл в селе Спасском. Ещё мальчиком он подружился с дворовым человеком Пуниным, первым своим учителем. Под влиянием Пунина, который прекрасно знал русскую литературу, любил и умел читать стихи, в мальчике проснулся поэт.

Время учения Тургенева сначала в пансионе, затем в Московском и Петербургском университетах было временем романтических привязанностей, увлечений, большого интереса к наукам, искусствам: молодёжь зачитывалась Шиллером, вела постоянные споры о добре, красоте, истине. Уже в студенческие годы появились первые переводы, небольшие поэмы, стихотворения И. С. Тургенева, а в 1847 году и первые рассказы из будущих «Записок охотника», принёсших ему славу.

Основной темой «Записок охотника» были взаимоотношения помещиков и крестьян, поруганное человеческое достоинство русского мужика. Писатель выступил как непревзойдённый мастер русского пейзажа, который соотносится с душевным состоянием автора и его героев.

Очерки Тургенева были восторженно встречены демократической критикой, общественностью, Белинским и Герценом, Некрасовым и Гончаровым. Зато в правительственных кругах «Записки охотника» вызвали резкое осуждение. Было проведено специальное следствие по поводу того,

Скачан с material100.tilda.ws

как цензура могла пропустить такое издание. Сам писатель был арестован и отправлен в ссылку в своё родовое имение, село Спасское-Лутовиново, где провёл около двух лет. Поводом к этому послужил некролог, написанный Тургеневым в связи со смертью Гоголя, но всем было ясно, что главная причина ареста и ссылки — «Записки охотника».

Долгие годы живёт впоследствии писатель вдали от России, но его мысли и сердце всегда с ней. Тургенев глубоко любил свою родину, свой народ, его культуру, его язык. Несмотря на длительное пребывание за границей и отличное знание нескольких иностранных языков, он за всю свою долгую жизнь не написал ни одного произведения на каком-либо другом языке, кроме своего родного.

По П. Г. Пустовойту

«ВСЯ МОЯ БИОГРАФИЯ В МОИХ СОЧИНЕНИЯХ...»

О Тургеневе осталось много воспоминаний, рассказов, среди них есть строгая оценка своего творчества самим писателем и признание его роли народом. И. С. Тургенев вспоминает: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых людей... „Позвольте узнать, — спрашивает один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?“ — „Я“. — „Тот самый, что написал „Записки охотника“?“ — „Тот самый“. Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. „Кланяемся вам, — сказал один из них, — в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа“».

Тургеневу хотелось, чтобы его похоронили у ног Пушкина, но он считал, что не заслуживает такой чести. «Я — ученик Пушкина, — говорил Тургенев, — и у меня всегда было страстное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 61 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе: нет, ещё рано, вот напишу что-нибудь получше. И так до сих пор не нашёл ничего достойного его памяти...»

Совершенствуем свою речь

Подготовьте устный рассказ о жизни писателя, используя статью учебника и материалы биографических словарей «Русские писатели XIX века».

Прочитайте два рассказа И. С. Тургенева «Бирюк» и «Свидание» из цикла «Записки охотника».

Скачан с material100.tilda.ws

Бирюк

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому ещё было вёрст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами, усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперёд с трудом. Дрожки прыгали по твёрдым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колёс; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлёпали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принуждён был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдёт, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

Скачан с material100.tilda.ws

— Извольте сидеть.

Он подошёл к голове лошади, взял её за узду и сдёрнул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжко шлёпала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и, при свете молнии, увидал небольшую избушку посреди обширного двора, обнесённого плетнём. Из одного окошечка тускло светил огонёк. Лесник довёл лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка, лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покромкой, с фонарём в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружьё, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печи. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло; не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребёнок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

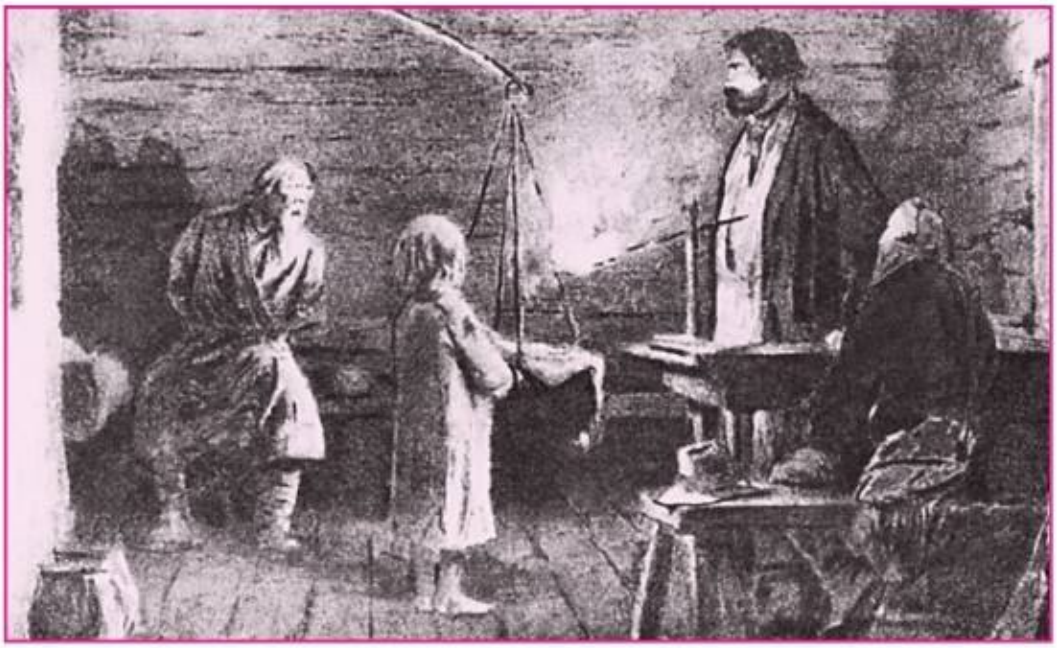
— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошёл к столу и зажёг светильню.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого росту, плечист и сложён на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Чёр

Скачан с material100.tilda.ws



«Бирюк». *Художник П. П. Соколов*

ная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка упёрся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу — Бирюк[1].

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. По их словам, не бывало ещё на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силён, дескать, и ловок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идёт. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не даётся».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слыхал про тебя. Говорят, ты никому спуску не даёшь.

---

[1] *Бирюко́м* называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый. — *Примечание И. С. Тургенева.*

Скачан с material100.tilda.ws

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся. Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнёс он с жестокой улыбкой.

Девочка потупилась; ребёнок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке.

— На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребёнка.

Он подошёл к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — и нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар я бы вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне ещё печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка подталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; её голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, ещё более понурив своё печальное личико.

Лесник вошёл и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчанья, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружьё и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят... У Кобыльего Верху[1] дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

---

[1] *Ве́рхом* называется в Орловской губернии овраг. — *Примечание И. С. Тургенева.*

Скачан с material.00.tilda.ws

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии, но над нашими головами уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, звёздочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождём и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь, какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А эдак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдёмте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушаться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновенье, — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался...

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались, наконец, из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружьё кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колёса скрыпели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Врё-ёшь, врё-ёшь, — твердил, задыхаясь, Бирюк: — не уйдёшь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошёл. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидал мужика мокрого, в лохмотьях, с длинной растрёпанной бородой. Дрянная лошадёнка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

Скачан с material100.tilda.ws



«Бирюк». *Гравюра К. Р. Вейермана с рисунка художника П. Е. Ковернева*

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за чёлку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. — «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. «Зачем ему пропадать?» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шёл позади. Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошадёнку посреди двора, ввёл мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эк его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придётся. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да, вишь, засов...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщини-

Скачан с material.100.tilda.ws

стое лицо, нависшие жёлтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик: — прикащик... разорены... во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подёргивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу, отпусти! я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится.

— А ты всё-таки воровать не ходи.

— Лошадёнку, — продолжал мужик, — лошадёнку-то, хоть её-то... один живот и есть, отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну, на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищурив глаза и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный, пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

Скачан с material100.tilda.ws

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошёл, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети, — околевай все... А до тебя, погоди, доберёмся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! Бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я: — оставь его, бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Всё едино околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку: но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдёрнул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своею лошадью! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня...

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец: — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он. — Знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колёса мужицкой телеги.

— Вишь, поплёлся! — пробормотал он, — да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Размышляем о прочитанном

1★. Прочитайте описание грозы, которая застала путника в лесу. Сопоставьте описание природы у Гоголя и Тургенева. Расскажите о результатах сравнения.

Скачан с material100.tilda.ws

2. Какая сцена в этом маленьком рассказе может считаться самой важной? Объясните свой выбор. Подготовьте её исполнение в лицах.
3. Как относились мужики ближних деревень к Бирюку? Почему Бирюк отпустил провинившегося мужика и виновен ли мужик? Кто и когда называет героя рассказа Фомой, кто — Фомой Кузьмичом, кто — Бирюком? Как вы объясните это? Как Фома стал Бирюком? Чем вызван его суровый и нелюдимый характер? Почему рассказ назван «Бирюк»?
4. Как, по вашему мнению, автор относится к героям рассказа «Бирюк»?

Совершенствуем свою речь

1. Опишите (устно) избу лесника. Мы читаем слова охотника: «Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло». Возникло ли у вас такое же чувство при чтении этого текста? Рассмотрите иллюстрации к рассказу. Так ли вы представляли себе героев?
2. Обратите внимание, насколько велико число синонимов к слову «сказал» у Тургенева (возразил, повторял, продолжал, заговорил, подхватил, загремел, закричал и т. д.). Подумайте, что достигается этим. Как через синонимы выражается отношение автора к сказанному и сказавшему?
3. Подготовьте художественный пересказ текста (описание портрета Бирюка или одного дня жизни лесника — на выбор).

Творческое задание

Известны свидетельства современников писателя о том, что в решении Александра II освободить крестьян «Записки охотника» сыграли большую роль.

Сам писатель хотел, чтобы на его памятнике после смерти были выгравированы слова о том, что его книга «Записки охотника» послужила делу освобождения крестьян.

Покажите на примере рассказа «Бирюк» значение подобного произведения в решении об отмене крепостного права в России.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. С. Тургенев. «Бирюк»

1. Какие средства выразительного чтения позволяют актёру передать особое, редкое явление природы — грозу в лесу? Какие чувства гроза заставляет пережить рассказчика, читателя и слушателя? К каким событиям подготовляет читателя и слушателя такое начало рассказа?

Скачан с material100.tilda.ws

2. Какие чувства и мысли автора передаёт актёр при чтении описания избы лесника?
3. Как меняются интонации актёра, когда он переходит к описанию внешности лесника?
4. Как вы думаете, почему музыка начинает звучать после восклицания рассказчика: «А, ты Бирюк?»?
5. Как Бирюк разговаривает с барином? Какие черты характера лесника подчёркивает актёр, воспроизводя этот разговор?
6. Какие черты характера Бирюка стремится донести до слушателя актёр, читая диалог лесника и крестьянина-вора?
7. Как реагирует лесник на обвинения и угрозы крестьянина?
8. Какое объяснение неукоснительного исполнения лесником своего долга звучит убедительнее: «Воровать никому не след» или «Я тоже человек подневольный»? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Свидание

Я сидел в берёзовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам тёплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновенье, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел, и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не весёлый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней всё улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берёз внезапно принимали нежный отблеск белого шёлка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять всё кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, берёзы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого ещё не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. Листва на берёзах бы

Скачан с material100.tilda.ws

ла ещё почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождём. Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы. Прежде чем я остановился в этом берёзовом леску, я с своей собакой прошёл через высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с её бледно-лиловым стволом и серо-зелёной, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье её круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым жёлтым багрянцем, — или, когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист её, подхваченный стремленьем, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановясь в осиновой роще для отдыха, добрался до берёзового леска, угнездился под одним деревцом, у которого сучья начинались низко над землёй и, следовательно, могли защитить меня от дождя, и, полюбовавшись окрестным видом, заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам.

Не могу сказать, сколько я времени проспал, но когда я открыл глаза — вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанные взыгравшим ветром; погода расчистилась, и в воздухе чувствовалась та особенная, сухая свежесть, которая, наполняя сердце каким-то бодрым ощущеньем, почти всегда предсказывает мирный и ясный вечер после ненастного дня. Я собрался было встать и снова попытать счастья, как вдруг глаза мои остановились на неподвижном человеческом образе. Я вгляделся: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и уронив обе руки на колени; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом её дыханье тихо скользил на клетчатую юбку. Чистая белая рубаха, застёгнутая

Скачан с material.100.tilda.ws

у горла и кистей, ложилась короткими мягкими складками около её стана; крупные жёлтые бусы в два ряда спускались с шеи на грудь. Она была очень недурна собою. Густые белокурые волосы прекрасного пепельного цвета расходились двумя тщательно причёсанными полукругами из-под узкой алой повязки, надвинутой почти на самый лоб, белый, как слоновая кость; остальная часть её лица едва загорела тем золотистым загаром, который принимает одна тонкая кожа. Я не мог видеть её глаз — она их не поднимала; но я ясно видел её тонкие, высокие брови, её длинные ресницы: они были влажны, и на одной из её щёк блистал на солнце высохший след слезы, остановившейся у самых губ, слегка побледневших. Вся её головка была очень мила; даже немного толстый и круглый нос её не портил. Мне особенно нравилось выражение её лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского недоуменья перед собственной грустью. Она, видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она тотчас подняла голову и оглянулась; в прозрачной тени быстро блеснули передо мной её глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани. Несколько мгновений прислушивалась она, не сводя широко раскрытых глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову, ещё ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цветы. Веки её покраснели, горько шевельнулись губы, и новая слеза прокатилась из-под густых ресниц, останавливаясь и лучисто сверкая на щеке. Так прошло довольно много времени; бедная девушка не шевелилась, — лишь изредка тоскливо поводила руками и слушала, всё слушала... Снова что-то зашумело по лесу, — она встрепенулась. Шум не переставал, становился явственней, приближался, послышались наконец решительные, проворные шаги. Она выпрямилась и как будто оробела; её внимательный взор задрожал, зажёгся ожиданьем. Сквозь чащу быстро замелькала фигура мужчины. Она вгляделась, вспыхнула вдруг, радостно и счастливо улыбнулась, хотела было встать и тотчас опять поникла вся, побледнела, смутилась — и только тогда подняла трепещущий, почти молящий взгляд на пришедшего человека, когда тот остановился рядом с ней.

Я с любопытством посмотрел на него из своей засады. Признаюсь, он не произвёл на меня приятного впечатления. Это был, по всем признакам, избалованный камердинер молодого, богатого барина. Его одежда изобличала притязание на вкус и щегольскую небрежность: на нём было коротенькое пальто бронзового цвета, вероятно, с барского плеча, застёгнутое доверху, розовый галстучек с лиловыми кончиками и бархатный чёрный картуз с золотым галуном, надвинутый

Скачан с material100.tilda.ws

на самые брови. Круглые воротнички его белой рубашки немилосердно подпирали ему уши и резали щёки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красных и кривых пальцев, украшенных серебряными и золотыми кольцами с незабудками из бирюзы. Лицо его, румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которые, сколько я мог заметить, почти всегда возмущают мужчин и, к сожалению, очень часто нравятся женщинам. Он видимо старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и скучающее; беспрестанно щурил свои и без того крошечные молочно-серые глазки, морщился, опускал углы губ, принуждённо зевал и с небрежной, хотя не совсем ловкой развязностью то поправлял рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипал жёлтые волосики, торчавшие на толстой верхней губе, — словом, ломался нестерпимо. Начал он ломаться, как только увидал молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистым шагом подошёл он к ней, постоял, передёрнул плечами, засунул обе руки в карманы пальто и, едва удостоив бедную девушку беглым и равнодушным взглядом, опустился на землю.

— А что, — начал он, продолжая глядеть куда-то в сторону, качая ногою и зевая, — давно ты здесь?

Девушка не могла тотчас ему отвечать.

— Давно-с, Виктор Александрыч, — проговорила она наконец едва слышным голосом.

— А! (Он снял картуз, величественно провёл рукою по густым, туго завитым волосам, начинавшимся почти у самых бровей, и, с достоинством посмотрев кругом, бережно прикрыл опять свою драгоценную голову.) А я было совсем и позабыл. Притом, вишь, дождик! (Он опять зевнул.) Дела пропасть: за всем не усмотришь, а тот ещё бранится. Мы завтра едем...

— Завтра? — произнесла девушка и устремила на него испуганный взор.

— Завтра... Ну, ну, ну, пожалуйста, — подхватил он поспешно и с досадой, увидев, что она затрепетала вся и тихо наклонила голову, — пожалуйста, Акулина, не плачь. Ты знаешь, я этого терпеть не могу. (И он наморщил свой тупой нос.) А то я сейчас уйду... Что за глупости — хныкать!

— Ну, не буду, не буду, — торопливо произнесла Акулина, с усилием глотая слёзы. — Так вы завтра едете? — прибавила она после небольшого молчанья. — Когда-то Бог приведёт опять увидеться с вами, Виктор Александрыч?

Скачан с material.00.tilda.ws

— Увидимся, увидимся. Не в будущем году — так после. Баринто, кажется, в Петербурге на службу поступить желает, — продолжал он, выговаривая слова небрежно и несколько в нос, — а может быть, и за границу уедем.

— Вы меня забудете, Виктор Александрыч, — печально промолвила Акулина.

— Нет, отчего же? Я тебя не забуду: только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца... А я тебя не забуду — не-ет. (И он спокойно потянулся и опять зевнул.)

— Не забывайте меня, Виктор Александрыч, — продолжала она умоляющим голосом. — Уж, кажется, я на что вас любила, всё, кажется, для вас... Вы говорите, отца мне слушаться, Виктор Александрыч... Да как же мне отца-то слушаться...

— А что? (Он произнёс эти слова как бы из желудка, лёжа на спине и подложив руки под голову.)

— Да как же, Виктор Александрыч, — вы сами знаете...

Она умолкла. Виктор поиграл стальной цепочкой своих часов.

— Ты, Акулина, девка неглупая, — заговорил он наконец, — потому вздору не говори. Я твоего же добра желаю, понимаешь ты меня? Конечно, ты не глупа, не совсем мужичка, так сказать; и твоя мать тоже не всегда мужичкой была. Всё же ты без образованья, — стало быть, должна слушаться, когда тебе говорят.

— Да страшно, Виктор Александрыч.

— И-и, какой вздор, моя любезная: в чём нашла страх! Что это у тебя, — прибавил он, придвинувшись к ней, — цветы?

— Цветы, — уныло отвечала Акулина. — Это я полевой рябинки нарвала, — продолжала она, несколько оживившись, — это для телят хорошо. А это вот череда — против золотухи. Вот поглядите-ка, какой чудный цветик; такого чудного цветика я ещё отродясь не видала. Вот незабудки, а вот маткина-душка... А вот это я для вас, — прибавила она, доставая из-под жёлтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, — хотите?

Виктор лениво протянул руку, взял, небрежно понюхал цветы и начал вертеть их в пальцах, с задумчивой важностью посматривая вверх. Акулина глядела на него... В её грустном взоре было столько нежной преданности, благоговейной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смела плакать, и прощалась с ним, и любовалась им в последний раз; а он лежал, развалясь, как султан, и с великодушным терпеньем и снисходительностью сносил её обожанье. Я, признаюсь, с негодованьем рассматривал его красное лицо, на ко-

Скачан с material100.tilda.ws

тором сквозь притворно презрительное равнодушие проглядывало удовлетворённое, пресыщенное самолюбие. Акулина была так хороша в это мгновение: вся душа её доверчиво, страстно раскрывалась перед ним, тянулась и ластилась к нему, а он... он уронил васильки на траву, достал из бокового кармана пальто круглое стёклышко в бронзовой оправе и принялся втискивать его в глаз; но, как он ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носом — стёклышко всё вываливалось и падало ему в руку.

— Что это? — спросила, наконец, изумлённая Акулина.

— Лорнет, — отвечал он с важностью.

— Для чего?

— А чтоб лучше видеть.

— Покажите-ка.

Виктор поморщился, но дал ей стёклышко.

— Не разбей, смотри.

— Небось, не разобью. (Она робко поднесла его к глазу.) Я ничего не вижу, — невинно проговорила она.

— Да ты глаз-то, глаз-то зажмурь, — возразил он голосом недовольного наставника. (Она зажмурила глаз, перед которым держала стёклышко.) Да не тот, не тот, глупая! Другой! — воскликнул Виктор и, не давши ей исправить свою ошибку, отнял у ней лорнет.

Акулина покраснела, чуть-чуть засмеялась и отвернулась.

— Видно, нам не годится, — промолвила она.

— Ещё бы!

Бедняжка помолчала и глубоко вздохнула.

— Ах, Виктор Александрыч, как это будет нам быть без вас! — сказала она вдруг.

Виктор вытер лорнет полой и положил его обратно в карман.

— Да, да, — заговорил он наконец, — тебе сначала будет тяжело, точно. (Он снисходительно потрепал её по плечу; она тихонько достала с своего плеча его руку и робко её поцеловала.) Ну, да, да, ты точно девка добрая, — продолжал он, самодовольно улыбнувшись, — но что же делать? Ты сама посуди! Нам с барином нельзя же здесь остаться; теперь скоро зима, а в деревне зимой — ты сама знаешь — просто скверность. То ли дело в Петербурге! Там просто такие чудеса, каких ты, глупая, и во сне себе представить не можешь. Дома какие, улицы, а обчество, образованье — просто удивленье!.. (Акулина слушала его с пожирающим вниманьем, слегка раскрыв губы, как ребёнок.) Впрочем, — прибавил он, заворочавшись на земле, — к чему я тебе это всё говорю? Ведь ты этого понять не можешь.

Скачан с material100.tilda.ws

— Отчего же, Виктор Александрыч? Я поняла; я всё поняла.

— Вишь какая!

Акулина потупилась.

— Прежде вы со мной не так говаривали, Виктор Александрыч, — проговорила она, не поднимая глаз.

— Прежде?.. прежде! Вишь ты!.. Прежде! — заметил он, как бы негодуя.

Они оба помолчали.

— Однако мне пора идти, — проговорил Виктор и уже опёрся было на локоть...

— Подождите ещё немножко, — умоляющим голосом произнесла Акулина.

— Чего ждать?.. Ведь уж я простился с тобой.

— Подождите, — повторила Акулина.

Виктор опять улёгся и принялся посвистывать. Акулина всё не спускала с него глаз. Я мог заметить, что она понемногу приходила в волненье: её губы подёргивало, бледные её щеки слабо заалелись...

— Виктор Александрыч, — заговорила она наконец прерывающимся голосом, — вам грешно... вам грешно, Виктор Александрыч, ей-богу!

— Что такое грешно? — спросил он, нахмурив брови, и слегка приподнял и повернул к ней голову.

— Грешно, Виктор Александрыч. Хоть бы доброе словечко мне сказали на прощанье; хоть бы словечко мне сказали, горемычной сиротинушке...

— Да что я тебе скажу?

— Я не знаю; вы это лучше знаете, Виктор Александрыч. Вот вы едете, и хоть бы словечко... Чем я заслужила?

— Какая же ты странная! Что ж я могу?

— Хоть бы словечко...

— Ну, зарядила одно и то же, — промолвил он с досадой и встал.

— Не сердитесь, Виктор Александрыч, — поспешно прибавила она, едва сдерживая слёзы.

— Я не сержусь, а только ты глупа... Чего ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу? ведь не могу? Ну, так чего ж ты хочешь? чего? (Он уткнулся лицом, как бы ожидая ответа, и растопырил пальцы.)

— Я ничего... ничего не хочу, — отвечала она, заикаясь и едва осмеливаясь простирать к нему трепещущие руки, — а так хоть бы словечко, на прощанье...

Скачан с material100.tilda.ws

И слёзы полились у ней ручьём.

— Ну, так и есть, пошла плакать, — хладнокровно промолвил Виктор, надвигая сзади картуз на глаза.

— Я ничего не хочу, — продолжала она, всхлипывая и закрыв лицо обеими руками, — но каково же мне теперь в семье, каково же мне? И что же со мной будет, что станется со мной, горемычной? За немилого выдадут сиротиночку... Бедная моя головушка!

— Припевай, припевай, — вполголоса пробормотал Виктор, переминаясь на месте.

— А он хоть бы словечко, хоть бы одно... Дескать, Акулина, дескать, я...

Внезапные, надрывающие грудь рыданья не дали ей докончить речи — она повалилась лицом на траву и горько, горько заплакала... Всё её тело судорожно волновалось, затылок так и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком. Виктор постоял над нею, постоял, пожал плечами, повернулся и ушёл большими шагами.

Прошло несколько мгновений... Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотела было бежать за ним, но ноги у ней подкосились — она упала на колени... Я не выдержал и бросился к ней; но едва успела она вглядеться в меня, как откуда взялись силы — она с слабым криком поднялась и исчезла за деревьями, оставив разбросанные цветы на земле.

Я постоял, поднял пучок васильков и вышел из рощи в поле. Солнце стояло низко на бледно-ясном небе, лучи его тоже как будто поблёкли и похолодели: они не сияли, они разливались ровным, почти водянистым светом. До вечера оставалось не более получаса, а заря едва-едва зажигалась. Порывистый ветер быстро мчался мне навстречу через жёлтое, высохшее жнивьё; торопливо вздымаясь перед ним, стремились мимо, через дорогу, вдоль опушки, маленькие, покоробленные листья; сторона рощи, обращённая стеною в поле, вся дрожала и сверкала мелким сверканьем, чётко, но не ярко; на красноватой траве, на былинках, на соломинках — всюду блестели и волновались бесчисленные нити осенних паутин. Я остановился... Мне стало грустно; сквозь невесёлую, хотя свежую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалёкой зимы. Высоко надо мной, тяжело и резко рассекая воздух крылами, пролетел осторожный ворон, повернул голову, посмотрел на меня сбоку, взмыл и, отрывисто каркая, скрылся за лесом; большое стадо голубей резво пронеслось с гумна и, внезапно закружившись столбом, хло-

Скачан с material100.tilda.ws

потливо расселось по полю — признак осени! Кто-то проехал за обнажённым холмом, громко стуча пустой телегой...

Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, и васильки её, давно увядшие, до сих пор хранятся у меня...

Размышляем о прочитанном

1. Рассказ начинается с описания осеннего пейзажа «около половины сентября». По каким признакам, по мнению писателя, можно было точно определить время года, когда происходили события, воспроизведённые в рассказе?
2. Прочитайте внимательно описание внешности девушки. Можно ли по нему определить отношение автора к героине рассказа?
3. Как через описание автор передаёт душевное состояние девушки?
4. Каково отношение писателя к Виктору? Какое первое впечатление вызывает у читателя этот персонаж?
5. Герой рассказа прилагал немало усилий, чтобы казаться не тем, кем он был на самом деле. Какие детали, штрихи портрета, особенности поведения, речи Виктора, изображённые Тургеневым, свидетельствуют об отношении автора к своему герою?
6. Найдите в речи персонажа слова, подтверждающие высокомерное отношение к крестьянам, к деревне.
7. Как характеризует Акулину её рассказ о цветах и травах? Только ли о хорошем знании лечебных свойств растений говорят её слова?
8. Каково отношение Виктора к обожанию Акулины? Как автор через описание раскрывает это отношение?
9. Что характерно для цветовой палитры пейзажа в финале рассказа? Какой эмоциональный фон создаёт такой колорит? Почему?

Опыт литературоведческого исследования

1. Рассказ «Свидание» был встречен критикой в целом благожелательно. И всё же в адрес писателя прозвучало несколько упрёков. Так, поэт Аполлон Григорьев писал, что образ Акулины идеализирован, а анонимный критик журнала «Современник» полагал, что характер Виктора нарисован хотя и верно, но «чересчур резко». Найдите в авторской характеристике героев рассказа детали, которые позволили критикам сделать подобные замечания.
2. Можно ли упрекнуть автора рассказа в идеализации Акулины и «чересчур резком» отношении к Виктору? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Скачан с material100.tilda.ws

Стихотворения в прозе — последние произведения И. С. Тургенева. Он много лет собирал заметки, записи и в конце своей жизни издал их под названием «Стихотворения в прозе». Стихотворения в прозе не имеют рифмы, они не записываются так, как мы обычно записываем стихи, но они доносят до нас мысли и чувства писателя.

«Последний день месяца, на тысячу вёрст кругом Россия — родной край», — так начинается лирическое раздумье «Деревня», один из первых опытов Тургенева, составивших со временем целую книгу стихотворений в прозе. Сюда вошли небольшие зарисовки, размышления в образах, микрорассказы, лирические миниатюры, своеобразные «лирические отступления», получившие самостоятельную жизнь.

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Два богача

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

— Возьмём мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на неё пойдут, — не на что будет соли добыть, похлёбку посолить...

— А мы её... и не солёную, — ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Размышляем о прочитанном

1. Что говорит Тургенев о русском языке? Почему такие большие надежды возлагает писатель на русский язык?

Скачан с material100.tilda.ws

2. В стихотворении «Два богача» Тургенев сравнивает богача Ротшильда и простого русского мужика. В чью пользу сравнение и почему?

Творческое задание

Подготовьте устное рассуждение «О богатстве материальном и душевном».

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

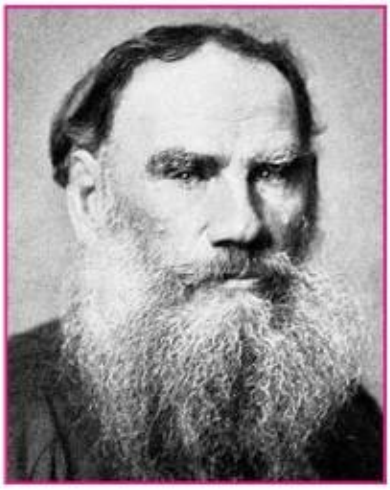
И. С. Тургенев. «Русский язык»

Прислушайтесь к музыке, сопровождающей чтение тургеневского стихотворения в прозе «Русский язык». Помогает ли музыка Модеста Петровича Мусоргского полнее прочувствовать мысли и переживания поэта? В чём музыка созвучна содержанию стихотворения?

И. С. Тургенев. «Два богача»

1. Когда автор говорит о Ротшильде, он «умиляется». С каким чувством произносит эти слова актёр? Нет ли здесь иронии? Есть ли у актёра основание читать с иронией?
2. Как вы охарактеризуете чтение актёром диалога крестьянина и его жены? Сумел ли он передать характеры этих людей?

Скачан с material100.tilda.ws



Л. Н. Толстой.
Фотография
М. М. Панова.
1878—1879

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

1828—1910

Лев Николаевич Толстой принадлежал к старинному дворянскому роду, который давно вошёл в историю России и много сделал для её блага. Сам Толстой прославил свой род не только как великий писатель, но и как гражданин на военном, общественном и педагогическом поприще. В круг его ближайших интересов всегда входила история. Среди художественных произведений Толстого, запечатлевших исторические события, выделяются «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Хаджи-Мурат».

Известно, что художественный историзм проявляется не только в исторических сочинениях, но и во всём творчестве писателя. Произведения, посвящённые современности, также могут быть историчными и неисторичными, то есть правильно воспроизводящими суть времени, в которое живёт писатель, или эту суть искажающими. Толстой очень остро чувствовал свою эпоху. Он сознавал, что живёт в момент исторического перелома, когда уходит в прошлое старая дворянская и крестьянская Русь, когда исчезают признаки патриархального строя, на котором покоится русский мир, русское общество и нравственные ценности, созданные на протяжении веков. Вместе с ним исчезает крепостная Россия, личная зависимость крестьянина от барина-помещика. Крестьянин становится свободным.

На смену патриархальным и крепостным отношениям приходят отношения зависимости людей от капитала, от денег, от земли, которая тоже превращается в товар. Люди одновременно и объединялись на больших производствах, на фабриках и заводах, в земельных хозяйствах, и отъединялись друг от друга: крестьянин уже не был прикреплён к помещику, не был для него «своим человеком» и сам не считал нужным быть обязанным бывшему господину. Если раньше дворянин-помещик и крестья-

Скачан с material200.tilda.ws

нин составляли некое целое, хотя их отношения были, конечно, далеко не благополучными, то теперь, после реформы 1861 года, их единство окончательно распалось.

Однако писатель не оставляет попытки найти в жизни опору своим мечтам о соединении людей в общую семью. Он предлагает свой путь обретения национальной и всечеловеческой общности, в которой не было бы жестоких противоречий, смертельных схваток, господства личных корыстных интересов.

Толстой выдвигает в качестве основы человеческого общежития христианскую любовь, которую понимает как любовное отношение одного человека к другому независимо от расовых, национальных, религиозных различий. Для того чтобы такая любовь победила на земле, мало одного желания. Необходимо, чтобы люди воспитывали себя в духе такой любви и несли её свет другим. Толстой требовал от человека огромного духовного и душевного напряжения всех его способностей, воли и ума. Он ждал от человека желания самовоспитываться, самосовершенствоваться, чтобы изменить условия своего существования в духе высокой и всеобщей любви к ближним. Герои Толстого часто рассуждают и спорят со своими противниками на тему самовоспитания и изменения жизни в лучшую сторону.

Так начинается и рассказ Толстого «После бала», в котором Иван Васильевич сразу отдаётся своим мыслям о том, знает ли человек, что хорошо и что дурно, отвечает ли он за свои мысли и поступки, или во всём виновата среда, общество, в котором человек рос и воспитывался. Во времена Толстого многие люди думали так: среда, общество несовершенны, в них нет условий для личного самовоспитания, и надо изменить жизнь, общественные отношения, затем приступать к личному самоусовершенствованию. Толстой был с этим решительно не согласен. Он полагал, что никто не снимал с человека ответственности за свои мысли, чувства, желания, поступки, что в глубине души человек всегда точно знает, хорошо или дурно он ведёт себя. И не надо ждать, когда создадутся условия для самовоспитания, нужно готовить их сейчас, причём готовить личным примером, то есть стремлением стать лучше, чище, нравственнее в каждую следующую минуту по сравнению с предыдущей.

Решающий момент в намерении переделать себя может наступить всегда, в любой час. Вот такому случаю, который помог герою решиться начать собственное воспитание, и посвящён рассказ «После бала». В нём исторически точно и художественно убедительно воспроизведены условия, при которых возникает разное отношение к человеку со стороны людей одного сословного круга.

Скачан с material100.tilda.ws

Проверьте себя

1. Какие произведения, прочитанные вами ранее, рассказывали об исторических событиях, происходивших в России? Чем вам интересна литература об истории нашей страны?
2. Что нужно сделать, по мнению писателя, для того, чтобы общество было более совершенным?
3. Используя материалы статьи учебника и биографического словаря «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писателя.

После бала

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у неё уже дочери замужем... Это была Б..., да, Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая,

Скачан с material100.tilda.ws

стройная, грациозная[1] **и величественная, именно величественная.** Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец[2] лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагерротипный[3] портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера[4]. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его, в бархатном пюсовом[5] платье, в бриллантовой фероньерке[6] на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны[7]. Бал был чудесный: зала прекрасная с хорами[8], музыканты — знамени-

---

[1] *Грацио́зная* — изящная.

[2] *Иноха́дец* — лошадь, которая бежит *и́ноходью* — выносит сначала обе правые, затем обе левые ноги.

[3] *Дагерроти́пный* — от *дагерроти́п* — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке.

[4] *Камерге́р* — почётное придворное звание.

[5] *Пю́совый* (устар.) — тёмно-коричневый.

[6] *Фероньёрка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

[7] *Елизаве́та* (старинное произношение *Елисаве́та*) *Петровна* (1709—1761) — русская императрица.

[8] *Хо́ры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

Скачан с material100.tilda.ws

тые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных[1] башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества[2], она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «encore»[3]. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела. <...>

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

---

[1] *Атла́сный* — сделанный из *атла́са* — шёлковой гладкой блестящей ткани.

[2] *Ка́чество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. д.) — каждый своё. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

[3] Ещё (фр.).

Скачан с material100.tilda.ws

— Так после ужина кадриль моя? — сказал я ей, отводя её к её месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папа́ просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами[1], стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, ma chére[2], отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславович, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, à la Nicolas I[3] подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложён он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи[4], отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

---

[1] *Эполе́ты* — парадные офицерские погоны.

[2] Моя милая (фр.).

[3] Как у Николая I (фр.).

[4] *Портупе́я* — ременная перевязь, перекинутая через плечо, для ношения оружия.

Скачан с material100.tilda.ws

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками[1], — хорошие опойковые[2] сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну всё равно, пройдитесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

---

[1] *Штри́пка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

[2] *Опо́йковые сапоги́* — сапоги из *опо́йка* — тонкой кожи, выделанной из кожи молодых телят.

Скачан с material100.tilda.ws



«После бала». Бал. *Художник В. Ф. Гильберт*

После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидал, что это совершенно невозможно. У меня в руке было пёрышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садились в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в минуту, когда

Скачан с material.00.tilda.ws

она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: «*Гордость*? да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену[1] и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт[2]. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые[3] с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

---

[1] *Кандида́тский экза́мен* — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждавшуюся выпускникам университета.

[2] *Деви́ческий институ́т* — Институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

[3] *Ломовые* — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

Скачан с material100.tilda.ws

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидал в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услыхал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой

Скачан с material100.tilda.ws



«После бала». Сквозь строй. *Художник Е. Е. Лансере*

стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услыхал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов[1]! — крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени

[1] *Шпицру́тены* — прутья или палки, которыми били наказываемых.

Скачан с material100.tilda.ws

стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услыхал и увидал опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Размышляем о прочитанном

1. Какие размышления возникли у вас после чтения рассказа? Кто его главные герои? От чьего лица ведётся рассказ? О каком периоде своей жизни повествует

Скачан с material100.tilda.ws

Иван Васильевич? Как рассказчик описывает Вареньку? Что рассказывает Иван Васильевич об обстановке бала, о своём настроении на балу? Чем можно объяснить это настроение? Как изображается отец Вареньки? Какое чувство испытывает к нему рассказчик? Что изменило настроение Ивана Васильевича? Каким показан полковник в сцене на площади? Какое же лицо полковника истинное? Как вы восприняли характеры и поступки героев? Расскажите об этом.

2. Почему рассказ назван автором не «Бал», а «После бала», хотя описание бала занимает бóльшую часть произведения?
3. Как объяснить поведение отца Вареньки после бала — его человеческими качествами или порядками в тогдашней армии?
4. Можно ли сказать, что рассказ Л. Н. Толстого открывает нам одну из страниц исторического прошлого России? Какую именно?
5. Против чего направлен рассказ «После бала»? От чего зависят, по мысли автора, перемены в человеческих отношениях?
6. Чего достигает Л. Н. Толстой композиционным приёмом контраста событий? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, для аргументации своих утверждений используйте цитаты из текста рассказа.
7. К какому времени отнесено действие рассказа (последний день Масленицы и первый день Великого Поста — Чистый понедельник) и какой символический смысл оно приобретает?

Опыт литературоведческого исследования

★ В процессе создания художественного произведения Л. Н. Толстой говорил: «...художник не рассуждает, а непосредственным чувством угадывает типы». Следовательно, у Толстого интуиция — это способ «угадывания». В то же время Толстой, опираясь на реальный прообраз, писал: «Я бы стыдился печататься, если бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить».

Что это значит? Как вы понимаете это высказывание великого писателя?

Толстой говорил Гольденвейзеру[1]: «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать всё множество раз. Я почти никогда не прочитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадётся случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это всё надо переделывать». Как вы объясните эти слова? О какой черте характера писателя они говорят?

Подготовьте письменный ответ на эти вопросы в форме рассуждения.

Творческое задание

По убеждению Толстого, в ходе русской истории возникло две России — Россия образованная, далёкая от природы, и Россия мужицкая, близкая к природе.

[1] *А. Б. Гольденвéйзер* (1875—1961) — пианист, музыкант, композитор.

Скачан с material100.tilda.ws

В этом для писателя состояла драма русской жизни. Он мечтал, чтобы эти два начала соединились, чтобы Россия стала единой. Но, будучи писателем-реалистом, он изображал ту действительность, которую видел и которую оценивал с точки зрения своих художественно-исторических взглядов. Как же отразились исторические взгляды писателя в рассказе «После бала»?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «После бала». Найдите в тексте рассказа эпизоды, изображённые художниками. Как вы думаете, удалось ли им передать настроение и пафос рассказа?

Развиваем дар слова

Для подтверждения ваших суждений о том или ином персонаже произведения подготовьте характеристики героев с введением портретов, диалогов, описаний бала, экзекуции.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Л. Н. Толстой. «После бала»

Вы читали рассказы Л. Н. Толстого и раньше. Вспомните их названия и имена героев. Кто они?

1. Менялось ли ваше отношение к героям во время чтения рассказа и прослушивания актёрского исполнения? Почему?
2. Какие интонации были использованы актёром, чтобы показать характеры героев рассказа?
3. Против чего направлен рассказ Л. Н. Толстого и как это показывает в чтении Николай Лазарев?
4. Как настраивает музыка на прослушивание контрастных событий?
5. Почему рассказчик так подробно описывает Вареньку, её отца?
6. Какая музыка звучит во время танца? Какое настроение создаётся ею? Почему рассказчику казалось, что он «всех» любит?
7. Что случилось после бала? Какая новая музыка послышалась рассказчику? Как он назвал её?
8. Почему любовь рассказчика «пошла на убыль»?

Скачан с material100.tilda.ws



Н. А. Некрасов. *Художник И. Н. Крамской. 1877. Фрагмент*

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1878

Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему...
«Еду ли ночью по улице тёмной...»

Стихотворение «Еду ли ночью по улице тёмной...» поразило всех своей особенной, пронзительной музыкой, своим горьким сочувствием отверженным. Оно показало — Россия приобретает великого поэта.

Под стихами стояла подпись: Н. Некрасов. Тургенев писал из Парижа: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение... меня совершенно с ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил». И разошлась по свету слава Некрасова. Люди разных взглядов приобщались к его огню, воспламеняющему душу.

Николай Алексеевич Некрасов родился неподалёку от Винницы, в местечке Немиров. Мальчику не было и трёх лет, когда его отец, ярославский помещик и отставной офицер, перевёз семью в родовое имение Грешнево. Здесь прошло детство — среди яблонь обширного сада, вблизи Волги, которую Некрасов назвал своей колыбелью, и рядом со знаменитой Владимиркой, о которой вспоминал: «...всё, что по ней шло и ехало и было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства». А ещё была ловля птиц и грибы, крепкая дружба с крестьянской ребятнёй. Младенческие ви́рши семилетнего стихотворца, посвящённые «любезной маменьке».

На одиннадцатом году — Ярославская гимназия, чтение книг, мечты о славе... Тетрадь лирики и рукопись романа — это уже в семнадцать лет. С ними Некрасов приехал в Петербург: отец велел поступать в полк, а он решил — в университет. Отец лишил его средств. Началась жизнь впроголодь, нищета.

Скачан с material100.tilda.ws

Некрасов впитал стихию народной лирической поэзии с её демократизмом и простотой. И даже былинную стихию. Впоследствии уже не народная песня диктовала Некрасову, а Некрасов создавал песни, которые подхватывал и пел народ.

В начале 1840-х годов Некрасов сближается с В. Г. Белинским. Как издатель журнала «Современник» Некрасов привлекает к сотрудничеству И. С. Тургенева и Герцена, Л. Н. Толстого, а позднее — М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1856 году вышла книга Некрасова «Стихотворения», куда вошли «Влас» и «Тройка», «Забытая деревня» и «Несжатая полоса», поэма «Саша».

Он первым в печати прославил декабристов («Дедушка»), самоотверженных жён декабристов («Русские женщины»). Десять лет поэт работал над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Поэт стремился воспитать новое поколение не в духе раболепства и угодничества, а в духе кровной вражды с общественной неправдой.

История, живая жизнь русской поэзии непредставима без Некрасова, ставшего, как и Пушкин, частью народного сознания, вошедшего в кровь и плоть отечественной культуры.

Вл. Приходько

О ПОЭМЕ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»[1]

В 1826 году декабристы были сосланы за участие в восстании 1825 года в Сибирь на каторжные работы. Вскоре за многими из них добровольно последовали их жёны: А. Г. Муравьёва, Е. И. Трубецкая, Е. П. Нарышкина, А. В. Розен, М. Н. Волконская и другие. «Жёны сосланных в каторжную работу, — писал о них впоследствии А. Герцен, — лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под ещё страшнейший гнёт тамошней полиции». Некрасов указал в примечании к «Русским женщинам», что не касается «политической стороны события», но всё-таки он впервые изобразил восстание на Сенатской площади[2]. Читатели 70-х годов восторженно приняли обе части поэмы: в этом произведении они увидели отклик на свои собственные стремления и чувства.

[1] Поэма «Русские женщины» состоит из двух частей («Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская»), напечатаны они в 1872—1873 годах в журнале «Отечественные записки».

[2] *Сена́тская пло́щадь* — одна из площадей Санкт-Петербурга, где происходило восстание декабристов.

Скачан с material100.tilda.ws

Русские женщины

Княгиня Трубецкая[1]

Поэма

(В сокращении)

Часть первая

Покоен, прочен и легóк
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость[2] в ноги стлал,
Творя молитву, образок[3]
Повесил в правый уголок
И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвём мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь,
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

[1] Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкáя последовала в 1826 году за сосланным мужем — декабристом Сергеем Петровичем Трубецким (1790—1860) в Сибирь, где и умерла в 1854 году.

[2] *Медвéжья пóлость* — покрывало на ноги в санях, экипаже, карете.

[3] *Образóк* — икона, уменьшительное от «образ».

Скачан с material100.tilda.ws

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далёкой стороне...
Не плачу я, но нелегко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовёт... Прости, родной!
Напрасных слёз не лей!
Далёк мой путь, тяжёл мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!..» <...>

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далёк!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Её в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи[1] сух, как палка прям,
Высокий и седой.

[1] *Мóщи* — высохшие останки людей, причисленных после смерти к лику святых.

Скачан с material100.tilda.ws



«Русские женщины». Княгиня Е. И. Трубецкая.
Художник Н. А. Бестужев. 1828

Сползла с плеча его доха[1],
Под ней — кресты[2], мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

[1] *Доха́* — шуба мехом и внутрь, и наружу.
[2] *Кресты́* — ордена.

Скачан с material.100.tilda.ws

Княгиня

(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывай скорей!

Губернатор

Пришёл я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалёк мой путь...

Губернатор

Все ж будет вёрст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдёт,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нём.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму.
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(отворяя дверь в сени)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Скачан с material100.tilda.ws

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чём
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... Не решусь я утверждать.
Но путь ещё далёк...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я ещё не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,

Скачан с material100.tilda.ws

Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовёт. Мучитель мой!
Давайте лошадей.

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час.
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — ещё бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — ещё длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма[1],
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки[2];
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придётся с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват..
А вам терпеть... за что?

[1] *Клеймо́* — печать, знак; здесь: клеймо каторжника.
[2] *Варна́к* — лжец, буян, каторжник.

Скачан с material100.tilda.ws

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьёт!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперёд!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пу́рга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,

Скачан с material100.tilda.ws

Окреп туземный человек
С природою в бою.
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрёте, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с чёрствым сухарём
Заснуть... а добрый сон пришёл —
И узник стал царём!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснётся он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грёз,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слёз.

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца

Скачан с material100.tilda.ws

Мой долг, — я слёз не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нём спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь чёрствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнёт,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почёт.
Как знать? Быть может, Бог судил —
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы...
Что там найду я? Ханжество[1],
Поруганную честь,

[1] *Ха́нжество* — от слова «ханжа» — лицемер, прикрывающийся добродетелью; ханжество — лицемерие.

Скачан с material100.tilda.ws

Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и тёмных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рвётесь вы вперёд,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасёт...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлёкся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Скачан с material100.tilda.ws

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну, что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнёс:
«До завтра», — и ушёл...

* * *

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И, наконец, сказал: «Быть так!
Вас не спасёшь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!»

— Да что же мне ещё терять?
«За мужем поскакав,

Скачан с material100.tilda.ws

Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав!»
Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы ещё дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушёл и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пришла к нему сама.
Её не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло.

Скачан с material100.tilda.ws

А на шестой пришёл он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придёте, если вас
Дорога не убьёт.
Навряд версты четыре в час
Закованный идёт;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

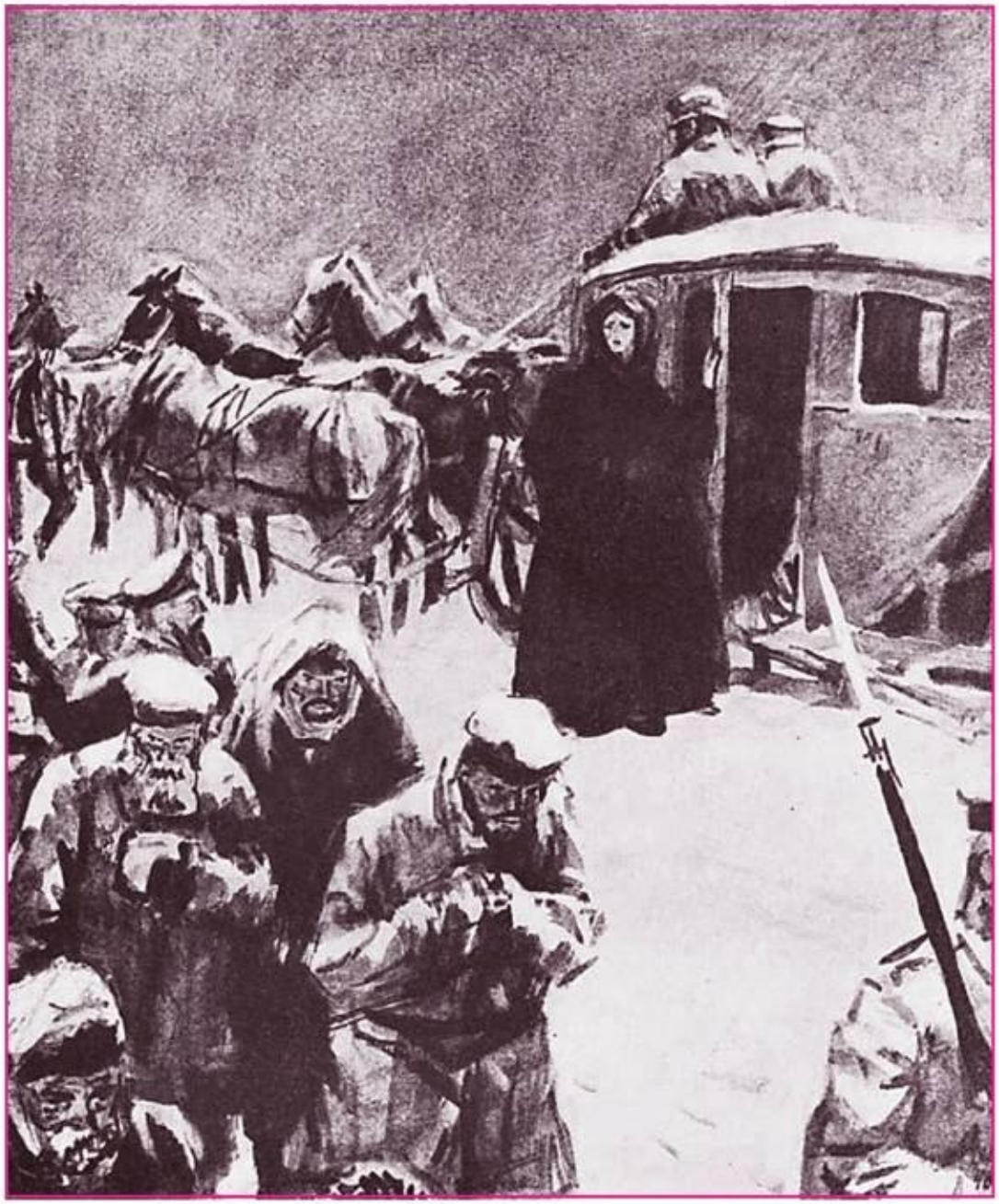
Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников

Скачан с material100.tilda.ws



«Русские женщины». Встреча княгини Трубецкой с ссыльными.
Художник Д. А. Шмаринов

И третий не дойдёт!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Скачан с material100.tilda.ws

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию сбирать —
Иду! мне всё равно!..

* * *

«Нет, вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царём душа моя
Чиста, свидетель Бог!
Острожным жёстким сухарём
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плéчах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...

(отворяя дверь, кричит)

Эй! запрягать, сейчас!..

Скачан с material100.tilda.ws

Размышляем о прочитанном

1. Восстание декабристов произошло в 1825 году. Как сегодня воспринимаем мы подвиг декабристов и их жён?
2. Каким вы представляли себе тяжкий путь жён декабристов в Сибирь? Какие чувства поэма Некрасова вызвала у вас? Постарайтесь сформулировать тему и идею этого произведения.
3. Найдите в тексте авторские определения «почтенного генерала». Как они характеризуют отношение поэта к этому литературному персонажу?
4★. Что говорит княгиня о светском обществе и своём долге? В чём пафос её доводов в разговоре с генералом и какие из них вам кажутся особенно убедительными? В чём их сила?
5. Как словарь героини Некрасова («я не жалкая раба», «гордость», «мой долг» и пр.) характеризует её? Что вы можете сказать об отношении автора к ней?

Учимся читать выразительно

Подготовьте к выразительному чтению начало поэмы до слов — «Гордись — я дочь твоя!» или к инсценированному чтению диалога княгини и генерала, подчеркнув силу духа, мужество, самоотверженность Трубецкой.

Творческое задание

Считаете ли вы поступок княгини Е. И. Трубецкой подвигом? Дайте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Н. А. Некрасов. «Русские женщины»

1. В первой части поэмы автор воссоздаёт картину прощания княгини Трубецкой с отцом. Старый граф молчит, поэт не говорит о его чувствах, но нам понятно состояние графа, мы догадываемся о его мыслях. Как поэту удалось показать переживания отца, провожающего дочь в страшные каторжные края? Как актриса помогает нам понять мысли и чувства графа?
2. Как вы считаете, почему княгиня в сцене прощания спокойна, непоколебимо уверена в верности выбранного решения? Может быть, период терзаний, сомнений

Скачан с material100.tilda.ws

уже пережит? Даёт ли основания для таких предположений своим чтением актриса?

3. Вторая часть поэмы — долгий, многодневный диалог губернатора и княгини. Актёру удалось создать психологически сложный образ старого генерала. В чём противоречивость ситуации, в которой оказался генерал? Долг или сострадание заставляют его отговаривать, убеждать княгиню вернуться?
4. Как актёр средствами художественного чтения сумел передать борьбу, развитие чувств, переживаемых генералом в ходе диалога с княгиней?
5. Подготовьте выразительное чтение фрагмента диалога губернатора и княгини Трубецкой. Постарайтесь при этом выразить ваше личное отношение к героям поэмы.

Стихотворения

Стихотворение **«Железная дорога»** Некрасов написал в 1864 году. Мы читаем в стихотворении о тяжелейшем каторжном труде рабочих. Мы глубоко сочувствуем этим людям. Но мы понимаем и то, что их труд — великий подвиг, и у нас возникает чувство гордости за простых труженников.

Железная дорога

Ваня *(в кучерском армячке)*.
Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша *(в пальто на красной подкладке)* [1].
Граф Пётр Андреич Клейнмихель [2], душенька!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядрёный[3]
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

[1] Пальто на красной подкладке (шинель) носили генералы.
[2] Граф П. А. Клейнми́хель — царский министр, начальник строительства железной дороги между Петербургом и Москвой.
[3] *Ядрёный* — здесь: свежий, здоровый.

Скачан с material100.tilda.ws

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! и кочи[1],
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии[2]
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотёсцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.

[1] *Ко́чи* — кочки.
[2] *Обая́ние* — здесь: незнание правды.

Скачан с material100.tilda.ws

А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стёкла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной.
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мёрзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники[1].
Секло начальство, давила нужда...

Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,

[1] *Десятник* — старший над группой рабочих.

Скачан с material100.tilda.ws



«Ремонтные работы на железной дороге».
Художник К. А. Савицкий. 1874

Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун[1] в волосах;

Ямою грудь, что на заступ[2] старательно
Изо дня в день налегала весь век...

Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь ещё: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мёрзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,

[1] *Колту́н* — волосы, сбившиеся в плотный ком.
[2] *За́ступ* — лопата.

Скачан с material100.tilda.ws

Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал. — Тысяч пять мужиков,

Русских племён и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители!..“»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана[1],
По Колизею[2] две ночи бродил,
Видел я в Вене Святого Стефана[3],
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский[4]
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы[5] и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

[1] *Ватика́н* — здесь: дворец папы римского, в котором собрано много памятников искусства.
[2] *Колизе́й* — памятник архитектуры Древнего Рима, наиболее известное и одно из самых грандиозных сооружений Древнего мира.
[3] *Свято́й Сте́фан* — собор в столице Австрии Вене.
[4] *Аполло́н Бельведе́рский* — скульптура, изображающая античного бога Аполлона (находится в Бельведерском дворце Ватикана). На протяжении нескольких веков Аполлон Бельведерский считался образцом мужской красоты.
[5] *Те́рмы* — бани в Древнем Риме, являвшиеся также спортивными, общественно-культурными заведениями.

Скачан с material100.tilda.ws

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,

Варвары! дикое скопище[1] пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребёнку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладёт.
Мёртвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику[2] должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да́ вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник[3],
Толстый, присадистый[4], красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

[1] *Ско́пище* — толпа, сборище.
[2] *Подря́дчик* — лицо, нанявшее (подрядившее) рабочих.
[3] *Лаба́зник* (от слова *лаба́з* — помещение для хранения муки или зерна) — торговец, владелец лабаза.
[4] *Присади́стый* — приземистый, плотный.

Скачан с material100.tilda.ws

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку*[1] *дарю!..*»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

Размышляем о прочитанном

1. Какое значение имеет в стихотворении эпиграф «Разговор в вагоне»?
2. Перечитайте первую часть стихотворения. Что вы можете сказать о человеке, который так увидел картину природы? Как картина природы связана с последующим разговором автора с соседями по вагону?
3. Почему Некрасов называет голод «царём»? В чём проявляется власть этого царя?
   Как вы понимаете следующие строки?

   Многие — в страшной борьбе,
   К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
   Гроб обрели здесь себе...

   Какая мысль выражена антитезой?
4. Перечитайте фантастическую картину, где изображается толпа мертвецов. Что означают их слова: «Божии ратники, мирные дети труда»? Что мы узнаём из их песни, какое чувство она вызывает?
5. Перечитайте три последних четверостишия второй части. Что позволяет поэту верить в лучшее будущее? С каким чувством говорит поэт о будущем?
6. Что думает о народе генерал, какими словами он говорит о нём? Каково авторское отношение к изображаемому? Какие слова и выражения позволяют нам его понять?
7. Почему стихотворение обращено к детям?

[1] *Недоимка* — здесь: то, что рабочие, по подсчётам, были должны ему.

Скачан с material100.tilda.ws

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите репродукцию картины художника К. А. Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге». Чем идея этой картины близка стихотворению Некрасова и чем отличается от мысли поэта?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Железная дорога»

1. Как вы думаете, почему поэт начинает рассказ о строительстве железной дороги описанием прекрасной осенней природы? Почему поэт, а вслед за ним и актёр акцентируют слова: *славная осень; покой и простор; морозные ночи; ясные, тихие дни; нет безобразья в природе; всё хорошо под сиянием лунным*?
2. Какой приём использовал поэт, сначала дав описание славной осени, а затем показав страшную картину строительства железной дороги? Как актёр средствами художественного чтения воспроизводит этот приём?
3. На чьей стороне актёр в споре поэта и генерала? Как позиция актёра выражена в его чтении?
4. Какой приём используют поэт и актёр, изображая «светлую сторону» истории о строительстве железной дороги? С каким чувством актёр читает слова «Кажется, трудно отрадней картину / Нарисовать, генерал?..»
5. «Железная дорога» — стихотворение о далёком прошлом. Как вы считаете, есть ли в нём мысли, современные и для наших дней? Найдите эти строки, подготовьте развёрнутый устный ответ с обоснованием современного звучания произведения Н. А. Некрасова.
6. Подготовьте выразительное чтение одной из глав стихотворения.

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав своё имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд

Скачан с material100.tilda.ws

Осаждают убогие лица:
Прожектёры[1], искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка[2] худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!

Наш не любит оборванной черни[3]!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы[4],
Но швейцар не пустил, скудной лепты[5] не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадёжно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Ещё сном был глубоким объят...

---

[1] *Прожектёр* — составитель неосуществимых проектов (прожектов).

[2] *Армячи́шка* (*армя́к*) — верхняя долгополая одежда из грубой шерстяной ткани.

[3] *Чернь* — люди из непривилегированных классов, простонародье, толпа.

[4] *Пилигри́м* — странствующий богомолец; паломник.

[5] *Ле́пта* — посильное подаяние, скромный вклад.

Скачан с material100.tilda.ws

Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть ещё наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.
Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не даёт.
И к чему? Щелкопёров[1] забавою
Ты народное благо зовёшь;
Без него проживёшь ты со славою,
И со славой умрёшь!

Безмятежней аркадской идиллии[2]
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснёшь, окружён попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною[3],
И сойдёшь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый Отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

[1] *Щелкопёр* — бездарный, легкомысленный писатель, журналист, писака.
[2] *Аркáдская идúллия* — безмятежная, счастливая жизнь; ничем не омрачённое существование.
[3] *Трúзна* — погребальный обряд.

Скачан с material100.tilda.ws

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу?
Безопасней... Ещё веселей
В чём-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье[1]
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,

[1] *Провиде́нье* (*провиде́ние*) — в религиозных представлениях: высшая божественная сила, управляющая судьбами людей.

Скачан с material100.tilda.ws

Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Я. ПАНАЕВОЙ

Стихотворение «Размышления у парадного подъезда» было написано Некрасовым, когда он находился в хандре[1]. Он лежал тогда целый день на диване, почти ничего не ел и никого не принимал.

Накануне того дня, как было написано это стихотворение, я заметила Некрасову, что давно уже не было его стихотворений в «Современнике».

— У меня нет желания писать стихи для того, чтобы прочесть двум-трём лицам и спрятать их в ящик письменного стола... Да и такая пустота в голове: никакой мысли подходящей нет, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках лестницы парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятиям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде.

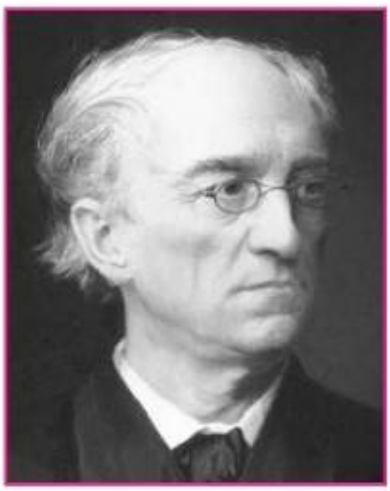
Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошёл к окну в тот момент, когда дворники дома и городовой гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошёл от окна и улёгся опять на диване. Часа через два он прочёл мне стихотворение «У парадного подъезда».

Размышляем о прочитанном

1. Против кого направлен гнев поэта? Какие чувства хочет разбудить в читателе Некрасов?
2. Как меняется интонация в стихотворении (от рассказа к негодованию, к ораторской, декламационной речи, а затем к жалобному стону и, наконец, к недоумённому вопросу)? Как эти изменения связаны со стилем?
3★. О сцене у парадного подъезда рассказала поэту А. Я. Панаева, его возлюбленная. Как вы думаете, только ли этот конкретный эпизод изображён поэтом? Подготовьте устный ответ, подкрепив его цитатами из текста.

[1] *Хандра́* — унылое, мрачное настроение.

Скачан с material100.tilda.ws



Ф. И. Тютчев.
Художник
С. Ф. Александровский.
1876. Фрагмент

Фёдор Иванович ТЮТЧЕВ

1803—1873

Лев Толстой как-то обронил: «Без него нельзя жить». Эта необычайно высокая оценка творчества прославленного классика русской и мировой литературы не единична. Тютчеву — глубочайшему русскому лирику-мыслителю — признавались в любви многие поколения читателей, а среди них мы встречаем и тех, кто сам был славой мировой культуры.

Тютчев был свидетелем потрясших планету социальных событий, глубоких духовных перемен в мире. Он сам писал об этой своей способности, расценивая её как данный ему дар свыше:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

«Бывают минуты, — говорил Тютчев о себе, — когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребённый, который вне запно приходит в себя».

Скачан с material100.tilda.ws

Неудивительно, что бурное время вошло в его поэзию и воплотилось в прекрасных стихотворениях, полных тревожными мыслями и настроениями.

Тютчева всегда волновало отношение человека к природе, их противостояние и возможность единства. Человек у Тютчева стремится жить в согласии с природой, стать её частью даже ценой собственной гибели. Вместе с тем ему жаль своего внутреннего духовного мира, который так же неисчерпаем, как и мир природы. В этих поисках единства человека с природой, с историей, с бытием, со всей вселенной бьётся мысль Тютчева, рисующего природу, историю и человека в непрерывном, постоянном движении, в противоборстве, в неизбежных переменах, в переходах в качественно новые состояния.

«Фонтан». Стихотворение было написано Тютчевым в 1836 году, в период расцвета философской лирики поэта, которого всегда волновали трудные вопросы бытия. В стихотворении поэт не только даёт необычайно выразительное изображение фонтана, но и уподобляет его «водомёту» человеческой мысли. Фонтан и мысль у Тютчева во многом сходны. Во-первых, фонтан похож на живое облако, во-вторых, весь окутан светом: он предстаёт «сияющим», «пылью огнецветной», он «пламенеет», его освещает солнце, он «лучом» поднимается «к небу». Но жизнь его скоротечна: коснувшись «высоты заветной», он «умирает». Так повелел ему архитектор.

Человеческая мысль тоже своеобразный водомёт, несущий свет, но иной — свет разума. Она, в отличие от струи фонтана, не дело ума и рук человеческих. Она подчиняется непостижимому закону, который повелевает ей быть неистощимой и взметаться ввысь, «жадно» рваться к небу. Но и ей положен предел, она тоже смертна: «длань незримо-роковая» свергает луч мысли с высоты. Тютчев бьётся над противоречием, заложенным в устройство бытия: почему человеческая мысль ограничена при неистощимой жажде познания и что скрывается за таким устройством бытия — добро, благо или зло? Загадка, которая вряд ли когда-нибудь будет разрешена...

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.

Скачан с material100.tilda.ws



Пристань, фонтан и мост в парке. Лист из альбома с видами усадьбы Марфино. 1840-е. *Неизвестный художник*

Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осуждён.

О смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятёт?

Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Скачан с material100.tilda.ws

Размышляем о прочитанном

1. Какими красками в стихотворении «нарисован» фонтан?
2. Как воплощено Тютчевым сравнение «луча» фонтана и «водомёта» человеческой мысли?
3. Какая лексика использована Тютчевым для передачи «закона», согласно которо - му мысль неистощима, но ограниченна?

* * *

Ещё земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мёртвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.
Ещё природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает, и целует,
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

<1836>

Размышляем о прочитанном

1. В этом одном из самых светлых и радостных стихотворений Тютчева о весеннем пробуждении и воскрешении природы скрывается загадка. В чём она состоит?
2. Какие эпитеты, метафоры и сравнения привлечены поэтом, чтобы создать образ наступающей весны в природе и весны в душе человека?

«Неохотно и несмело...» Тютчев часто изображал природу в её промежуточных состояниях — в переходе от весны к лету, от лета к осени, от осени к зиме, от зимы к весне или от ночи к утру, от дня к вечеру и от вечера к ночи. В такие минуты ему острее и яснее открывались тай-

Скачан с material100.tilda.ws

ны природы. В стихотворении «Неохотно и несмело...» робкое солнце освещает и греет поля. Но вот приходит весенняя гроза, и наступление весны, её победа над зимой становятся ощутимее и очевиднее. Очистительная гроза сметает оставшуюся после зимы пыль с полей, промывает всё вокруг, и природа предстаёт обновлённой, прекрасной и сама в смущении удивляется этому чудному преображению. Теперь уже никак нельзя сомневаться, что весна пришла и начала своё победное шествие по воскресшей от зимней спячки земле.

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Размышляем о прочитанном

1. Какие картины природы видятся вам при чтении стихотворения? Какое настроение передаёт вам поэт?
2. Найдите эпитеты, сравнения, которые помогают автору нарисовать картину наступающей грозы и всепобеждающего солнца.

Скачан с material100.tilda.ws

3. Какой приём используется поэтом в поэтических выражениях: «солнце смотрит на поля», «принахмурилась земля», «Солнце раз ещё взглянуло исподлобья на поля, и в сиянье потонула вся смятенная земля»? Что с помощью этого приёма достигается?
4. Использован ли в стихотворении приём звукописи? Если использован, то с какой целью?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Неохотно и несмело...»

1. Как актёр передаёт нарастание стремительности грозы? Какие выразительные средства художественного чтения помогают в этом?
2. В первой и последней строфах описывается освещённая солнцем земля. В чём различие этих картин? Как это различие передаёт актёр?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, постарайтесь передать смену переживаний лирического героя.

Стихотворение **«Умом Россию не понять...»** Ф. И. Тютчев написал 28 ноября 1866 года, а опубликовано оно было через два года — в 1868 году.

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Размышляем о прочитанном

1. Это одно из самых известных стихотворений Тютчева и одно из самых трудных для понимания. Почему Тютчев считает, что «Умом Россию не понять»? Почему уму противополагается вера? Разве «вера» является антонимом «ума»?
2. Что это за «общий аршин», которым нельзя «измерить» Россию? Как вы понимаете слова «У ней особенная стать — / В Россию можно только верить»?

Скачан с material100.tilda.ws



А. А. Фет.
Художник
И. Е. Репин. 1882.
Фрагмент

Афанасий Афанасьевич ФЕТ

1820—1892

В седьмом классе мы продолжаем разговор о поэзии Афанасия Афанасьевича Фета, начатый год назад. Вы уже знакомы с биографией замечательного лирика, читали и обсуждали некоторые его стихотворения. В этом году мы предлагаем вам прочитать и прочувствовать ещё два стихотворения, очень важные для понимания фетовской поэзии.

Одним из самых известных произведений А. А. Фета стало стихотворение «Шёпот, робкое дыханье...». Почему? На этот вопрос отвечает литературовед Е. А. Маймин: «Всё в этом лирическом произведении для современников Фета было внове, и всё бросалось в глаза своей неожиданностью. Стихотворение построено на одних назывных предложениях. Ни одного глагола. Только предметы и явления, которые называются одно за другим: *шёпот — робкое дыханье — трели соловья*...

Но при всём том предметным и вещественным стихотворение не назовёшь. Это и есть, может быть, самое удивительное и неожиданное. Предметы у Фета не предметны. Они существуют не сами по себе, а как знаки чувств и состояний. Они чуть светятся, мерцают. Главный смысл стихотворения — между словами, за словами. За словами и основная тема стихотворения: чувство любви. Чувство тончайшее, словами не выразимое, невыразимо сильное. Так о любви до Фета ещё никто не писал... Последние слова стихотворения: *И заря, заря...* — звучат не в ряду других, а выделенно. Заря — это не очередное явление, а сильная метафора, сильная концовка... Заря — высшее выражение чувства, свет любви».

Словом, звуком, намёком, передачей эмоционального состояния поэт сумел выразить невыразимое для языка человека, лишённого поэтическо

Скачан с material100.tilda.ws

го дара, поэтического вдохновения. Об этом стихотворение «Как беден наш язык...».

* * *

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

Размышляем о прочитанном

1. Какое время суток описывает поэт?
2. Есть ли последовательность в передаче пейзажа и любовного свидания?
3. Как нарастают чувства восторга поэта и наслаждения природой?
4. Почему для выражения высоких чувств поэт не нуждается в глаголах?
5. Какие выражения передают счастье поэта?

* * *

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

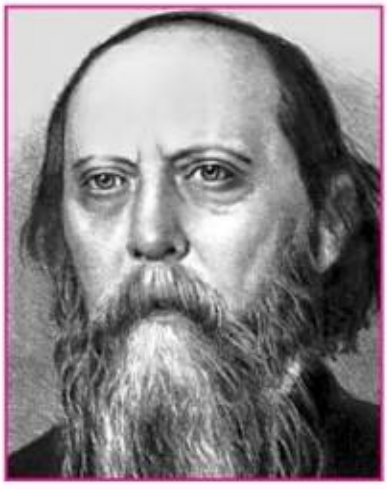
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орёл,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Скачан с material100.tilda.ws

Размышляем о прочитанном

1. Кто более способен, по мнению поэта, выразить свои мысли и чувства — «мудрец» или «поэт»?
2★. Почему для «мудреца» «наш язык» «беден», и он не может точно передать в слове чувства и мысли, которыми наполнен? Почему он называет выраженные «бедным языком» мысли и чувства «ложью роковою»?
3. Почему автор отдаёт предпочтение «поэту» перед «мудрецом»? Почему поэт может выразить «И тёмный бред души и трав неясный запах»?
4. Какой «язык» присущ «мудрецу» и какой — «поэту»?
5. Что означают слова «крылатый слова звук», «Так, для безбрежного покинув скудный дол, летит за облака Юпитера орёл...» и почему в стихотворении упоминаются Юпитер и его орёл?
6. Почему «мудрец» не может преодолеть трудности выражения чувств и мыслей, а «поэт» преодолевает эти трудности мгновенно и легко?

Скачан с material100.tilda.ws



М. Е. Салтыков-Щедрин. *Художник И. Н. Крамской. 1879. Фрагмент*

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя.

Н. Г. Чернышевский

У Щедрина великолепный, чисто народный, меткий слог...

Л. Н. Толстой

В Тверской губернии, среди болот и лесов, раскинулось родовое поместье Салтыковых — село Спас-Угол. Здесь в 1826 году родился Михаил Евграфович — будущий великий писатель Н. Щедрин (такой псевдоним взял себе М. Е. Салтыков).

Его отец, Евграф Васильевич, принадлежал к старинному дворянскому роду. Однако материальное положение семьи было далеко не блестящим. Евграф Васильевич женился на Ольге Михайловне Забелиной, дочери московского купца. Она отличалась прямым и властным характером, практичностью, неуёмной энергией — качествами, которыми совсем не был наделён её муж. Бережливость, даже скопидомство безраздельно воцарились в доме Салтыковых.

«Я вырос на лоне крепостного права...» — вспоминал писатель впоследствии. Все ужасы крепостной действительности в самом неприглядном и обнажённом виде прошли перед глазами наблюдательного и впечатлительного мальчика. Он рано познакомился с жизнью и бытом деревни, со стремлениями и надеждами крестьян. «Не только всякого дворового я знал в лицо, но и всякого мужика. Я любил говорить, расспрашивать. Крепостное право, тяжёлое и грубое в своих формах, сближало меня с подневольною массой».

Учёба началась очень рано. Первые познания во французском языке он приобрёл ещё в четырёхлетнем возрасте, несколько позднее стал заниматься немецким языком. С русской грамотой познакомил его крепостной живописец Павел, затем учила старшая сестра Надежда. В возрасте 7—8 лет пристрастился к чтению, которое стало неиссякаемым источником его быстро растущих знаний.

Скачан с material100.tilda.ws

Затем Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института — бывшего университетского Благородного пансиона, из стен которого вышли В. Жуковский, А. Грибоедов, М. Лермонтов. В числе лучших учеников Салтыкова вскоре направили в Царскосельский лицей, где всё было проникнуто памятью об А. Пушкине. В лицее началась его литературная деятельность.

После выхода из лицея, весной 1845 года, начинается его служба в канцелярии Военного министерства, обострившая в нём чувство справедливости, мечту о социальном равенстве. Появляются первые повести — «Противоречия», «Запутанное дело».

В повести «Запутанное дело» власти усмотрели «вредное направление», и писатель был сослан в Вятку, где пробыл долгих восемь лет.

Вятская ссылка дала Салтыкову ясное представление о жизни широких слоёв простого народа. В своих последующих произведениях — повестях, сказках — Салтыков-Щедрин остаётся верным обездоленному народу.

Сказки Щедрина — произведения иносказательные[1]. Сам писатель свою манеру писать называл «эзоповым языком», по имени древнего баснописца Эзопа.

В 1889 году Салтыков-Щедрин умер. «В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне...» — писали тифлисские рабочие в год его смерти.

По В. Н. Баскакову, С. А. Макашину

?! Проверьте себя

1. Как впечатления детства писателя отразились в его произведениях?
2. Почему Салтыков стал Щедриным? Об этом есть целый ряд версий [2]. Одну из них изложил сын писателя К. М. Салтыков: «...Мало кому известно, отчего отец избрал себе псевдонимом фамилию „Щедрин“.

   Дело обстояло так. Ему, когда он состоял ещё на государственной службе, намекнули на то, что неудобно подписывать труды своей фамилией... Моя мать и предложила ему избрать псевдонимом что-либо подходящее к слову „щедрый“, т. к. он в своих писаниях был чрезвычайно щедр на всякого рода сарказмы [3]».

   Есть и другие объяснения. Этот псевдоним связывают со словом «щедрина» (след от оспы). Как бы вы объяснили смысл псевдонима писателя?

---

[1] *Иносказа́ние* — выражение мысли путём намёков; выражение, содержащее скрытый смысл.
[2] *Ве́рсия* — рассказ, вариант толкований, объяснений.
[3] *Сарка́зм* — язвительная насмешка, ирония, едко-насмешливое замечание.

Скачан с material100.tilda.ws

* * *

Никого не удивит имя известного писателя на книге, озаглавленной «Сказки для детей изрядного возраста». Народная сказка вдохновляла многих... Пушкин и Лермонтов, Перро и Андерсен сочиняли свои сказки, в которых мы чувствуем и отпечаток личности писателя, и тот родник народной фантазии, из которого он черпал свои мотивы.

Сказки Щедрина иносказательны, автор хочет, чтобы читатель это понимал.

Прочитайте сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Попробуйте определить, в чём своеобразие сказок писателя.

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре, там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое? где мы? — воскликнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Скачан с material100.tilda.ws

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось всё то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что́ же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слёзы, — ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдёмся; может быть, что-нибудь и найдём.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в школе военных кантонистов[1] учителем каллиграфии[2] и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошёл один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришёл генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашёл генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает топнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

---

[1] *Шко́ла вое́нных канто́нистов* — низшая военная школа для солдатских детей.

[2] *Каллигра́фия* — искусство красивого и чёткого письма.

Скачан с material100.tilda.ws

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашёл старый нумер «Московских ведомостей»[1] и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натощак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днём плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растёт? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, я и до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала её изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как всё это сделать?

— Ка́к всё это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон.

Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пи́кулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

---

[1] *«Московские ве́домости»* — московская газета. М. Е. Салтыков-Щедрин издевается над её бессодержательностью и казённой восторженностью.

Скачан с material100.tilda.ws

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Странный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаёте, идёте в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, ещё производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чём ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это ещё более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву[1] на этом волшебном празднике. Тут была и „шекснинска стерлядь золотая“[2], и питомец лесов кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тьфу ты, господи! да неужто ж ваше превосходительство не может найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочёл следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем бо

---

[1] *Рандеву́* — свидание *(фр.)*.

[2] *«Шексни́нска сте́рлядь золота́я»* — цитата из стихотворения Державина «Приглашение к обеду».

Скачан с material100.tilda.ws

лее что в осетре был опознан частный пристав[1] Б.), был в здешнем клубе фестиваль[2]. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочёл:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрёл следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Всё, на что бы они ни обратили взоры, — всё свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрёпанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навёл их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

---

[1] *Ча́стный при́став* — начальник полицейского участка в городе.

[2] *Фестива́ль* — здесь: пиршество.

Скачан с material100.tilda.ws

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведёшь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелину; потом взял два куска дерева, потёр их друг об дружку — и извлёк огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развёл огонь и напёк столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадёшь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твоё усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только свей прежде верёвочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру верёвка была готова. Этою верёвкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убёг.

Прошёл день, прошёл другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы весёлые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всём готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение[1], или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

---

[1] *Вавило́нское столпотворе́ние* — по библейской легенде, жители Древнего Вавилона пытались построить столб (башню) высотой до неба; в наказание за дерзкую попытку Бог «смешал» их языки, и строители перестали понимать друг друга.

Скачан с material100.tilda.ws



«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». *Художник Н. Е. Муратов*

— И потоп был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

* * *

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивает один генерал другого.

Скачан с material100.tilda.ws

— И не говорите, ваше превосходительство! всё сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а всё, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Ещё как жалко-то! Особливо, как четвёртого класса, так на одно шитьё посмотреть, голова закружится![1]

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на верёвке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушалися! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов селёдками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да весёлые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

---

[1] Чины делились на четырнадцать классов. Высшим был первый класс. Чин четвёртого класса в гражданской службе — действительный статский советник. Мундиры чиновников первых четырёх классов были украшены золотым шитьём.

Скачан с material100.tilda.ws

Размышляем о прочитанном

1. Какие чувства пробуждает у читателя сказка? Почему?
2. Чем интересны диалоги генералов и как они их характеризуют? Как меняется отношение генералов к мужику?
3. Чем отличается щедринский смех, направленный против генералов и мужика? Как автор относится к героям?
4. Художественные особенности каких народных сказок (волшебных, бытовых) чаще использует в своей сказке Салтыков-Щедрин (приведите примеры)?
5. Какую роль в создании комических ситуаций играют гиперболы, гротеск? Приведите примеры использования названных художественных приёмов в сказке.

Литература и изобразительное искусство

Как писатель и художники-иллюстраторы, каждый своими средствами, высмеивают беспомощность и никчёмность генералов? Прочитайте приведённое ниже высказывание Салтыкова-Щедрина. Согласны ли вы с писателем?

«...Всякий честный человек, читая мои писания, непременно отождествляет мои чувства и мысли со своими. Это он так чувствует и мыслит, а мне только удалось сойтись с ним сердцами...»

Учимся читать выразительно

Подготовьте инсценированное чтение сказки, передав особый стиль произведения и выразив свои чувства по отношению к героям.

Обогащаем свою речь

1. Какие слова «Повести...» напоминают народные сказки и в то же время как переосмысляются в ней? Например, где стоят и что значат в тексте слова «мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало»?

   Подберите синонимы к словам *служили, примите уверение, упразднили.* Подумайте, с какой целью эти слова используются писателем, что достигается благодаря введению их в текст сказки.
2. Найдите в тексте слова «тунеядец», «тунеядство» и подумайте, какое значение имеют они в каждом случае. Что подчёркивается автором с помощью этих слов?

Скачан с material100.tilda.ws

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»

1. Генералы по характеру службы и образу жизни так похожи, что отличить их друг от друга, казалось бы, невозможно, но актёр старается придать каждому из них хоть какую-нибудь индивидуальность. Как это удаётся сделать актёру? Как вы думаете, зачем это было необходимо сделать актёру, читающему текст сказки слушателям?
2. Какими средствами выразительного чтения актёр передаёт состояние генералов во время громкой читки «Московских ведомостей»?
3. Как преображается речь генералов, её тон, эмоциональная окрашенность, когда они, найдя мужика, начинают его отчитывать?
4. Сопоставьте «философские» разговоры голодных генералов с их рассуждениями после того, как мужик их накормил. Как актёр передаёт разницу в состоянии генералов во время голодного бедствования и в период сытого благополучия?
5. Какие глубинные мысли и чувства скрыты в, казалось бы, бесстрастном произнесении актёром слов: «Сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов селёдками»?
6. Подготовьте выразительное чтение сказки, постарайтесь при этом передать иронию автора, помня, что ирония — это скрытая насмешка.

Читаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно ещё одну сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Дикий помещик». Подумайте, к каким сказкам можно её отнести — юмористическим или сатирическим. Объясните название сказки и скажите, встречаются ли в ней такие литературные приёмы, как гипербола или гротеск. Если да, то с какой целью вводит их автор? Приведите пример. Против каких пороков тогдашнего общества направлена сказка «Дикий помещик»?

Подготовьте художественный пересказ сказки или выразительное чтение текста, подчеркнув иронию автора.

Дикий помещик

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил, на свет глядючи, радовался. Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

Скачан с material100.tilda.ws

Только и взмолился однажды Богу этот помещик:

— Господи! всем я от тебя доволен, всем награждён! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!

Но Бог знал, что помещик тот глупый, и прошению его не внял.

Видит помещик, что мужика с каждым днём не убывает, а всё прибывает, — видит и опасается: а ну, как он у меня всё добро приест? Заглянет помещик в газету «Весть», как в сём случае поступать должно, и прочитает: старайся!

— Одно только слово написано, — молвит глупый помещик, — а золотое это слово!

И начал он стараться, и не то чтоб как-нибудь, а всё по правилу.

Курица ли крестьянская в господские овсы забредёт — сейчас её, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить по секрету в господском лесу соберётся — сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу, штраф.

— Больше я нынче этими штрафами на них действую! — говорит помещик соседям своим. — Потому что для них это понятнее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сократил он их так, что некуда носа высунуть; куда ни глянут — всё нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдет — помещик кричит: моя вода! Курица за околицу выбредет — помещик кричит: моя земля! И земля, и вода, и воздух — всё его стало! Лучины не стало мужику в светец зажечь, прута не стало, чем избу вымести. Вот и взмолились крестьяне всем миром к Господу Богу:

— Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!

Услышал милостивый Бог слёзную молитву сиротскую, и не стало мужика на всём пространстве владений глупого помещика. Куда девался мужик — никто того не заметил, а только видели люди, как вдруг поднялся мякинный вихрь и, словно туча чёрная, пронеслись в воздухе посконные мужицкие портки. Вышел помещик на балкон, потянул носом и чует: чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался. Натурально, остался доволен. Думает: теперь-то я понежу своё тело белое, рыхлое, рассыпчатое!

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думает, театр у себя! напишу к актёру Садовскому: приезжай, мол, любезный друг! и актёрок с собой привози!»

Скачан с material100.tilda.ws

Послушался его актёр Садовский; сам приехал и актёрок привёз. Только видит, что в доме у помещика пусто и ставить театр и занавес поднимать некому.

— Куда же ты крестьян своих девал? — спрашивает Садовский у помещика.

— А вот Бог, по молитве моей, все мои владения от мужика очистил!

— Однако, брат, глупый ты помещик! Кто же тебе, глупому, умываться подаёт?

— Да я уж и то сколько дней немытый хожу!

— Стало быть, шампиньоны на лице растить собрался? — сказал Садовский и с этим словом и сам уехал, и актёрок увёз.

Вспомнил помещик, что есть у него поблизости четыре генерала знакомых, думает: «Что это я всё гран-пасьянс[1] да гран-пасьянс раскладываю! Попробую-ка я с генералами впятером пульку[2]-другую сыграть!»

Сказано — сделано; написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были хоть и настоящие, но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали — и не могут надивиться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

— А оттого это, — хвастается помещик, — что Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика очистил!

— Ах, как это хорошо! — хвалят помещика генералы. — Стало быть, теперь у вас этого холопьего запаху нисколько не будет?

— Нисколько, — отвечает помещик.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуют генералы, что пришёл их час водку пить, приходят в беспокойство, озираются.

— Должно быть, вам, господа генералы, закусить захотелось? — спрашивает помещик.

— Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошёл к шкафу и вынимает оттуда по леденцу да по печатному пряннику на каждого человека.

— Что ж это такое? — спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

— А вот, закусите чем Бог послал!

— Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

---

[1] *Гран-пасья́нс* — особая раскладка игральных карт по определённым правилам для развлечения или гадания.

[2] *Пу́лька* — картёжная игра (преферанс).

Скачан с material100.tilda.ws

— Ну, говядинки у меня про вас нет, господа генералы, потому что с тех пор, как меня Бог от мужика избавил, и печка на кухне стоит нетоплена!

Рассердились на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

— Да ведь жрёшь же ты что-нибудь сам-то? — накинулись они на него.

— Сырьём кой-каким питаюсь, да вот пряники ещё покуда есть...

— Однако, брат, глупый же ты помещик! — сказали генералы и, не докончив пульки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что его уж в другой раз дураком чествуют, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попалась колода карт, то махнул на всё рукою и начал раскладывать гран-пасьянс.

— Посмотрим, — говорит, — господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать истинная твёрдость души!

Раскладывает он «дамский каприз» и думает: ежели сряду три раза выйдет, стало быть, надо не взирать. И, как назло, сколько раз ни разложит, всё у него выходит, всё выходит! Не осталось в нём даже сомнения никакого.

— Уже если, — говорит, — сама фортуна указывает, стало быть, надо оставаться твёрдым до конца. А теперь покуда довольно гран-пасьянс раскладывать, пойду позаймусь!

И вот ходит он, ходит по комнатам, потом сядет и посидит. И всё думает. Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб всё па́ром да па́ром, а холопского духу чтоб нисколько не было. Думает, какой он плодовитый сад разведёт: вот тут будут груши, сливы; вот тут — персики, тут — грецкий орех! Посмотрит в окошко — ан там всё, как он задумал, всё точно так уж и есть! Ломятся, по щучьему велению, под грузом плодов деревья грушовые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладёт! Думает, каких он коров разведёт, что ни кожи, ни мяса, а всё одно молоко, всё молоко! Думает, какой он клубники насадит, всё двойной да тройной, по пяти ягод на фунт, и сколько он этой клубники в Москве продаст. Наконец устанет думать, пойдёт к зеркалу посмотреться — ан там уж пыли на вершок насело...

— Сенька! — крикнет он вдруг, забывшись, но потом спохватится и скажет:

— Ну, пускай себе до поры до времени так постоит! а уж докажу же я этим либералам, что может сделать твёрдость души!

Скачан с material.00.tilda.ws

Промаячит таким манером, покуда стемнеет, — и спать!

А во сне сны ещё веселее, нежели наяву, снятся. Снится ему, что сам губернатор о такой его помещичьей непреклонности узнал и спрашивает у исправника: «Какой такой твёрдый курицын сын у вас в уезде завёлся?» Потом снится, что его за эту самую непреклонность министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры: быть твёрдым и не взирать!..

— Ева, мой друг! — говорит он.

Но вот и сны все пересмотрел: надо вставать.

— Сенька! — опять кричит он, забывшись, но вдруг вспомнит... и поникнет головою.

— Чем бы, однако, заняться? — спрашивает он себя. — Хоть бы лешего какого-нибудь нелёгкая занесла!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан-исправник. Обрадовался ему глупый помещик несказанно; побежал в шкап, вынул два печатных пряника и думает: ну, этот, кажется, останется доволен!

— Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные[1] вдруг исчезли? — спрашивает исправник.

— А вот так и так, Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил.

— Так-с; а не известно ли вам, господин помещик, кто подати за них платить будет?

— Подати?.. это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность!

— Так-с; а каким манером эту подать с них взыскать можно, коли они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

— Уж это... не знаю... я, с своей стороны, платить не согласен!

— А известно ли вам, господин помещик, что казначейство без податей и повинностей, а тем паче без винной и соляной регалий существовать не может?

— Я что ж... я готов! рюмку водки... я заплачу!

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куска мяса, ни фунта хлеба купить нельзя! знаете ли вы, чем это пахнет?

— Помилуйте! я, с своей стороны, готов пожертвовать! вот целых два пряника!

---

[1] *Временнообя́занные* — после реформы 1861 года крестьян освобождали от крепостной зависимости, но они были обязаны работать на помещика за право пользования землёй.

Скачан с material100.tilda.ws

— Глупый же вы, господин помещик! — молвил исправник, повернулся и уехал, не взглянув даже на печатные пряники.

Задумался на этот раз помещик не на шутку. Вот уж третий человек его дураком чествует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдёт.

Неужто он в самом деле дурак? Неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? И неужто вследствие одной его непреклонности остановились и подати и регалии и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни куска мяса?

И как был он помещик глупый, то сначала даже фыркнул от удовольствия при мысли, какую он штуку сыграл, но потом вспомнил слова исправника: «А знаете ли, чем это пахнет?» — и струсил не на шутку.

Стал он, по обыкновению, ходить взад да вперёд по комнатам и всё думает: «Чем же это пахнет? Уж не пахнет ли водворением каким? например, Чебоксарами? или, может быть, Варнавиным?»

— Хоть бы в Чебоксары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значит твёрдость души! — говорит помещик, а сам по секрету от себя уж думает: «В Чебоксарах-то я, может быть, мужика бы моего милого увидал!»

Походит помещик, и посидит, и опять походит. К чему ни подойдёт, всё, кажется, так и говорит: а глупый ты, господин помещик! Видит он, бежит через комнату мышонок и крадётся к картам, которыми он гран-пасьянс делал и достаточно уже замаслил, чтоб возбудить ими мышиный аппетит.

— Кшш... — бросился он на мышонка.

Но мышонок был умный и понимал, что помещик без Сеньки никакого вреда ему сделать не может. Он только хвостом вильнул в ответ на грозное восклицание помещика и через мгновение уже выглядывал на него из-под дивана, как будто говоря: погоди, глупый помещик! то ли ещё будет! я не только карты, а и халат твой съем, как ты его позамаслишь как следует!

Много ли, мало ли времени прошло, только видит помещик, что в саду у него дорожки репейником поросли, в кустах змеи да гады всякие кишмя кишат, а в парке звери дикие воют. Однажды к самой усадьбе подошёл медведь, сел на корточках, поглядывает в окошки на помещика и облизывается.

— Сенька! — вскрикнул помещик, но вдруг спохватился... и заплакал.

Скачан с material100.tilda.ws

Однако твёрдость души всё ещё не покидала его. Несколько раз он ослабевал, но как только почувствует, что сердце у него начнёт растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять.

— Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин князь Урус-Кучум-Кильдибаев от принципов отступил!

И вот он одичал. Хоть в это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав[1], а ногти у него сделались как железные. Сморкаться уж он давно перестал, ходил всё же больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рявканьем. Но хвоста ещё не приобрёл.

Выйдет он в свой парк, в котором он когда-то нежил своё тело рыхлое, белое, рассыпчатое, как кошка, в один миг взлезет на самую вершину дерева и стережёт оттуда.

Прибежит заяц, встанет на задние лапки и прислушается, нет ли откуда опасности, — а он уж тут как тут. Словно стрела соскочит с дерева, вцепится в свою добычу, разорвёт её ногтями да так со всеми внутренностями, даже со шкурой, и съест.

И сделался он силён ужасно, до того силён, что даже счёл себя вправе войти в дружеские отношения с тем самым медведем, который некогда посматривал на него в окошко.

— Хочешь, Михайло Иваныч, походы вместе на зайцев будем делать? — сказал он медведю.

— Хотеть — отчего не хотеть! — отвечал медведь. — Только, брат, ты напрасно мужика этого уничтожил.

— А почему так?

— А потому, что мужика этого есть не в пример способнее было, нежели вашего брата дворянина. И потому скажу тебе прямо: глупый ты помещик, хоть мне и друг!

Между тем капитан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но ввиду такого факта, как исчезновение с лица земли мужика, смолчать не посмел. Встревожилось его донесением и губернское начальство, пишет к нему: а как вы думаете, кто теперь пода-

[1] *Древний Исáв* — согласно Библии, один из родоначальников еврейского народа.

Скачан с material100.tilda.ws

ти будет вносить?.. Кто будет невинными занятиями заниматься? Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а невинные-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На днях-де и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каковом человеко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик.

Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который всей смуте зачинщик, наиделикатнейше внушить, дабы он фанфаронства свои прекратил.

Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появилась и мука, и мясо, и живность всякая, а по датей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую груду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

— И откуда вы, шельмы, берёте?!

— Что же сделалось, однако, с помещиком? — спросят меня читатели.

На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили. Изловивши, сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затем капитан-исправник сделал ему надлежащее внушение, отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал.

Он жив и доныне.

Раскладывает гран-пасьянс, тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит.

Размышляем о прочитанном

1. Вы впервые читали сказки Салтыкова-Щедрина. До этого вам были известны народные сказки различных стран мира, авторские (Пушкина, Андерсена и др.). Назовите их. Кто их герои? Чем отличаются сказки Щедрина? Как назвал писатель возраст, для которого они предназначены? Как это понимать? Сумели ли вы разобраться в деталях прочитанного? Против чего и против кого эти сказки направлены, какие человеческие пороки высмеивают?
2. Встречается ли в тексте гипербола, гротеск? Какова их роль? Что в сказке фантастического и вполне реального?
3. Какие жанры народного творчества использовал Щедрин? Какие приметы фольклора встречаются в сказках писателя?

Скачан с material100.tilda.ws

Найдите в тексте сказок выражения, которые сближают щедринские сказки с народными и в то же время имеют совершенно особый смысл, несут с собой определённый подтекст.

В чём же сходство и в чём своеобразие, присущее сатире Щедрина?

Какие средства помогают Щедрину вызвать смех сквозь слёзы? Почему хочется смеяться, читая щедринские сказки, и одновременно думать о том, как грустна Россия?

4. Литературоведение утверждает, что сказки Щедрина обращены в настоящее, в них рядом фантастическое и приметы обычного «несказочного времени». Согласны ли вы с таким утверждением и каким примером могли бы подтвердить эту мысль?



Совершенствуем свою речь

Подготовьте художественный пересказ щедринской сказки или выразительное чтение текста, подчеркнув иронию автора.

НУЖЕН ЛИ НАМ ЩЕДРИН СЕГОДНЯ?

Известны многие писатели-сатирики, например, в Англии — Дж. Свифт, во Франции — Ж.-Б. Мольер, в России — Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин. «Щедрин, — по справедливому замечанию Горького, — шёл в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от неё, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал над всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно правдивое, более глубокое и могучее». «С кем боролся сатирик оружием смеха? Почему так боялись Щедрина власть имущие и так любили прогрессивные, демократически настроенные читатели? Каковы те свойства его личности... его творчества, благодаря которым он стал одним из величайших сатириков мира?» — задаёт нам вопросы литературовед Д. Николаев и размышляет: «Щедрин говорил, что он готов умереть на месте битвы. Его слова звучат как клятва, как завещание... Ничто не могло сломить его волю, его творческий дух... Поэтому и мешал он власть имущим. Поэтому и продолжали его травить. Поэтому и предпринимали разного рода действия, чтобы заставить его замолчать (арестовывали сотрудников журнала, вырезали из готовых книжек журнала по требованию цензуры сказки Щедрина)».

Исследователи подчёркивают, что Щедрин ненавидел самодовольных и равнодушных, он хорошо знал их психологию и мужественно боролся с ними. «Страшны... насилие и грубость, — скажет он, — страшно са-

Скачан с material100.tilda.ws

модовольное ничтожество, которое ни о чём не хочет слышать, ничего не хочет знать, кроме самого себя. Иногда это ничтожество взбирается на высоту... Тогда действительно становится страшно за всё живущее и мыслящее». Пробудить в своих современниках мужество, гражданское достоинство — вот цель сатирика Щедрина. Сам писатель тревожился: «Не напрасно ли трудился я в течение сорока лет? Поймут ли её (сатиру) как следует? Принесёт ли она какую-нибудь пользу?»

Размышляем о прочитанном

Подумаем и мы с вами над вопросами, которые мучили писателя: приносят ли пользу его произведения? Не напрасно ли он трудился? Нужен ли нам Салтыков-Щедрин сегодня?

Творческое задание

Нужна ли сатира обществу и каждому человеку? Чем страшно «самодовольное ничтожество»? В чём заключается общественная роль писателя-сатирика? Напишите сочинение-рассуждение на одну из этих тем.

Литература и другие виды искусства

1★. Рассмотрите иллюстрации. Так ли вы представляли себе эпизоды и героев, о которых рассказал Щедрин? На что обращают внимание читателей художники-иллюстраторы? Каковы (по вашим наблюдениям) приёмы создания комического, смешного в книжной графике?

2. Найдите в ресурсах Интернета (http://gotourl.ru/12161) другие иллюстрации к сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина. Подготовьте устный отзыв о них.

Скачан с material100.tilda.ws

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ



А. К. Толстой.
Художник И. Е. Репин. 1879. Фрагмент

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

1817—1875

Из троих Толстых, которых выдвинула русская литература, имя самого старшего из них — Алексея Константиновича Толстого — для широкого читателя остаётся наименее известным. И это при том, что, например, его знаменитая драма «Царь Фёдор Иоаннович» около ста лет не сходит со сцены, на слова едва ли не половины его стихотворений написана музыка крупнейших композиторов (Чайковского, Мусоргского, Рахманинова).

Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге, его мать была внучкой знаменитого казачьего гетмана Кирилла Разумовского, отец, граф Константин Петрович, принадлежал к знаменитому роду Толстых. Ещё в детстве его поражали стихотворения знаменитых поэтов. По его словам, он «с шестилетнего возраста стал марать бумагу и писать стихи». Художественное развитие его шло под руководством дяди, А. А. Перовского, псевдоним которого — Антоний Погорельский (им опубликованы «Лафертовская маковница», «Чёрная курица, или Подземные жители» и другие произведения).

В 1827 году Толстой вместе с матерью впервые побывал в Германии, посетил Веймар, познакомился с Гёте. В 1831 году дядя везёт племянника в Италию.

Скачан с material100.tilda.ws

Позднее А. К. Толстой напишет: «В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов». Он свободно владел несколькими языками, работал в главном Московском архиве, в департаменте хозяйственных и счётных дел.

Началом литературной деятельности можно считать опубликованную в 1841 году в Петербурге повесть «Упырь», стихотворений своих он не печатал до 1854 года. Позднее появились знаменитые стихи «Колокольчики мои...», «Средь шумного бала...», исторические баллады «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», началась работа над романом «Князь Серебряный». Перовский показывал стихи своего племянника Пушкину, Жуковскому. Современники одобряли литературные опыты молодого поэта.

Интерес Толстого к исторической эпохе Ивана Грозного, отражённой им в балладах, не случаен. Он считал, что она, эта эпоха, глубже всего отразила все отрицательные последствия, которыми сопровождался процесс централизации государственной власти на Руси.

В балладе «Василий Шибанов» деспотическое начало воплощено в образе Ивана Грозного. Грозный сокрушил последние остатки аристократической оппозиции.

Толстой был прирождённым пейзажистом. Талант его виден во всех стихах. В лирике 50-х годов искусство Толстого-пейзажиста достигло высочайшего уровня.

Последние годы жизни Толстой проводит в своём имении в селе Красный Рог. Лучшие его произведения этой поры — исторические баллады и поэмы. 28 сентября 1875 года поэт умер.

Известно, что каждая эпоха «прочитывает» литературное произведение по-своему. А. К. Толстой уже прошёл через несколько таких эпох.

При жизни он был одним из самых «спорных» писателей. Хвалили за мастерство, упрекали за скудность содержания, яростно спорили с ним по какому-нибудь актуальному общественно-политическому вопросу. После его смерти полтора десятилетия о нём почти не вспоминали. Потом пришло признание, широкое, устойчивое, прочное...

По Л. Емельянову

Размышляем о прочитанном

Прочитайте два произведения А. К. Толстого. Подумайте, к какому жанру их можно отнести. Обоснуйте свой ответ.

Скачан с material100.tilda.ws

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь, конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свого отдаёт воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздаёт:
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорблённой зазнобы[1]:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То всё я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролёт,
Перо его местию дышит,
Прочтёт, улыбнётся, и снова прочтёт,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмётся?

[1] *Зазно́бы* — здесь: печали, огорчения.

Скачан с material100.tilda.ws

Кому не люба на плечах голова,
Чьё сердце в груди не сожмётся?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

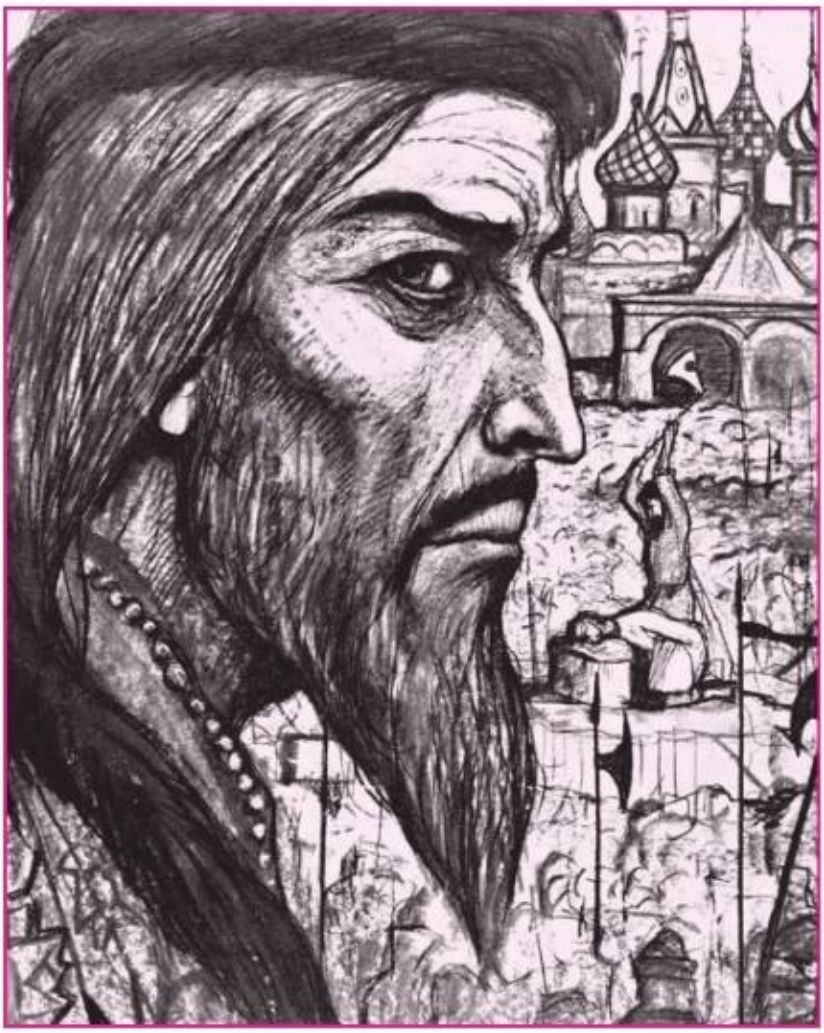
И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твоё серебро,
А я передам и за муки
Письмо твоё в царские руки».

Звон медный несётся, гудит над Москвой:
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовёт ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьёт,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични[1] кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов[2].

[1] *Опри́чна* (*опри́чнина* — от слова «опричь» — кроме; отсюда их название «кромешники», «кромешная тьма») — введённая Иваном Грозным система сыска и наказания; особое войско телохранителей и карателей, которое обладало неограниченной властью в борьбе с изменой, что привело к массовым казням ни в чём не повинных людей.

[2] А. И. Вяземский, В. Г. Грязной, Г. Л. Малюта (Скуратов-Бельский), А. Д. Басманов — наиболее известные опричники, фамилии которых сохранились в документах и преданиях того времени.

Скачан с material100.tilda.ws



Иван Грозный. *Художник И. С. Глазунов*

Царь кончил; на жезл опираясь, идёт,
И с ним всех окольных[1] собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!

[1] *Окóльные* — приближённые.

Скачан с material100.tilda.ws

Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налёг на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, бредь тяжкой войны,
Без счёта твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь[1] прельщённый?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием[2] нам предречённый,
И аз, иже[3] кровь в непрестанных боях
За тя, аки[4] воду, лиях[5] и лиях,
С тобой пред судьёю[6] предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзённой ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пёс недостойный и смрадный!

---

[1] *Е́ресь* — отступление от принятой веры; раскол или отщепенство, отступничество.
[2] *Писа́ние* — Священное Писание.
[3] *Аз, иже...* — я, который...
[4] *За тя, а́ки* — за тебя, как...
[5] *Лия́х* — лил (кровь).
[6] *Судья́* — здесь: Бог.

Скачан с material.100.tilda.ws

Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
«Царь, слово его всё едино:
Он славит свого господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера[1],
Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он славит свого господина:

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово моё всё едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твёрдо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

[1] *Заплечные... мастера* — палачи.

Скачан с material100.tilda.ws

Князь Михайло Репнин

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни[1] льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину[2] он кравчему[3] велит:

«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберёт,
Я первый открываю весёлый хоровод,

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О царь! забыл ты Бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в машкаре[4] плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелён не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и машкару надень —
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»

---

[1] *С вечёрни* — с вечерней церковной молитвы.

[2] *Личи́на* — маска.

[3] *Кра́вчий* — боярин, ведавший царским столом, едой, винами и напитками, а также распорядитель стола; придворный чин XV—XVIII веков.

[4] *Ма́шкара* (личина) — маска.

Скачан с material100.tilda.ws

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричнина да сгинет! — он рёк, перекрестясь. —

Да здравствует вовеки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звеняющий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул, разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

И смех их раздаётся, и пир опять кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ[1]

Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего всё к тому же царю Ивану свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился.

Написав одно письмо, он призвал раба своего Шибанова и велел ему письмо снести в Москву и отдать царю лично.

Так и сделал раб Шибанов. На Кремлёвской площади он остановил выходившего из собора царя, окружённого своими приспешниками, и по

[1] По кн.: Михаил Лермонтов: pro et contra. — СПб., 2002. — С. 246.

Скачан с material100.tilda.ws

дал ему послание своего господина, князя Курбского. Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, опёрся на жезл и стал читать послание. Шибанов с проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдился раба твоего Шибанова». Это значило, что он сам устыдился «раба» Шибанова.

Этот образ русского «раба», должно быть, поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попрёка за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую, говорит царю «всю правду истинную», что убил его любимца «вольной волею, а не нехотя».

Размышляем о прочитанном

1. Что вы узнали об Алексее Константиновиче Толстом? Под чьим руководством шло его художественное развитие? Вспомните написанную для Алёши Толстого «Чёрную курицу...». Чему учил А. Погорельский своего племянника? Какую мысль призвано было подтвердить это произведение?
2. Какие произведения А. К. Толстого вам известны?
3. Вы прочитали два произведения А. К. Толстого. О чём они? Кто их главные герои?
4. Какие характеры героев раскрываются автором и что он хочет сказать о людях и времени, в которое происходят эти события?
5. В чём упрекает царя Ивана Грозного Курбский? Как вёл себя Шибанов под пытками? О чём он просит Бога?
6. Почему Репнин не поднял свой кубок? В чём он обвиняет Ивана Грозного? О чём жалеет царь?
7. Вы прочитали высказывание Ф. М. Достоевского о М. Ю. Лермонтове. Какое произведение поэта сравнивает Достоевский с балладой Толстого «Василий Шибанов»? На что обращает внимание Достоевский?
8. Какие сравнения, эпитеты встречаются в текстах баллад и что они подчёркивают?

9★. Какие жанровые признаки баллады вы можете отметить в прочитанных произведениях А. К. Толстого?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение этих произведений, подчеркните при чтении повелительные интонации в словах царя Ивана Грозного, мужество в поступках и словах Шибанова и Репнина, их отношение к великой Руси и царю.

Скачан с material100.tilda.ws



Портрет Дж. Ф. Купера. *Неизвестный художник, 1842* (Государственный музей А. С. Пушкина)

Джеймс Фе́нимор КУ́ПЕР

1789—1851

Американский писатель Дж. Ф. Купер — автор приключенческо-исторических романов, из которых наиболее известны «Пионеры, или У истоков Саскуиханны», «Последний из могикан», «Прерия», «Следопыт, или На берегах Онтарио», «Зверобой, или Первая тропа войны» и многих других, — родился 15 сентября 1789 года в Берлингтоне и скончался 14 сентября 1851 года в Куперстауне. Его отец был судьёй и довольно богатым земдевладельцем.

Первоначальное образование Джеймс получил в местной школе, а также у домашних учителей с университетскими дипломами. Мальчика готовили к поступлению в Йельский университет, куда он был принят, но курса не окончил: его исключили после шутливой выходки в духе римского императора Калигулы, приведшего коня в сенат. Купер привёл в аудиторию осла и водрузил его на кафедру. Возмущённый отец определил его в матросы, и Купер пять лет посвятил морской службе, в том числе на озере Онтарио, где строился военный корабль.

После окончания службы он женился на француженке, и у них родилось семеро детей.

В 1826 году Купер отправился в Европу и пробыл там семь лет, написав несколько романов. К тому времени он уже был известным писателем, которого знали и ценили европейцы не только за новые для них темы американской истории, но и за уважение к американским индейцам, за мастерство рассказа, за точность и увлекательность описаний природы, за свободный дух его героев.

В России Купером тоже зачитывались. Его ценил Пушкин и другие писатели. Пушкин справедливо отметил романтическое «изображение индий-

Скачан с material100.tilda.ws

цев с поэтической их стороны» и слишком пылкое воображение, красками которого Купер подправил «истину».

Последний из могикан[1]

(глава III, отрывок)

В этот день два человека сидели на берегу небольшого, но очень быстрого потока, протекавшего на расстоянии одного часа пути от лагеря Вебба. По-видимому, они ждали появления какого-то человека или начала каких-то событий. Могучая стена леса доходила до самого берега речки; ветви густых деревьев свешивались к воде, бросая на неё тёмную тень. Солнце уже не жгло с такой силой, дневной зной спал, и прохладные испарения ручьёв и ключей лёгкой дымкой вились в воздухе. Нерушимая тишина, царившая в этом лесном уголке, прерывалась по временам ленивым постукиванием дятла, резким криком пёстрой сойки или глухим однообразным гулом отдалённого водопада, доносимым ветром.

Но эти слабые обрывки звуков были хорошо знакомы жителям лесов и не отвлекали их внимания от беседы. Красный цвет кожи одного из собеседников и его одежда обличали в нём воина-индейца. Загорелое лицо другого, одетого тоже в очень простое и грубое платье, было гораздо светлее; он казался несомненным потомком европейских переселенцев.

Краснокожий сидел на краю мшистого бревна и спокойными, но выразительными движениями рук подчёркивал свои слова. Его почти обнажённое тело являлось ужасной эмблемой смерти: оно было расписано чёрной и белой красками, что придавало человеку вид скелета. На бритой голове индейца была только одна прядь волос, украшением же служило лишь орлиное перо, спускавшееся на левое плечо. Из-за пояса виднелись томагавк[2] и скальпировальный нож английского производства. На мускулистом колене небрежно лежало короткое солдатское ружьё, одно из тех, какими англичане вооружали своих краснокожих союзников.

Всё в этом воине — его широкая грудь, прекрасное телосложение и горделивая осанка — доказывало, что он достиг полного расцвета сил, но ещё не начал приближаться к старости.

Судя по фигуре белого, можно было сказать, что он с самой ранней юности познакомился с лишениями и невзгодами. Он был муску-

[1] *Могика́не, махика́ны* или *магика́не* — крупная и могущественная конфедерация пяти индейских племён из группы алгонкинов, отличавшаяся доброжелательностью и гостеприимством.

[2] *Томага́вк* — боевой топор индейцев Северной Америки.

Скачан с material100.tilda.ws

лист, скорее худощав, чем толст; каждый напряжённый нерв и стальной мускул его тела говорили о том, что жизнь этого человека проходила в беспрестанном риске и тяжёлом труде; одежда его состояла из охотничьей рубашки зелёного цвета, окаймлённой жёлтой бахромой; голову прикрывала летняя кожаная шляпа. За поясом охотника торчал нож, но томагавка у него не было. По обычаю краснокожих, его мокасины[1] украшала пёстрая отделка, кожаные штаны были зашнурованы по бокам, а выше колен перевязаны оленьими жилами. Кожаная сумка и рог с порохом довершали его снаряжение; у ствола соседнего дерева стояло его очень длинное ружьё. В небольших глазах этого охотника или разведчика светились живость, проницательность и ум. Во время разговора он оглядывался по сторонам, то ли высматривая дичь, то ли опасаясь какого-нибудь скрытого нападения. Несмотря на обычную подозрительность, лицо его было не только бесхитростным, но в тот момент, о котором идёт речь, оно было преисполнено безукоризненной честностью.

— Предания твоего племени, Чингачгук, говорят за меня, — сказал он. Беседа велась на том наречии, которое было знакомо всем туземцам, занимавшим область между реками Гудзоном и Потомаком, и мы будем для удобства читателя давать лишь вольный перевод, стараясь, однако, сохранить некоторые особенности речи собеседников. — Твои отцы пришли из страны заходящего солнца, переправились через большую реку[2], сразились с местными жителями и завладели их землями. Мои предки пришли от красной утренней зари, переплыли через Солёное Озеро и поступили так же, как твои родоначальники. Не будем же спорить об этом и попусту тратить слова.

— Мои праотцы сражались с обнажёнными краснокожими людьми, — сурово ответил индеец на том же языке. — Скажи, Соколиный Глаз, разве ты не видишь разницы между стрелой с каменным остриём и свинцовой пулей, которой ты приносишь смерть?

— Природа дала индейцу красную кожу, но у него есть разум, — сказал белый, покачав головой, словно человек, которому этот призыв к его справедливости не прошёл впустую. На мгновение показалось, что ему пришло в голову только слабое доказательство, но потом, собравшись с мыслями, он ответил на возражение своего соперника наилучшим образом, насколько ему это позволяли его скудные знания: — Я неучёный человек и не скрываю этого; однако, су-

[1] *Мокаси́ны* — обувь североамериканских индейцев.

[2] Имеется в виду Миссиси́пи.

Скачан с material100.tilda.ws

дя по тому, что я видел во время охоты на оленей и белок, мне кажется, что ружьё в руках моих дедов было менее опасно, нежели лук и хорошая кремниевая стрела, которую послал в цель зоркий глаз индейца.

— Всё это ты слышал от твоих отцов, — холодно ответил краснокожий, махнув рукой. — Но что говорят ваши старики? Разве они говорят воинам, что бледнолицые были встречены краснокожими в военной раскраске, с каменными топорами и деревянными ружьями в руках?

— У меня нет пристрастий, я не хвастаюсь преимуществами своего рождения, хотя мой злейший враг — макуас[1] — не посмеет отрицать, что я чистокровный белый, — ответил охотник, с тайным удовлетворением разглядывая свою потемневшую, жилистую, костлявую руку. — Но я охотно сознаюсь, что не одобряю многих и очень многих поступков моих соотечественников. Один из обычаев этих людей — заносить в книги всё, что они видели или сделали, вместо того чтобы рассказать обо всём в поселениях, где всякая ложь трусливого хвастуна немедленно обнаружится, а храбрый солдат сможет призвать в свидетели собственным правдивым словам своих же товарищей. И поэтому многие ничего не узнают о настоящих делах отцов своих и не будут стараться превзойти их. Что касается меня, то в обращении с ружьём у меня прирождённые способности, и это, наверное, передаётся из поколения в поколение, ибо, как говорят наши священные заповеди, хорошее и плохое наследуется. Впрочем, я бы не хотел отвечать за других. Каждую историю можно рассматривать с двух сторон. Скажи мне, Чингачгук, что говорят предания краснокожих о первой встрече твоих дедов с моими на Миссисипи.

Наступило молчание. Индеец долго не говорил ни слова; наконец, полный сознания важности того, что он скажет, он начал рассказ, и в его тоне зазвучала торжественная искренность:

— Слушай, Соколиный Глаз, и твои уши не воспримут лжи! Вот что говорили мои отцы, вот что совершили могикане! Мы пришли оттуда, где солнце вечером прячется за необъятные равнины, на которых пасутся стада бизонов, и безостановочно двигались до великой реки. Тут мы вступили в борьбу с аллигевами[2] и бились, пока земля не покраснела от их крови. От берегов великой реки до Солёного Озера мы не встретили никого, только одни макуасы издали следили за нами. Мы сказали, что весь этот край наш. Мы мужественно

[1] *Ма́куас* — голландец-колонизатор.

[2] *Аллиге́вы* — индейские племена.

Скачан с material100.tilda.ws

завоевали этот край и охраняли его, как сильные и смелые мужи. Мы прогнали макуасов в леса, полные медведей, и они добывали для себя соль только из ям пересохших солёных источников. Эти псы не выловили ни одной рыбы из Великого Озера, и мы бросали им одни кости...

— Обо всём этом я уже слыхал и всему верю, — сказал белый охотник, видя, что индеец замолчал. — Но ведь всё, о чём ты рассказываешь, случилось задолго до того времени, когда пришли англичане.

— Тогда сосны росли там, где теперь поднимаются каштаны. Первые бледнолицые, пришедшие к нам, говорили не по-английски. Они приплыли в большой пироге. Это случилось в те дни, когда мои отцы вместе со всеми окрестными племенами зарыли свой томагавк. И тогда... — произнёс Чингачгук, и глубокое волнение выразилось только в тоне его голоса, — тогда, Соколиный Глаз, мы составляли один народ. Мы были счастливы! Солёное Озеро давало нам рыбу, леса — оленей, воздух — птиц. У нас были жёны, которые приносили нам детей. Мы поклонялись Великому Духу, и макуасы боялись наших победных песен...

— А ты знаешь, что было в то время с твоими предками? — спросил белый. — Должно быть, они были храбрыми, честными воинами и, сидя в советах вокруг костров, давали соплеменникам мудрые наставления.

— Моё племя — прадед народов, но в моих жилах нет ни капли смешанной крови, в них кровь вождей — чистая, благородная кровь, и такой она останется навсегда. На наши берега высадились голландцы. Белые дали моим праотцам огненную воду; они стали пить её; пили с жадностью, пили до тех пор, пока им не почудилось, будто земля слилась с небом. И они решили, что увидели наконец Великого Духа. Тогда моим отцам пришлось расстаться со своей родиной. Шаг за шагом их оттесняли от любимых берегов. И вот теперь я, вождь и сагамор[1] **индейцев, вижу лучи солнца только сквозь листву деревьев и никогда не могу подойти к могилам моих праотцов.**

— Могилы внушают благоговейный трепет, — заметил собеседник индейца, растроганный благородной и сдержанной печалью Чингачгука, — и они часто помогают человеку в его благих начинаниях; правда, что касается меня, то я бы хотел, чтобы мои кости остались белеть в лесах или были разодраны на части волками. Но скажи, где живут представители твоего рода, потомки людей, которые пришли в делаварскую землю много вёсен назад?

[1] *Сагамо́р* (буквально: мудрый, могучий) — почётное звание старейшин племени.

Скачан с material100.tilda.ws

— Ответь мне, куда исчезли, куда скрылись цветы давно улетевших летних дней? Они упали, осыпались. Так погиб и весь мой род: все могикане, один за другим, отошли в страну духов. Я стою на вершине горы, но скоро придёт время спускаться вниз. Когда же и Ункас уйдёт вслед за мною, тогда истощится кровь сагаморов: ведь мой сын — последний из могикан!

— Ункас здесь, — послышался мягкий молодой голос. — Кто упомянул об Ункасе?

Белый охотник поспешно вынул свой нож из ножен и невольно потянулся за ружьём. Чингачгук же, заслышав голос, остался спокойно сидеть и даже не повернул голову.

В следующее мгновение показался молодой индеец; беззвучными шагами он проскользнул между двумя друзьями и сел на берегу быстрого потока. Ни одним звуком не выразил индеец-отец своего удивления. В течение многих минут не слышалось ни вопросов, ни отве-



Отступление индейцев, находящихся на тропе войны.
Художник А. Бирштадт

Скачан с material.00.tilda.ws

тов; каждый, казалось, ждал удобного мгновения, чтобы прервать молчание, не выказав любопытства, свойственного только женщинам, или нетерпения, присущего детям.

Белый охотник, очевидно подражая обычаям краснокожих, выпустил из рук ружьё и тоже сосредоточенно молчал.

Наконец Чингачгук медленно перевёл взгляд на лицо своего сына и спросил:

— Не осмелились ли макуасы оставить следы своих мокасин в этих лесах?

— Я шёл по отпечаткам их ног, — ответил молодой индеец, — узнал, что число их равняется количеству пальцев на моих обеих руках. Но ведь они трусы и прячутся в засадах.

— Мошенники залегли в чаще и ждут удобной минуты, чтобы добыть скальпы и ограбить кого-нибудь, — сказал Соколиный Глаз. — Этот француз Монкальм, конечно, послал своих шпионов в лагерь англичан во что бы то ни стало узнать, по какой дороге движутся наши.

— Довольно! — сказал старший индеец, взглянув в сторону заходящего солнца. — Мы выгоним их из кустов, как оленей... Соколиный Глаз, закусим сегодня, а завтра покажем макуасам, что мы настоящие мужчины.

— Я согласен. Но, для того чтобы разбить ирокезов[1], прежде всего нужно отыскать, где прячутся эти хитрые плуты, а чтобы поесть, нужно найти зверя... Да вот он, тут как тут! Посмотри-ка, вон самый крупный олень, какого я встречал в течение нынешнего лета! Видишь, он бродит внизу в кустах?.. Послушай, Уикас, — продолжал разведчик, понизив свой голос до шёпота и смеясь беззвучным смехом человека, привыкшего к осторожности, — я готов прозакладывать три совка пороха против одного фунта табака, что попаду ему между глаз, и ближе к правому, чем к левому.

— Не может быть! — ответил молодой индеец и с юношеской пылкостью вскочил с места. — Ведь над кустами видны только его рога, даже только их кончики.

— Он — мальчик, — усмехнувшись, сказал Соколиный Глаз, обращаясь к старому индейцу. — Он думает, что, видя часть животного, охотник не в силах сказать, где должно быть всё его тело.

Он прицелился и уже собирался показать свое искусство, которым так гордился, как вдруг Чингачгук ударил рукой по его ружью и сказал:

---

[1] *Ирокезы* — индейское племя.

Скачан с material100.tilda.ws

— Ты, верно, хочешь сразиться с макуасами, Соколиный Глаз?

— Эти индейцы точно чутьём узнают, что кроется в чаще, — произнёс охотник, опуская ружьё и поворачиваясь к Чингачгуку, как бы признавая свою ошибку. — Ну что делать! Предоставляю тебе, Ункас, убить оленя стрелой, не то, пожалуй, мы действительно свалим животное для этих воров-ирокезов.

Чингачгук одобрил предложение белого, выразительно кивнув головой. Ункас бросился на землю и стал осторожно подползать к оленю. Когда молодой могиканин очутился всего в нескольких ярдах от кустов, он бесшумно наложил стрелу на тетиву лука. Рога шевельнулись; казалось, их обладатель почуял в воздухе близость опасности. Ещё секунда — и тетива зазвенела. Стрела блеснула в воздухе. Раненое животное выскочило из ветвей прямо на своего скрытого врага, грозя нанести ему удар рогами. Ункас ловко увернулся от взбешённого оленя и, подскочив к нему сбоку, быстро пронзил его шею ножом. Олень ринулся к реке и упал, окрашивая воду своей кровью.

— Дело сделано с ловкостью индейца, — с одобрением сказал Соколиный Глаз, беззвучно смеясь. — Приятно было смотреть! Но всё же стрела хороша лишь на близком расстоянии, и в помощь ей нужен нож.

— У-у-ух! — произнёс его собеседник и быстро повернулся, точно собака, почуявшая дичь.

— Клянусь богом, кажется, сюда идёт целое стадо! — заметил Соколиный Глаз, и его глаза заблестели. — Если олени подойдут на расстояние ружейного выстрела, я всё-таки пущу в них пулю-другую, хотя бы весь союз шести племён услышал грохот ружья! Что ты слышишь, Чингачгук? Для моего слуха лесные чащи молчат.

— Вблизи только один олень, да и тот убит, — сказал индеец и наклонился так низко, что его ухо почти коснулось земли. — Но я слышу звуки шагов.

— Может быть, волки гнали этого оленя и теперь бегут по его следам?

— Нет. Приближаются кони белых, — ответил Чингачгук, горделиво выпрямился и принял прежнюю позу. — Соколиный Глаз, это твои братья. Поговори с ними.

— Хорошо. Я обращусь к ним с такой английской речью, что самому английскому королю не было бы стыдно ответить мне, — сказал охотник на том языке, знанием которого он гордился. — Но я ничего не вижу и не слышу: ни шагов животных, ни топота челове-

Скачан с material100.tilda.ws

ческих ног. Ага! Вот треск сухого хвороста! Теперь и я слышу, как зашелестели кусты. Да-да, шум шагов! Я его принял за отголосок рёва водопадов. Но вот и люди. Боже, спаси их от ирокезов!



Размышляем о прочитанном

1. Как звали воинов и о чём велась беседа между краснокожим и белым человеком? Дружески ли говорят собеседники?
2. Найдите в тексте романа описание внешности Чингачгука и Соколиного Глаза. О каких фактах биографии и чертах характера героев мы можем догадаться по этим описаниям?
3. Обратите внимание на речь собеседников, на образные выражения, поэтические определения мест, о которых идёт речь. Как характеризует индейцев такая речь? В беседе с Чингачгуком Соколиный Глаз старается следовать правилам индейской поэтической стилистики. Как вы думаете, почему?
4. О каких эпизодах завоевания Америки европейцами мы узнаём из слов Чингачгука?



Творческое задание

Прочитайте всё произведение целиком и напишите о нём отзыв.

Скачан с material100.tilda.ws

СОДЕРЖАНИЕ

Читайте не торопясь... 3

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древнерусские повести

Из «Похвалы князю Ярославу и книгам» *(отрывок из «Повести временных лет»)* 7
Из «Поучения» Владимира Мономаха *(отрывок)* 7
«Повесть о Петре и Февронии Муромских» 9

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. С. Пушкин 18
В творческой лаборатории А. С. Пушкина 20
Лицейские годовщины 22
Лицейские профессора 23
Лицейская лирика 23
«И. И. Пущину» 25
«19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») 26
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 33
«Во глубине сибирских руд...» 35
«Туча» 37
Поэма «Полтава» *(отрывок)* 39
О «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» 43
«Станционный смотритель» 44
М. Ю. Лермонтов 57
Как работал Лермонтов 60
«Желанье» 61
«Узник» 62
«Из Гёте» 63
«Тучи» 64
«Молитва» 65
«Ангел» 66
«Когда волнуется желтеющая нива...» 67
«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» 71
Читатели М. Ю. Лермонтова о своих впечатлениях 90
Н. В. Гоголь 93
Как работал Н. В. Гоголь 94
«Тарас Бульба» (*в сокращении*) 95

Скачан с material100.tilda.ws

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

И. С. Тургенев 154
«Вся моя биография в моих сочинениях...» 155
Рассказы из цикла «Записки охотника»:
«Бирюк» 156
«Свидание» 165
Стихотворения в прозе:
«Русский язык» 174
«Два богача» 174
Л. Н. Толстой 176
«После бала» 178
Н. А. Некрасов 190
«Русские женщины». Княгиня Трубецкая (*в сокращении*) 192
«Железная дорога» 208
«Размышления у парадного подъезда» 215
Из воспоминаний А. Я. Панаевой 219

Поэзия второй половины XIX века

Ф. И. Тютчев 220
«Фонтан» 221
«Ещё земли печален вид...» 223
«Неохотно и несмело» 224
«Умом Россию не понять...» 225
А. А. Фет 226
«Шёпот, робкое дыханье...» 227
«Как беден наш язык! — Хочу и не могу...» 227

М. Е. Салтыков-Щедрин 229
«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» 231
«Дикий помещик» 240
Нужен ли нам Щедрин сегодня? 248

Произведения отечественных и зарубежных писателей на историческую тему

А. К. Толстой 250
«Василий Шибанов» 252
«Князь Михайло Репнин» 257
Из высказываний Ф. М. Достоевского о М. Ю. Лермонтове 258
Дж. Ф. Купер 260
«Последний из могикан» (*глава III, отрывок*) 261

Скачан с material100.tilda.ws

Список заимствованных иллюстраций

Глазунов И. С. Иллюстрация к роману А. К. Толстого «Князь Серебряный». Иван Грозный // Солоухин В. Глазунов И. С. Писатель и художник. Произведения русской литературы в иллюстрациях И. Глазунова. — М. : Изобразительное искусство, 1979 — С. 149.

Добужинский М. Иллюстрации к повести «Станционный смотритель» // А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. — М. : Изогиз, 1961.

Кибрик Е. Иллюстрация к повести «Тарас Бульба» // Гоголь Н. В. Тарас Бульба: Повесть. — М. : Детская литература, 1946.

Муратов Н. Иллюстрация к сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» // М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах, иллюстрациях, документах / сост. В. Н. Баскаков. — Л. : Просвещение, 1968.

Шмаринов Д. Иллюстрация к поэме «Русские женщины». Княгиня Трубецкая // Шмаринов Д. А. Альбом. — М. : Советский художник, 1959.

Шмаринов Д. Иллюстрация к повести «Станционный смотритель» // Пушкин А. С. в русской и советской иллюстрации. Альбом. Т. 2 / сост. И. Н. Врубель, В. Ф. Муленкова. — М. : Книга, 1987.

При подготовке данного издания использованы иллюстративные материалы:

© Петрухин / Россия сегодня; © Mikhail Pogosov / Picvario; © М. М. Панов. Портрет Л. Н. Толстого / Фотобанк Picvario; Портрет Ф. Купера / © Госкаталог.рф

Скачан с material100.tilda.ws



Учебное издание

Коровина Вера Яновна
Журавлев Виктор Петрович
Коровин Валентин Иванович

ЛИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Центр литературы

Ответственный за выпуск *М. Е. Ганова*
Редакторы *Е. И. Правоторова, М. Е. Ганова*
Художественный редактор *Е. В. Дьячкова*
Технический редактор *И. В. Грибкова, Е. А. Урвачева*
Компьютерная вёрстка *О. В. Поповой*
Корректор *Р. М. Низяева, В. К. Шаймарданов*

Подписано в печать 11.11.2022. Формат 70 × 90/16. Гарнитура Школьная.
Уч.-изд. л. 18,27. Усл. печ. л. 19,83. Тираж экз. Заказ № .

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
Российская Федерация, 127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, этаж 4, помещение I.

Адрес электронной почты «Горячей линии» — **vopros@prosv.ru.**